



РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Демографическая стабильность
как приоритет демографической политики РФ

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Человеческий потенциал устойчивого развития
стран Евразийского экономического союза:
динамика изменения
и демографическая безопасность

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Развитие рынка цифровых услуг
розничной торговли в условиях кризиса:
проблемы и перспективы

№ 3 (76)
2022

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ



ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

**MANAGEMENT
ISSUES**

№ 3 (76) 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Долженко Руслан Алексеевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Бальнская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

EDITOR-IN-CHIEF:

Ruslan A. Dolzhenko – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <https://journal-management.com/>
- на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
- в ЭБС «Лань»
- в библиотеке «ЛитРес»

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU



ЛитРес:

Подписной индекс – 66020.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробогатский Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министрства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Недоросткова Эльвира Эдуардовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Elvira E. Nedorostkova – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

INDEX  COPERNICUS

I N T E R N A T I O N A L


OCLC

 BASE
Bielefeld Academic Search Engine

 tei
türk eğitim indeksi

Registry of Open Access Repositories

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

Ростовская Т.К., Золотарева О.А.

Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации

Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A.

Demographic stability as a priority of the RF demographic policy

Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С.
Граждане о реализации национального проекта «Демография» в России

Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S.
Citizens on the “Demography” national project implementation in Russia

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

**Богдан И.В., Волкова О.А., Иглицына И.С.,
Чистякова Д.П.**

Внедрение гаджетов в систему мониторинга показателей здоровья населения: социологическое исследование

**Bogdan I.V., Volkova O.A., Iglitsyna I.S.,
Chistyakova D.P.**

Introduction of gadgets in the monitoring system of population health indicators: sociological research

Осадчая Г.И., Вартанова М.Л.

Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность

Osadchaya G.I., Vartanova M.L.

Human potential of sustainable development of the Eurasian Economic Union countries: change dynamics and demographic security

**Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г.,
До Хыонг Лан**

Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы

**Pismennaya E.E., Ryazantsev S.V., Kuznetsov N.G.,
Do Huong Lan**

Russia in the educational services market of South-east Asia: opportunities and prospects

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

Усова Н.В., Логинов М.П., Недоросткова Э.Э.
Развитие рынка цифровых услуг розничной торговли в условиях кризиса: проблемы и перспективы

Usova N.V., Loginov M.P., Nedorostkova E.E.
The growth of the digital retail services market in a down economy: problems and prospects

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели, мы рады приветствовать вас на бумажных и электронных страницах нашего издания. Вы читаете особый, важный для нас номер журнала «Вопросы управления», который был опубликован в непростое время, требующее от нас консолидации всех усилий на поддержании качественного уровня жизни во всех её аспектах, в том числе и научном. Я рад, что у нас все получается: экономика адаптируется к санкциям, общество спланируется вокруг преодоления общих угроз, наука сбрасывает с себя ориентацию на формальные требования публиковаться в зарубежных изданиях и «начинает дышать» нашим воздухом, отечественными повестками, лучшими компетенциями наших исследователей.

В этом номере отражён переход от одной актуальной совсем недавно темы, к другой, важной как никогда: от цифровизации к развитию человеческого капитала во всех его проявлениях. Значительный интерес к цифровым технологиям гаснет на фоне происходящих общественных изменений, поэтому так важно ухватить, понять, спрогнозировать направления общественного развития, роль людей в происходящих трансформациях. «Цифра» без человека, который её понимает и использует, превращается в бессмысленный набор нулей и единиц, а аналитические системы, которые позволяют её анализировать в условиях флуктуаций, могут стать обычными генераторами белого шума. Поэтому наша задача – двигаться вперёд и исследовать все важные аспекты различных проблем, возникающих на стыке взаимодействия цифровых технологий и людей.

От лица редакционной коллеги выражаю признательность целой плеяде сильнейших

учёных, а также их учеников, за то, что они выбрали наше издание для предоставления в нем своих работ. Очень рассчитываю на дальнейшее сотрудничество, на внимательное и заинтересованное прочтение статей, их цитирования в дальнейших научных изысканиях. Возможно одна из них станет стартовым импульсом для нового вектора ваших научных изысканий, а может, подтолкнёт вас связаться с автором для обсуждения спорных моментов. Всё в наших руках.

Очень рад, что целая плеяда известных учёных из Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, а также их партнёры публикуют в этом номере свои работы, представляющие различные аспекты использования цифровых технологий и их отражении в общественном мнении, а также вопросы, затрагивающие жизнь людей, их развитие, образование.

Отдельную благодарность редакция выражает доктору социологических наук, профессору, главному научному сотруднику Института демографических исследований ФНИСЦ РАН *Тамаре Керимовне Ростовской*, которая организовала коллег для подготовки научных статей, вовлекла их, а много раньше сформировала партнёрские и дружеские связи с Уральским институтом управления – филиалом РАНХиГС и лично с доктором социологических наук, профессором, заведующим кафедрой управления персоналом *Наталией Геннадьевной Чевтаевой*.

Главный редактор,
доктор экономических наук, доцент
Руслан Алексеевич Долженко

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT
and PUBLIC ADMINISTRATION

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.К. Ростовская^а, О.А. Золотарева^а

^а Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Научно-методологическое обеспечение стратегического управления в области демографического развития в свете выполнения Указа Президента РФ В. В. Путина от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» с новой силой приобретает практическую значимость. Оценка реализуемых стратегических документов в области демографической политики выявила необходимость их пересмотра/доработки. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и национальный проект «Демография» содержат в той или иной мере смещение целей и задач от демографических к социальным. Достижение роста качества жизни населения, поддержка слабовосприимчивых категорий населения (включая инвалидов) и семей с детьми, решение проблем в сферах образования и занятости не являются прямыми целями и задачами демографического развития. При кажущейся схоластичности подобных тезисов речь идет о приоритетах реальной демографической политики.

В статье представляются доводы, обоснованные, в частности, данными официальной государственной статистики, о важности при определении приоритетных направлений проводимой демографической политики и принятии грамотных управленческих решений понимания семантики терминов и категорий, другими словами, смыслов, заложенных в характеристиках демографических процессов. Анализ подходов и воззрений на категорию «демографическая стабильность» выявил отсутствие ее научного трактования, а также смещение к понятию «социальная стабильность», что отнюдь не одно и то же.

Накопленное демографическое научное и практическое знание позволило авторам разработать понятие «демографическая стабильность», что является ключевым результатом исследования. Применимость и актуальность предложенной категории определяется полезностью для организации демографических исследований, разработки/актуализации государственных концепций, стратегий и программ в области демографической политики (позволит достичь упругости целей, четко прописать задачи для ее достижения).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная безопасность, демографическая безопасность, демографическое развитие, демографическая стабильность, рождаемость, угрозы демографической экспансии, демографическая политика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 6–18.

Введение

Обеспечение демографической стабильности современной России и ее регионов представляется приоритетной проблемой национального масштаба. При этом до настоящего времени многие вопросы методологического характера исследования состояния демографической стабильности не достигли должной пол-

ной проработки и не в полной мере соответствуют многогранности и сложности решаемых сегодня задач. Более того в отечественной теории социально-гуманитарных наук нет четко-го понятия демографической стабильности.

Категориально-терминологический аппарат является основой любой науки, области знаний, включая демографию, дает понимание образов,

процессов, происходящих в обществе, очерчивает предметную область и сам предмет исследования, определяя его специфику и особенности, позволяет грамотно применять инструментарий исследования к конкретному объекту.

В этом контексте важно отметить, что научной литературе российскими учеными довольно широко представлены подходы к определению сущности категорий «демографическая политика» [1; 2], «демографическая безопасность» [3], «демографическое развитие» [4], «демографическое благополучие» [5], «демографическая конъюнктура» [6], «демографическая экспансия» [7].

В международных исследованиях также отмечается недостаточность внимания к вопросам демографической стабильности. Так в работе Zoran Roca и Maria de Nazaré Oliveira Roca [8] отмечается, что научная общественность и лица, принимающие решения в области пространственного развития, чаще всего используют системный подход к оценке стабильности. Согласно этому подходу, стабильность отождествляется с долговременным равновесием системы, состоящей из взаимодействующих друг с другом экологической, экономической и социальной подсистем. Данной позиции придерживаются, например, Luis Camarinha-Matos и Hamideh Afsarmanesh [9]. Демографическая стабильность представляется одним из измерений социальной стабильности, что представляется очень ограниченным.

На наш взгляд, отождествлять термины «социальная стабильность» и «демографическая стабильность» также не представляется грамотным. Анализ воззрений на сущность и подходы к толкованию категории «социальная стабильность» (труды В. Бакуменко, П. Дж. Бьюкенена, А. Галкина, Э. Гидденса, Т. Гоббса, Л. Гудкова, А. Гуц, О. Конта, С. Курдюмова, Д. Локка, Т. Парсонса, А. Паутовой, С. Пирожкова, П. Сорокина, Г. Спенсера, О. Шпенглера и многих других отечественных и зарубежных классиков социальной мысли и современных исследователей нашли сводное отражение в научных материалах, посвященных генезису концепта «социальная стабильность» [10; 11; 12]) показал, что она не отвечает специфике демографического развития, демографической по-

литики, демографической безопасности и демографических угроз. Ни в одном из определений демографическая компонента не выделена, несмотря на то, демографическая обстановка оказывает влияние на все важнейшие сферы общественной жизни, включая политическое, экономическое и социальное благополучие. В то же время категории политическая стабильность [13], экономическая стабильность [14] научно определены. Совершенно очевидно, что подобный подход выделения отдельных самостоятельных категорий стабильности с учетом специфики предметной области, научного знания, исследования конкретных процессов, протекающих в обществе, может быть применен в контексте «демографическая стабильность».

Необходимо также акцентировать внимание, что понятие «стабильность» происходит от латинского «*stabilis*» – «устойчивый» и по мнению ряда ученых заимствовано социально-гуманитарной мыслью у естественнонаучного знания [15; 16; 17]. В условиях высокой степени турбулентности и неопределенности «стабильность» может характеризоваться способностью системы государственного управления и общественной жизни переводить флуктуации к устойчивому состоянию.

Своевременность теоретико-методологического и практического рассмотрения вопросов демографической стабильности обоснована:

во-первых, требованием научно-методологического и информационно-аналитического обеспечения для принятия обоснованных и грамотных управленческих решений, касающихся стратегии развития и будущего Российской Федерации. Сегодня государство осознано обратила внимание на ценность разработки планов на базе научных подходов, закрепив это в Указе Президента РФ В. В. Путина от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»¹;

во-вторых, исключительным значением демографической динамики для успешного сценария будущего и для гарантии национальной безопасности. Сложная демографическая ситуация, характеризующаяся начавшейся вто-

¹ Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : Указ Президента РФ В. В. Путина 08.11.2021 № 633. URL: <https://base.garant.ru/403015816/> (дата обращения: 02.03.2022).

рой волной депопуляции, порождает серьезные проблемы воспроизводства трудовых ресурсов и постепенного вымирания отдельных, в том числе и стратегически важных регионов страны. «Пандемический кризис» усугубил ситуацию: вызвал избыточную смертность населения, снизил социальное благополучие, ограничил мобильность. В сложившихся условиях требуется принятие срочных, научно-обоснованных мер.

Предложение обоснованной авторской формулировки понятия «демографическая стабильность» представляется существенным научным вкладом в развитие как отечественного социально-гуманитарного знания в целом, так и методологии в области демографии. Практическая полезность разработки подхода к определению категории «демографическая стабильность» обусловлена, прежде всего, его применением в управленческой деятельности.

Обоснование значимости разработки и внедрения в практику категории «демографическая стабильность»

Правомерность проработки понятия «демографическая стабильность» и дальнейшее его использование, на наш взгляд, обоснована тем, что единство стратегического целеполагания определяется достижением национальной безопасности, представляющей сложную, комплексную, целостную категорию, имеющий многоаспектный, многогранный характер, предполагающей аналитику достаточно широкого спектра взаимосвязанных и взаимозависимых компонент. Целесообразно выделить следующие архиважные, укрупненные, фундаментальные компоненты национальной безопасности (но не исчерпывающие весь список):

- демографическая безопасность;
- государственная и общественная безопасность;
- культурно-идеологическая безопасность;
- военная и оборонно-промышленная безопасность;
- международная безопасность;
- экономическая безопасность;
- научно-технологическая безопасность;

- антитеррористическая безопасность;
- информационная безопасность;
- экологическая безопасность.

При всей важности каждой компоненты национальной безопасности, их взаимозависимости и взаимообусловленности, особое внимание хотелось бы обратить на то, что тенденции последних лет развития российского общества выдвинули на передовые позиции вопросы обеспечения демографическая безопасность государства.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ² от 2 июля 2021, приоритетным национальным интересом страны (первым из перечисленных) является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала национальными». Обеспечение стабильного демографического развития страны является предметом деятельности не только Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, но и целого ряда стратегических документов. В Указе Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» среди наиболее значимых с точки зрения научно-технологического развития Российской Федерации больших вызовов указан «демографический переход, обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, и связанное с этим старение населения, что в совокупности приводит к новым социальным и медицинским проблемам»³. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Национальный проекта «Демография» и ряд других государственных инициатив подчеркивают сложность и комплексность решаемых в данной сфере задач.

Стабильность демографического развития страны и ее регионов является не просто стержнем национальной безопасности государства, определяя состояние вооруженных сил и сил внутренней безопасности [18], основ-

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 22.02.2022).

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 22.02.2022).

ным условием его существования, территориальной целостности, детерминантой достижения высокого уровня экономического и социального развития, но и фактором, определяющим статус России как ведущей мировой державы XXI века [19].

Актуальность достижения демографической стабильности неоспорима. Под влиянием демографических процессов происходит возобновление трудовых ресурсов по различным количественным и качественным характеристикам, что является одним из необходимых условий расширенного воспроизводства. Данные процессы непосредственно воздействуют на результаты экономической деятельности общества, на социальные аспекты развития государства [20]. Сокращение рождаемости означает снижение численности рабочей силы, что приводит в итоге к увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население. В то же время уменьшение численности активной трудоспособной части населения приведет к невозможности не только количественного, но и качественного воспроизводства высоко квалифицированных профессиональных кадров. По данным Росстата⁴ на 1 января 2022 г. численность населения России равна 145 млн 478 тысяч 097 человек, масштабы общей убыли населения за 2021 г. количественно составили около 693 тысяч человек (на 1 января 2021 г. численность населения была равной 146 млн 238 тысяч 185 человек). Вторая волна депопуляции или новая «демографическая яма», в которую вошла Россия в 2016-2017 гг. и находится в ней по настоящее время, несет в себе значительную угрозу для экономики государства. В нашей стране пятый год подряд снижается рождаемость. По высокому варианту прогноза Росстата число женщин в основном фертильном возрасте предположительно от численности на начало 2021 г. сократится к 2025 г. на 8,62 %, к 2030 г. на 18,51% - всплеска рождаемости в обозримом будущем, как минимум в ближайшие десять лет ждать не стоит. Стагнация уровня смертности, которая наблюдалась

с 2016 по 2019 гг. и ее существенный рост в 2020 г., спровоцированный «излишней» смертностью из-за COVID-19, сокращение рождаемости определили рост естественной убыли населения России на протяжении последних пяти лет. Устойчивое снижение уровня рождаемости в России является причиной не только естественной убыли населения, но и главным фактором демографического старения, будущего сокращения контингента трудовых ресурсов в следствии ссуженного замещения трудовых ресурсов, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное.

В 2019 г. (до пандемии) абсолютное снижение численности населения произошло в 58 регионах РФ из 85, что в целом может свидетельствовать о сохранении негативных тенденций течения демографических процессов на федеральном уровне. Подобная ситуация, в том числе, предопределила включение в утвержденный перечень индикаторов, характеризующих эффективность деятельности руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации⁵, показателя достижения увеличения численности населения в субъектах страны (хотя, справедливости ради, отметим, что перечень индикаторов разработан в соответствии с Национальными целями Российской Федерации разработан на период до 2030 г.)⁶.

При этом сегодня в отечественной науке и практики нет четкого выделения самой категории «демографическая стабильность». Существует ряд подходов к трактовке понятия «демографическая безопасность», в частности экономистов и демографов А.Г. Вишневого [21]; В.Г. Глушковой и О.Б. Хоревой [22]; С.В. Соболевой, Н.Е. Смирновой и О.В. Чудаевой [23]; М.В. Карманова, О.В. Кучмаевой и О.Л. Петряковой [24]; Л.Л. Рыбаковского [3], однако единства мнений ученых не наблюдается и нет утвержденного терминологического аппарата на государственном уровне.

⁴ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Об оценке эффективности деятельности должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 04.02.2021 N 68. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64970> (дата обращения: 26.02.2022).

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 26.02.2022).

Отметим, что в текущем столетии определенно усиливается значимость роли демографического фактора в формировании геополитической обстановки. При этом динамика демографических процессов в России все больше и больше оказывают негативное влияние на социально-экономическое развитие, как страны в целом, так и ее отдельных регионов, ряд из которых можно признать вымирающими, что дает основания присвоению демографическим угрозам статуса серьезных национальных угроз. По прогнозным данным Справочного бюро по народонаселению в ближайшие 30 лет положение России на демографической карте земного шара серьезно ухудшится. К 2050 г. ожидается снижение мирового демографического статуса России в мире, прогнозное сокращение численности населения нашей страны в сравнении с текущим состоянием (2020 г.) определяется примерно в 9 млн чел. (прогноз численности населения России на 2050 г. - 137,9 млн⁷). Подобное развитие событий предопределяется как структурным демографическим фактором, так и тенденциями рождаемости.

Ведущий демограф современности Л.Л. Рыбаковский, говоря о стратегии демографического развития России, которая должна соответствовать интересам её национальной безопасности, определяет депопуляцию как угро-

зу, при этом среди основных факторов выделяется переход от многодетности к малодетности по оценке суммарного коэффициента рождаемости [25].

Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁸ (далее – Концепция) определена задача достижения увеличения суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза в сравнении с 2006 г. Рост суммарного коэффициента рождаемости наблюдался с 2006 г. до 2015 г. и был равен 36,2 % (увеличение показателя с 1,305 до 1,777 ребенка на одну женщину - рис. 1).

С 2016 г. фиксируется ежегодное уменьшение показателя. В 2020 г. он составляет лишь 1,505. В соответствии с планом мероприятий по реализации Концепции демографической политики в 2016 - 2020 годах было предусмотрено достижение в 2020 г. значения суммарного коэффициента рождаемости равного 1,87 ребенка на одну женщину⁹. Отметим, что в целях совершенствования демографической политики был принят Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 606 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», в котором было определено достижение повышения суммарного коэффициента рождаемости к 2018 г. до 1,753. Коэффициент выполнения плана: по Указу Президен-

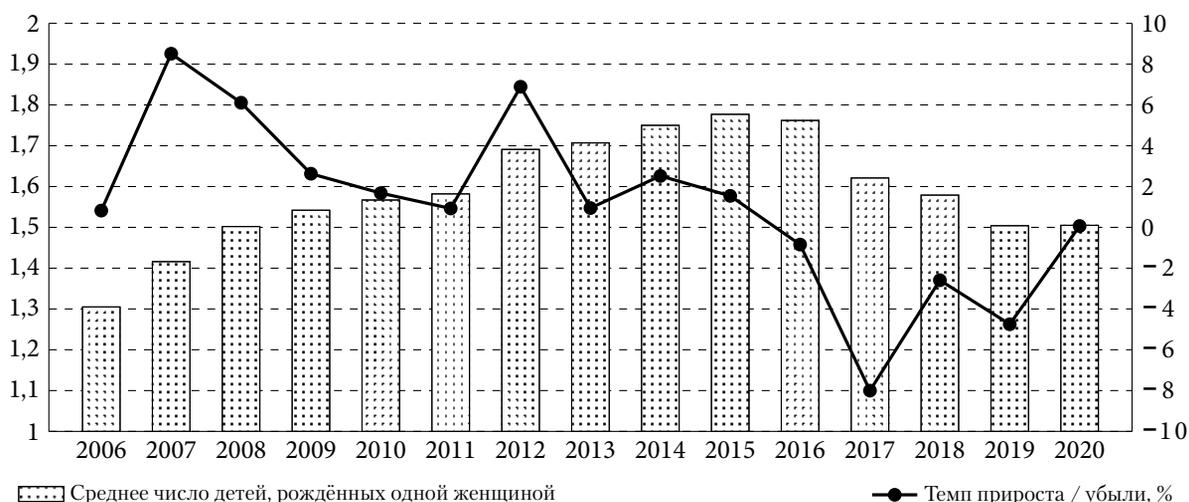


Рисунок 1 – Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России за период с 2006 по 2020 гг. (среднее число детей, рожденных одной женщиной)

Figure 1 – Dynamics of the total fertility rate in Russia for the period from 2006 to 2020 (average number of children born to one woman)

⁷Справочное бюро по народонаселению. Population Reference Bureau. URL: <https://www.prb.org/> (дата обращения: 02.03.2022).

⁸Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>.

⁹Распоряжение Правительства РФ 14.04.2016 № 669-п. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/176>

та Российской Федерации от 07.05.2012 № 606 в 2018 г. равен 90,07 % (план не выполнен); по плану мероприятий по реализации Концепции в 2016 - 2020 гг. равен 80,48 % (план также не выполнен). Говорить о выполнении индикатора к 2025 г. с учетом имеющейся динамики и демографической конъюнктуры населения не представляется возможным. Указанные плановые значения еще при утверждении Концепции должны были быть подвергнуты сомнению с учетом смены демографических волн, трансформации возрастной структуры населения: десятилетие назад наблюдалось расширенное замещение когорты женщин активного фертильного возраста (25 –29 лет), сегодня оно суженное (с 2016 по 2021 гг. численность женщин возраста 25-29 лет уменьшилась более чем на 2 млн 59 тыс.). Это было предсказуемо.

Недостижения поставленных задач в отношении роста рождаемости можно увязать с множеством существующих провалов реализуемой демографической политики: проблемой терминологического аппарата (сущность важнейших демографических категорий в стратегических документах не раскрывается); подменой демографических мер социальной помощью (семейные пособия, социальная помощь малообеспеченным семьям); фальсификацией метрик (в Паспорте национального проекта «Демография» среди индикаторов нет ни одного показателя реально отражающего динамику того или иного демографического процесса, более того, суммарный коэффициент рождаемости вычеркнут, за то добавлен показатель – «количество отчетов о направлении информации, включающей оценку хода реализации национальных проектов в социальной сфере и науке...»¹⁰); низкой демографической грамотностью управленцев, чиновников, специалистов-ана-

литиков (Вишневецкий А.Г.: «Демографов у нас немного — знание научных основ демографии, к сожалению, крайне недооценено...недостаточно “демографизированы” такие дисциплины, как экономика, социология, политология. Демографическое знание считается второстепенным, и в программах подготовки по этим специальностям ему уделяется недостаточное внимание. В итоге выпускаются экономисты, политологи, дипломаты, которые слабо ориентируются в проблемах демографии.»¹¹) и др.

При этом именно суммарный коэффициент рождаемости в подавляющем большинстве научная общественность (И.А. Алешковский, Я.В. Гусев, М.Б. Денисенко, М.В. Карманов, С.В. Соболева и О.В. Чудаева и другие) выделяет в качестве базового или указывает в перечнях показателей демографической безопасности, демографического развития (при наличии ряда др.).

А.А. Рыбаковский считает, что «демографическая безопасность может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства» [3]. Из данного определения явно прослеживается значимость естественной демографической компоненты в обеспечении демографической безопасности страны. Отсутствие стабильного естественного воспроизводства населения и нисходящая динамика численности населения приводит к неминусовому снижению физической плотности населения страны и тем самым провоцирует на заполнение неосвоенных, опустошенных территорий России мигрантами из других стран и конфликтных зон, приводя к существенной трансформации этнической структуры ряда регионов страны. Де-

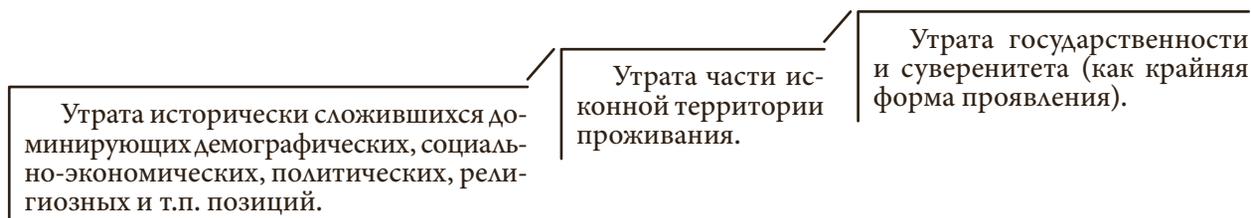


Рисунок 2 – Иерархия последствий демографической экспансии – вызова национальной безопасности
Figure 1 – Hierarchy of consequences of demographic expansion - a challenge to national security

¹⁰ Паспорт национального проекта "Демография". URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/e4/60/НП%20Демография.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).

¹¹ Проблемы демографии требуют научного подхода. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/gazeta036.php>

мографическая экспансия может привести к необратимым последствиям как утраты доминирующих культурных, политических, религиозных и т.п. ценностей, так и территориальной целостности и государственности (рис. 2).

Угрозы демографической экспансии, возникают как на глобальном (мировом) уровне, вследствие существенных трансформаций мировой структуры населения – возникновением новых лидеров среди глобальных мировых гигантов (например, Африки доля численности населения которой еще в 2014 г. составляла 15,69 % от мировой, в 2020 г. стала равной 17,21 %, а по прогнозу Справочного бюро по народонаселению к 2050 г. составит 26,25%), так и на интеграционном (в рамках Евразийского союза), вследствие практически беспрепятственной трудовой миграции и неразвитости наднациональной составляющей регулирования демографического развития в ЕАЭС, не способной предотвратить возможность перерастания экономической активности миграционных диаспор, анклавов и этнических колоний внутри ЕАЭС в политические (до пандемии с 2014 г. по 2019 г. доля прибывших в России из стран ЕАЭС в общей численности прибывших мигрантов возросла с 25,76 % до 32,88 %).

Таким образом, на лицо оригинальность демографических вызовов и угроз, анализ которых глубоко, полно, детально возможно осуществлять в рамках характеристики именно «демографической стабильности» в целях достижения демографической безопасности страны.

Авторское представление сущности категории «демографическая стабильность» (результат исследования)

Специфика демографического знания, демографического развития, демографической политики, демографической безопасности и демографических угроз дает все основания для выделения самостоятельной категории «демографической стабильности».

При этом требуется выверенная трактовка понятия «демографическая стабильность», не

смешивающееся с понятием «социальная стабильность». Отметим, что в практике государственного управления в области демографического развития встречаются недоработки, а порой и подменены или фальсификации метрик результативности проводимой демографической политики. А.А. Рыбаковский отмечает, что базовая Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹², определяющий основные вектора демографической политики несовершенна. Несмотря на то, что в первом абзаце раздела «Общих положений» говорится исключительно о демографических аспектах, что содержательно верно. Затем в документ включаются аспекты, относящиеся к социальной политике: «в разделе “Цели, принципы, задачи...” пишется, что “целями демографической политики “...являются... повышение качества жизни и увеличение продолжительности жизни...” Здесь же приводятся пороговые значения для 2015 и 2025 гг. численности населения и продолжительности жизни» [26]. Разработанный обновленный вариант Паспорта национального проекта «Демография»¹³, представленный на сайте Минтруда России и призванный отражать результативность демографической политики в области достижения национальной цели - устойчивого роста численности населения, включающий 20 показателей с плановыми значениями до 2030 г., как было уже упомянуто выше, не содержит ни одного показателя реально отражающего динамику того или иного демографического процесса (рождаемости, воспроизводства, смертности, естественного прироста и т.д.) [27]. В Национальном проекте “Демография” смещены акценты государственной политики от стимулирования рождаемости в сторону оказания своевременной медицинской помощи людям старших возрастных групп, поддержки слабозащищенных категорий населения (включая инвалидов) и семей с детьми, в сторону решения проблем в сферах образования и занятости. Возникает множество вопросов, например, как можно оценить результативность мер в области демографического раз-

¹² Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 26.02.2022).

¹³ Паспорт национального проекта “Демография”. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 26.02.2022).

вития на основе показателей – «доля завершивших обучение из числа работников организаций, находящихся под риском увольнения, ищущих работу и обратившихся в органы службы занятости, безработных граждан, направленных на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование» или «доля соискателей - получателей услуг центров занятости населения, в которых реализованы проекты по модернизации, удовлетворенных полученными услугами»¹⁴?

Разработка категории «демографическая стабильность» в целях ее практического применения в государственном управлении должна, прежде всего, быть основана на выделении в ней основополагающих количественных и качественных параметров демографического развития страны, достижение которых должно минимизировать возможные демографические угрозы национальной безопасности страны. Директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук С.В. Рязанцев в своем интервью «Россия рискует потерять этнокультурную самобытность» говорит о негативных последствиях естественной убыли населения, низком суммарном коэффициенте рождаемости (более того, он приводит результаты проведенных обследований, которые показывают в большей степени ориентацию населения на малодетность), существенных замедлениях интенсивности сокращения смертности и миграции, которая в сложившихся условиях, может стать серьезной угрозой как демографической, так и национальной безопасности страны (по сути акцентируя внимание на демографической экспансии)¹⁵. Указанное еще раз подтверждает значимость естественной демографической компоненты в обеспечении стабильности демографического развития страны, о чем говорилось ранее при рассмотрении подхода Л.Л. Рыбаковского к пониманию сущности демографической безопасности.

Осознавая особенности и специфику демографии как науки и практики, можно предста-

вить следующее авторское видение трактовки понятия «демографической стабильности». Демографическая стабильность предполагает формирование таких качественных и количественных характеристик матримониальных, репродуктивных, самосохранительных и миграционных параметров, которые приводят к устойчивому состоянию и развитию демографических процессов, обеспечивающих естественное воспроизводство населения на уровне, отвечающем национальным интересам страны.

Данное определение обосновано значимостью воспроизводства рассматриваемой популяции, что представляется вполне логичным и обоснованным подходом, так как демографические угрозы (депопуляция, старение населения, демографическая экспансия и прочие), сказывающиеся на устойчивости социально-экономического развития страны, являются прямым отражением сложившегося режима замещения поколений. В предложенной формулировке термина «демографическая стабильность» прослеживается непосредственная и приоритетная связь состояния и развития демографических процессов с сохранением целостности, независимости, суверенитета, так и безусловная цель сохранения, а при соответствующих возможностях и повышения существующего статуса государства в самых различных сферах его деятельности.

Практическая полезность разработанной категории «демографическая стабильность» должна позволить улучшить разработку концепций, стратегий и программ, направленных на демографическое развитие страны, способствуя устранению таких недостатков как расплывчатость цели, неразграниченность целей и задач, нечеткость задач или их несбалансированность.

Заключение

Настоящее исследование выполнено в контексте основных направлений, утвержденных в Указе Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» в области со-

¹⁴ Паспорт национального проекта "Демография". URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 26.02.2022).

¹⁵ Демограф Сергей Рязанцев: «Россия рискует потерять этнокультурную самобытность». URL: <https://argumenti.ru.turbopages.org/argumenti.ru/s/interview/2021/02/710111> (дата обращения: 22.02.2022).

вершенствования нормативно-правовой базы стратегического планирования, научно-методологического обеспечения стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, а также развития системы мониторинга и контроля процессов стратегического планирования и реализации документов стратегического планирования¹⁶.

В данной статье было уделено должное внимание понятийно-категориальному аппарату, что обосновывается исключительной ролью при определении приоритетных направлений проводимой государственной политики и принятии эффективных управленческих решений понимания смыслов и сущностей процессов, на которые предполагается воздействовать. Результативность проводимой демографической политики определяется проработанностью принимаемых государственных документов, при этом они должны отвечать требованиям: соответствовать их иерархической структуре; характеризоваться последовательной связностью; обеспечивать преемственность целей, сбалансированность по задачам и их ресурсному обеспечению; включать научно обоснованные индикаторы процессов и их плановые значения. Подобного не наблюдается в направлении стратегического управления демографическим развитием по многим параметрам, что следует, как минимум, из представленного анализа Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и Национального проекта "Демография".

Результатами проведенного исследования считаются следующие выводы: во-первых, выявлена явная недостаточность применения категории «социальная стабильность» к анализу специфических демографических процессов, происходящих в обществе; во-вторых, предложенная авторская формулировка термина «демографическая стабильность» представляет существенный вклад в развитие демографической науки и практики; в-третьих, представлено доказательство актуальности достижения «демографической стабильности» в условиях нарастания демографических рисков и угроз в целях обеспечения национальной безопасности государства; в-четвертых, выявлен ряд некорректностей и просчетов в реализуемой сегодня демографической политике, что неоспоримо подтверждает значимость первоначально формирования понимания, сущности демографического процесса, на который оказывается управленческое воздействие, - этим обосновывается необходимость разработки и введения в практику самой категории «демографическая стабильность».

Сформулированная в тексте статьи уникальная трактовка «демографической стабильности» представлена в узком смысле и требует дальнейшего более расширенного подхода к выявлению специфики сущности рассматриваемой категории, основанного на том, что демографическая стабильность, базисом которой является сохранение человеческой популяции, представляет фундамент общественно-го развития в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ветренко И.А., Понеделков А.В., Воронцов С.А. Современная российская демографическая политика через призму национальной безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 90–96.

2. Рязанцев С.В. Реализация национальной демографической политики. Вступительная статья // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 3–6. DOI: 10.20339/AM.11-20.005.

3. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты : Монография. М. : Экон-Информ, 2003. 55 с.

4. Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России В XX–XXI ВЕКАХ: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: 10.31857/S0869587321090085.

5. Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. Демографи-

¹⁶ Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : Указ Президента РФ В. В. Путина от 08.11.2021 № 633. URL: <https://base.garant.ru/403015816/> (дата обращения: 02.03.2022).

ческое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1.

6. Карманов М.В. Демографическая конъюнктура как неблагоприятный фактор модернизации и инновационного развития России // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2011. № 3. С. 134–137.

7. Карманов М.В., Кузин С.И. Актуальные вопросы интегральной оценки, моделирования и прогнозирования демографической экспансии // Вестник РГТЭУ. 2014. № 1 (81). С. 23–30.

8. Roca Z., Roca M. (2014). Demografska održivost i prostorni razvoj u Portugalu (Demographic sustainability and spatial development in Portugal), *Acta geographica Bosniae et Herzegovinae*, vol. 2, pp. 23–31.

9. Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. (2012). Collaborative networks in active ageing – a roadmap contribution to demographic sustainability, *Production Planning & Control*, vol. 23, pp. 279–298. DOI: 10.1080/09537287.2011.627659.

10. Цзюньцзе Лю. Социальная стабильность в стране: генезис понятия // Социология. 2018. № 2. С. 150–154.

11. Юренков И.Н. Генезис концепта «социальная стабильность» в социологической науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 180–183. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-180-183.

12. Гончаренко А.В. Социальная стабильность и национальная безопасность России : Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Гончаренко Александр Владимирович ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 115 с.

13. Семченко О.Р. Политическая стабильность: сущность, понятие, информационные механизмы // Вопросы управления. 2015. № 1 (13). С. 53–60.

14. Запорожан А.Я. Экономическая стабильность и (или) экономический рост // Управленческое консультирование. 2020. № 11. С. 93–98. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-93-98.

15. Ashby W.R. (1947). Principles of the Self-Organizing Dynamic System, *The Journal of General Psychology*, vol. 37, pp. 125–128. DOI: 10.1080/00221309.1947.9918144.

16. Bellman R. (1953). Stability Theory of

Differential Equations. Dover Publications Inc., Mineola.

17. Glensdorf P., Prigogine I. (1973). Thermodynamic Theory of Structure, Stability and Fluctuations. Mir, Moscow.

18. Sidorenko A. (2019). Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries, *Population and Economics*, vol. 3 (3), pp. 1–22. DOI: 10.3897/popcon.3.e47236.

19. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Профессиональный стандарт «демограф» как фактор формирования новой модели кадрового потенциала // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 82–95. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8106.

20. Ветренко И.А., Понеделков А.В., Воронцов С.А. Современная российская демографическая политика через призму национальной безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 90–96.

21. Миграция и демографическая безопасность России // Миграция и безопасность в России : Коллективная монография / А. И. Алексеев, Г. С. Витковская, А. Г. Вишневский [и др.] ; под редакцией Г. Витковской и С. Панарина. М. : Интердиалет +, 2000. С. 55–83.

22. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Финансы: теория и практика. 2014. № 3. С. 14–25. DOI: 10.26794/2587-5671-2014-0-3-14-25.

23. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153.

24. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.А. Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Статистика и Экономика. 2015. № 4. С. 123–128. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-4-123-128.

25. Рыбаковский Л.А. 20 лет депопуляции в России : Монография. М. : Экон-информ, 2014. 231 с.

26. Рыбаковский Л.А. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 62–70.

27. Золотарева О.А. К вопросу мониторинга национального проекта «Демография» и

оценки демографической безопасности Российской Федерации // Экономические страте-

гии. 2021. № 2 (176). С. 45–51. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.45-51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); rostovskaya.tamara@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 767943, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Золотарева Ольга Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); OAMahova@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 327777, ORCID: 0000-0001-7339-7510, ScopusID: 57220901427.

DEMOGRAPHIC STABILITY AS A PRIORITY OF THE RF DEMOGRAPHIC POLICY

Т.К. Rostovskaya^a, О.А. Zolotareva^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Scientific and methodological support of strategic management in the field of demographic development in terms of implementation of the RF President V. V. Putin's Decree of 08.11.2021 № 633 "On approving the public policy fundamentals of in the field of strategic planning in the Russian Federation" is gaining practical significance with renewed vigor. The assessment of the strategic documents under implementation in the field of demographic policy revealed the need for their revision / improvement. The concept of the RF demographic policy for the period up to 2025 and the "Demography" national project contain, to a certain degree, a shift in goals and objectives from demographic to social ones. Achieving the increased quality of life of the population, supporting vulnerable categories (including the disabled) and families with children, solving problems in education and employment are not direct goals and objectives of the demographic development. With the seemingly scholastic nature of such theses, it is about the real demographic policy priorities.

The article provides arguments, specifically supported by the government state statistics, on the importance of understanding the semantics of terms and categories, in other words, meanings inherent in demographic processes characteristics, when determining the current demographic policy priority areas and making informed managerial decisions. Having analyzed approaches to and views on the "demographic stability" category, the absence of its scientific interpretation and a shift towards the "social stability" concept was revealed which is by no means the same thing.

The accumulated demographic scientific and practical knowledge has led the authors to the key research result - development of the "demographic stability" concept. The applicability and relevance of the developed category is determined by how useful for the organization is the demographic research, the development / updating of state concepts, strategies and programs in the field of demographic policy (whether it provides for achieving goals elasticity and clearly defines tasks for achieving it).

KEYWORDS: national security, demographic security, demographic development, demographic stability, birth rate, threats of demographic expansion, demographic policy.

FOR CITATION: Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. (2022). Demographic stability as a priority of the RF demographic policy, *Management Issues*, no. 3, pp. 6–18.

REFERENCES

1. Vetrenko I.A., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. (2015). Modern Russian demographic policy through the prism of national security, *Bulletin of the University of Omsk. Series: Historical Sciences*, no. 3 (7), pp. 90–96.
2. Ryazantsev S.V. (2020). Implementation of national demographic policy. Introductory article, *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*, no. 11, pp. 3–6. DOI: 10.20339/AM.11-20.005.
3. Rybakovsky L.L. (2003). Demographic security: population and geopolitical aspects. Monograph. Moscow: Econ-Inform. 55 p.
4. Ryazantsev S.V., Rybakovsky L.L. (2021). The demographic development of Russia in the XX – XXI centuries: historical and geopolitical dimensions, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 91, no. 9, pp. 810–819. DOI: 10.31857/S0869587321090085.
5. Ryazantsev S.V., Miryazov T.R. (2021). Demographic well-being: theoretical approaches to the definition and assessment methodology, *DEMIS. Demographic research*, vol. 1, no. 4, pp. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1.
6. Karmanov M.V. (2011). Demographic situation as an unfavorable factor in the modernization and innovative development of Russia, *Economics, statistics and computer science. Bulletin UMO*, no. 3, pp. 134–137.
7. Karmanov M.V., Kuzin S.I. (2014). Actual issues of integral evaluation, modeling and forecasting of demographic expansion, *Bulletin of the RSUTE*, no. 1 (81), pp. 23–30.
8. Roca Z., Roca M. (2014). Demografska održivost i prostorni razvoj u Portugalu (Demographic sustainability and spatial development in Portugal), *Acta geographica Bosniae et Herzegovinae*, vol. 2, pp. 23–31.
9. Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. (2012). Collaborative networks in active ageing – a roadmap contribution to demographic sustainability, *Production Planning & Control*, vol. 23, pp. 279–298. DOI: 10.1080/09537287.2011.627659.
10. Junjie Liu. (2018). Social stability in the country: Genesis of concepts, *Sociology*, no. 2, pp. 150–154.
11. Yurenkov I.N. (2016). The genesis of the concept of “social stability” in sociological science, *News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science*, vol. 16. Issue. 2, pp. 180–183. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-180-183.
12. Goncharenko A.V. (2001). Social stability and national security of Russia. Ph. D. degree dissertation. Lomonosov Moscow State University. Moscow. 115 p.
13. Semchenko O.R. (2015). Political stability: essence, concept, information mechanisms, *Management Issues*, no. 1 (13), pp. 53–60.
14. Zaporozhan A.Ya. (2020). Economic stability and (or) economic growth, *Management Consulting*, no. 11, pp. 93–98. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-93-98.
15. Ashby W.R. (1947). Principles of the Self-Organizing Dynamic System, *The Journal of General Psychology*, vol. 37, pp. 125–128. DOI: 10.1080/00221309.1947.9918144.
16. Bellman R. (1953). Stability Theory of Differential Equations. Dover Publications Inc., Mineola.
17. Glensdorf P., Prigogine I. (1973). Thermodynamic Theory of Structure, Stability and Fluctuations. Mir, Moscow.
18. Sidorenko A. (2019). Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries, *Population and Economics*, vol. 3 (3), pp. 1–22. DOI: 10.3897/popecon.3.e47236.
19. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. (2021). Professional standard “Demographer” as a factor in the formation of a new model of personnel potential, *Sociological science and social practice*, vol. 9, no. 2, pp. 82–95. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8106.
20. Vetrenko I.A., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. (2015). Modern Russian demographic policy through the prism of national security, *Bulletin of the University of Omsk. Series: Historical Sciences*, no. 3 (7), pp. 90–96.
21. Migration and demographic security of Russia. In: Alekseev A.I., Vitkovskaya G.S., Vishnevsky A.G. (eds.) (2000). Migration and Security in Russia. Collective monograph. Moscow: Interdi-
alist +. Pp. 55–83.
22. Glushkova V.G., Khoreva O.B. (2014). Demographic security of Russia and its regions: prob-

lems and ways to solve them, *Finance: Theory and Practice*, no. 3, pp. 14–25. DOI: 10.26794/2587-5671-2014-0-3-14-25.

23. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. (2016). Demographic security of Russia: regional meters, evaluation of results, *World of a new economy*, no. 4, pp. 142–153.

24. Karmanov M.V., Kuchmaeva O.V., Petryakova O.L. (2015). Demographic security: theory, methodology, assessment, *Statistics and economics*, no. 4, pp. 123–128. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-4-123-128.

25. Rybakovsky L.L. (2014). 20 years of depopulation in Russia. Monograph. Moscow: Econ-Infom. 231 p.

26. Rybakovsky L.L. (2015). The concept of the demographic policy of Russia: experience in developing and improving paths, *Sociological research*, no. 9, pp. 62–70.

27. Zolotareva O.A. (2021). On the issue of monitoring the national project “Demography” and the assessment of demographic security of the Russian Federation, *Economic Strategies*, no. 2 (176), pp. 45–51. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.45-51.

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara K. Rostovskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); rostovskaya.tamara@mail.ru. RSCI AuthorID: 767943, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Olga A. Zolotareva – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); OAMahova@yandex.ru. RSCI AuthorID: 327777, ORCID: 0000-0001-7339-7510, ScopusID: 57220901427.

ГРАЖДАНЕ О РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ» В РОССИИ

В.К. Левашов^а, Н.М. Великая^а, И.С. Шушпанова^а

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Устойчивое развитие страны непосредственным образом связано с обеспечением демографической безопасности, с сохранением народонаселения, что актуализирует исследования, реализуемые в рамках национального проекта «Демография» в контексте всей системы государственных программ с точки зрения россиян. Авторы ставят перед собой цель выявить основные риски и барьеры демографического развития в современной России на основе анализа мнений, взглядов и оценок российских граждан относительно ключевых аспектов и успешности реализации национальных проектов, в том числе проекта «Демография».

В ходе исследования был проанализирован широкий спектр источников информации теоретического, практического и прикладного характера: статистические данные Росстата, информация о расходах бюджета на реализацию национальных проектов, законодательные акты и документы органов власти РФ.

Эмпирическую базу составили результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, и авторского исследования, анализирующего сущность политической культуры российского общества. Социологический опрос выполнен методом анкетирования. Всероссийская выборка является выверенной и репрезентативной.

В статье проводится анализ мнений граждан России относительно национального проекта «Демография» по ряду ключевых критериев: степень важности, информированности и обеспечения реализации поставленных целей. Оценки граждан дополнены мнениями экспертов и рассчитанными авторами индексами, дающими представления о динамике, характере и перспективах хода реализации государственных программ. Исследование социально-политических аспектов иллюстрируется построенными и рассчитанными авторами индексами, описывающими характер и перспективы хода реализации государственных программ. Среди рисков выполнения национального проекта «Демография» авторы выделяют низкую степень его важности для россиян, недостаточный уровень информированности общества и отсутствие уверенности граждан в реальности достижения поставленных национальных целей. Государственные программы реализуются в условиях низкого уровня доверия граждан к институтам власти, низкой степени одобрения проводимой ими политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальные проекты, демография, гражданское общество, государство, власть, приоритеты общества, доверие, информированность населения, национальные цели.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. Граждане о реализации национального проекта «Демография» в России // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 19–31.

Условия, критерии, экспертные оценки

Демографическая политика государства определяет перспективы устойчивого развития во многих сферах жизнедеятельности страны. Народонаселение России является ключевым стратегическим ресурсом для благополучной эко-

номической, политической, социальной и духовной жизни гражданского общества в настоящем и будущем. Актуальные стратегические основы в области демографии отражены в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических

задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В данном документе даны количественные и качественные критерии и характеристики выполнения национального проекта «Демография». Традиционно к национальным целям развития страны в области демографической политики относили индикаторы, связанные с численностью населения и ее ростом, продолжительностью жизни и другие. В частности, в России в 2024 году предполагалось обеспечить рост значений следующих показателей: ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; суммарного коэффициента рождаемости до 1,7; доли граждан, ведущих здоровый образ жизни до 55 %¹.

Между тем, наметившееся еще в 2016 году снижение коэффициента суммарной рождаемости ускорилось и снизилось с 1,76 до 1,49 в 2020 году, что на 28 % ниже необходимого воспроизводства населения².

Сложная эпидемиологическая обстановка, сложившаяся в связи со стремительным распространением COVID-19 во всем мире, послужила катализатором снижения уровня жизни граждан и ухудшения демографической ситуации в России. Так, в 2020 году в рамках реализации нацпроекта «Демография» было потрачено 602 млрд рублей, а реализованные программы во многом замедлили темпы снижения количества рождений с 8 % в 2019 году до 3 % в 2020 году³. В кризисные моменты роль и поддержка государства очень важна для общества [1]. С целью поддержания качества жизни граждан и экономики органы власти оперативно внесли изменения в стратегические планы развития страны. В Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» закреплена первоочередность достижения национальных целей в сфере демографической политики: сохранение населения, здоровья и благополучия граждан, создание комфортной и безопасной сре-

ды для их жизни и другие⁴. Что касается целевых показателей улучшения состояния демографической ситуации, то к 2030 году предполагалось обеспечить устойчивый рост численности населения России, ожидаемой продолжительности жизни и, в то же время, двукратное снижение уровня бедности и другие. В настоящее время в состав национального проекта «Демография» входят 5 ключевых федеральных программ. Меры, предложенные для их реализации, неоднозначно оцениваются экспертами. В частности, Т. К. Ростовская и А. А. Шабунова на основе проведенных социологических опросов делают вывод о том, что «реализуемые меры, преимущественно, носят социальный характер, ориентированы на нуждающиеся категории населения, их эффект отсрочен во времени» [2, с. 13]. Анализируя условия реализации программ национального проекта, А. А. Ткаченко приходит к заключению, что цели национального проекта «могут оказаться неэффективными ввиду отсутствия анализа воздействия предыдущих нововведений, оценки которых пока не прозвучало» [3, с. 32]. Разнообразные варианты сценарного развития исследуются в работах демографов, акцентирующих внимание на негативных трендах демографического развития страны в будущем, несмотря на весь спектр предпринимаемых действий со стороны государственных органов [4; 5].

Исследователи поднимают проблему слабой информированности граждан о действующих программах в рамках национальных проектов, в том числе «Демография», и деятельности государственных институтов в данном направлении [6; 7; 8]. Региональные аспекты демографической политики анализируются в работах М. Х. Абидова, Л. А. Борисовой, Ф. Н. Исмаиловой [9], Н. М. Габдулина, И. А. Киршина, А. В. Шулаева [10], В. Г. Романова, И. В. Романовой [11], Л. В. Иваненко, В. Б. Тасеева [12], Э. И. Позубенковой [13], Е. А. Захарова [14], П. А. Минакир, О. М. Прокапало [15] и др.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 15.03.2022).

² Предварительные демографические итоги 2020 г. (часть II). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0893/barom04.php> (дата обращения: 01.03.2022).

³ Вступительное слово Татьяны Голиковой на заседании проектного комитета по нацпроектам «Здравоохранение» и «Демография»: Официальный сайт правительства РФ. 2 апреля 2021 года. URL: <http://government.ru/news/41878/> (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 15.03.2022).

Таблица 1 – Оперативная информация о расходовании федерального бюджета Российской Федерации в части бюджетных средств, предусмотренных и потраченных на реализацию национального проекта «Демография» в 2021 году⁶

Table 1 – Operational information on the expenditure of the federal budget of the Russian Federation in terms of budget funds provided and spent on the implementation of the national project «Demography» in 2021

| Наименование федерального проекта | Выделено | Израсходовано | Доля, % |
|---|------------------|------------------|-------------|
| «Финансовая поддержка семей при рождении детей» | 554 636,2 | 553 476,7 | 99,8 |
| «Укрепление общественного здоровья» | 316,3 | 313,4 | 99,1 |
| «Старшее поколение» | 6 423,9 | 6 284,3 | 97,8 |
| «Содействие занятости» | 50 209,3 | 45 714,8 | 91,0 |
| «Спорт – норма жизни» | 28 127,7 | 25 372,9 | 90,2 |
| Итого: | 639 713,3 | 631 162,2 | 98,7 |

Эмпирическая база исследования

Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках мониторинга «Как живешь, Россия?» ежегодно проводит исследования, фиксирующие динамику социально-политической ситуации в России (рук. В. К. Левашов). В основе мониторинговых исследований лежит всероссийская квотно-пропорциональная выборочная совокупность, предполагающая соблюдение параметра экономико-географического районирования страны с учетом половозрастных характеристик генеральной совокупности. Выборка является репрезентативной. Эмпирический объект исследования – взрослое население Российской Федерации. Социологический мониторинг предполагал проведение опроса методом анкетирования. В разные годы объем выборки составлял 1312–1866 респондентов. В статье используются результаты социологического исследования «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу», проведенного в июне 2019 г. и исследующего особенности политической культуры российского общества (рук. В. К. Левашов). Объем выборки – 1800 респондентов. Помимо этого, авторами проведен анализ документов российских органов власти,

в т. ч. ряда законов и программ, расходование средств федерального бюджета.

Исполнение бюджетов проектов и оценки граждан

Опубликованные Министерством финансов РФ предварительные результаты анализа расходования федерального бюджета за 2021 год позволяют констатировать, что всего было израсходовано 2 549 млрд рублей, что составило 97,8 % от плановых бюджетных назначений⁵. В рейтинге исполнения расходов, выделенных государством на реализацию национальных программ, лидировали: «Жилье и городская среда» (99,8 %), «Безопасные и качественные дороги» (99,8 %), «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (98,8 %) и другие. Немного в меньшем объеме потрачено на проекты «Культура» (98,8 %), «Демография» (98,7 %), «Производительность труда и поддержка занятости» (97,9 %), «Экология» (97,7 %), «Цифровая экономика Российской Федерации» (95,8 %), «Здравоохранение» (95,2 %), «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (95,2 %), «Туризм и индустрия гостеприимства» (93,4 %). Хуже всего были исполнены расходы на «Образование» (89,8 %).

На реализацию национального проекта «Демография» государство выделило 639 713,3 млн руб. Согласно данным Министерства финансов РФ, за 2021 год исполнение расходов составило 631 162,2 млн руб. Уровень выполнения данной государственной программы в рамках расходов федерального бюджета зафиксирован на уровне 98,7 %. В таблице 1 указаны основные параметры оценки потраченных государством денежных средств за 2021 год на реализацию проекта «Демография», который включает в себя пять федеральных проектов, цели которых, в свою очередь, направлены на борьбу с депопуляцией, повышение рождаемости и снижении смертности, формирование здоровые берегающих практик, обеспечение занятости женщин, имеющих детей.

⁵ Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов: Сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37752-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzhetna_na_ryealizatsiyu_natsionalnykh_proektov (дата обращения: 15.03.2022).

⁶ Источник: Министерство финансов Российской Федерации.

Значение показателя программы «Финансовая поддержка семей при рождении детей» является наиболее высоким (99,8%). Хуже всего была исполнена государственная программа «Спорт – норма жизни» (90,2%). Таким образом, национальный проект «Демография» не был реализован в полном объеме выделенных на него государством денежных средств. Анализируя сложившуюся ситуацию, Министерство финансов РФ отметило высокие риски невыполнения плановых показателей по строительству социальных учреждений (детских садов, спортивных объектов), а также сложную ситуацию на рынке труда, которая создает угрозы невостребованности мест в дошкольных учреждениях и приостановки программ обучения и переобучения матерей и лиц пожилого возраста. Добавим, что рост указанных рисков во многом был связан с мерами, обеспечивающими эпидемиологическую безопасность страны, связанных с распространением COVID-19 и временным снижением доходов и качества жизни населения.

Национальные проекты, реализуемые в стране, имели неоднозначную оценку гражданского общества. По данным авторского социологического мониторинга, в июне 2021 года по критерию «для Вас лично» большинство респондентов считали наиболее важными следующие национальные проекты: «Здравоохранение» (76%), «Образование» (62%), «Экология» (55%), «Жилье и городская среда» (55%) (табл. 2). Наименее значимыми для российского гражданского общества оказались государственные программы, связанные с цифровой экономикой, планом модернизации магистральной инфраструктуры, кооперацией и экспортом в международной сфере.

По критерию «лично для Вас» в рейтинге важности национальный проект «Демография» занял 10 место. В динамике степень важности данной программы для граждан возросла с 14 % в 2020 году до 21 % в 2021 году. Наибольший прирост значимости, согласно оценкам россиян, наблюдался у таких национальных проектов, как «Культура» (рост на 20 п.п.), «Образование» (на 17 п.п.), «Наука» (на 15 п.п.), «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (на 10 п.п.). Одновременно с этим за-

фиксировано снижение степени важности ряда государственных программ: «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (на 12 п.п.), «Цифровая экономика Российской Федерации» (на 9 п.п.), «Здравоохранение» (на 4 п.п.).

В 2021 году, исследуя национальные проекты через призму их важности для российского общества, большинство граждан считали наиболее приоритетными такие программы, как «Здравоохранение» (78%), «Образование» (70%), «Экология» (64%), «Жилье и городская среда» (54%). Третья часть гражданского общества отметили значимость национального проекта «Демография» (34%). По сравнению с 2020 годом в 2021 году все государственные программы снизили свои значения важности по критерию «для российского общества в целом». Наибольшие количественные показатели снижения зафиксированы у проектов «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (33 п.п.), «Демография» (29 п.п.), «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (31 п.п.).

Учитывая сокращение доходов граждан и ухудшающееся на этом фоне социально-психологическое самочувствие населения, которое во многом определяется социально-экономическими условиями, доходом и уверенностью в завтрашнем дне, видится закономерным существенный и значимый перевес в сторону национальных проектов, которые обеспечивают уровень и качество жизни российского общества [16]. Сравнивая значения по двум критериям, наибольшее число россиян считали, что национальный проект «Демография» важен, прежде всего, для российского общества в целом (21% против 34%). Отметим, что в 2020 году данная программа была значимой для большинства граждан (63%). Однако за год степень важности национального проекта «Демография» возросла в контексте оценки личной потребности. Иная ситуация складывается, анализируя критерий важности для всего российского общества. Согласно мнению респондентов, степень значимости данной программы для российского социума за год снизилась почти в два раза, уступив большей части других проектов. В российском обществе сформировался запрос, прежде всего, на создание эффективных систем в областях здра-

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие национальные проекты являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных). Ответы ранжированы по столбцу «Для Вас лично» (2021 г.)⁷

Table 2 – Distribution of respondents' answers to the question “Which national projects are the most important?” (RF, % of the number of respondents). The answers are ranked according to the column “For you personally” (2021)

| Национальные проекты | Для Вас лично | | Для российского общества в целом | |
|---|---------------|----------|----------------------------------|----------|
| | 2020, IX | 2021, VI | 2020, IX | 2021, VI |
| Здравоохранение | 80 | 76 | 87 | 78 |
| Образование | 45 | 62 | 78 | 70 |
| Экология | 49 | 55 | 74 | 64 |
| Жильё и городская среда | 47 | 55 | 62 | 54 |
| Безопасные и качественные автомобильные дороги | 58 | 46 | 76 | 43 |
| Культура | 21 | 41 | 54 | 47 |
| Наука | 18 | 33 | 62 | 44 |
| Производительность труда и поддержка занятости | 31 | 31 | 56 | 44 |
| Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы | 18 | 28 | 54 | 33 |
| Демография | 14 | 21 | 63 | 34 |
| Цифровая экономика Российской Федерации | 20 | 11 | 50 | 21 |
| Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры | 4 | 9 | 27 | 18 |
| Международная кооперация и экспорт | 5 | 6 | 30 | 13 |

воохранения, образования, экологии и жилищной сфере, отвечающие интересам каждого гражданина [17; 18].

Обратим внимание на гендерные аспекты восприятия актуальности тех или иных направлений государственной политики, реализуемых через нацпроекты. Исследуя значимость национального проекта «Демография» по гендерному аспекту, в 2021 году мужчины и женщины в равной степени озабочены решением демографических вопросов в рамках своих личных потребностей. В целом, по всей структуре рейтинга личной приоритетности для женщин по сравнению с мужчинами наиболее важными стали следующие государственные программы: «Здравоохранение» (57% женщин против 43% мужчин, отметивших значимость проекта), «Образование» (56% против 44%), «Жильё и городская среда» (56% против 44%), «Экология» (57% против 43%), «Культура» (57% против 43%), «Наука» (53% против 47%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (55% против 45%), «Производительность труда и поддержка занятости» (56% против 44%), «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (56% против 44%). Для российских мужчин наибольшую важность имели национальные проек-

ты «Цифровая экономика» (54% мужчин против 46% женщин), «Международная кооперация и экспорт» (63% против 37%). Женщины чаще мужчин отмечали приоритетность национального проекта «Демография» в целом для российского общества (55% против 45%). Для удовлетворения потребностей социума реализация большинства проектов была важнее для женщин, чем для мужчин. Исключение составила лишь программа «Международная кооперация и экспорт» (56% мужчин против 44% женщин).

Что касается возрастных групп, то взрослые респонденты (старше 36 лет), чаще молодых граждан (младше 35 лет) указывали на значимость для них лично анализируемого проекта (62% против 38%). В целом все анализируемые государственные программы были приоритетнее в большей степени для взрослого поколения, чем для молодежи. Такая же картина наблюдалась в структуре рейтинга приоритетности по критерию приоритетности в целом для российского общества. Реализация национального проекта «Демография» для социума в большей степени значима для взрослых граждан, чем для молодых (62% против 38%).

В структуре классовой самоидентификации проект «Демография» по критерию важности «лично для Вас» не занял лидирующие пози-

⁷Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 3 – Распределение ответов российских граждан на вопрос: «7 мая 2018 года Президент РФ подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». В какой степени Вы информированы о национальных проектах» (РФ, % от числа опрошенных), июнь 2019 г., в %⁸

Table 3 – Distribution of responses of Russian citizens to the question: «On May 7, 2018, the President of the Russian Federation signed a decree "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024". To what extent are you informed about national projects» (RF, % of respondents), June 2019, %

| Национальные проекты | Информированы полностью | Информированы в средней степени | Только слышали о них | Не информированы | Индекс информированности ($I_{ин}$) |
|---|-------------------------|---------------------------------|----------------------|------------------|---------------------------------------|
| Здравоохранение | 7,3 | 22,8 | 39,6 | 30,3 | - 0,3 |
| Образование | 5,3 | 20,3 | 37,7 | 36,7 | - 0,4 |
| Жилье и городская среда | 3,4 | 16,8 | 35,4 | 44,4 | - 0,5 |
| Демография | 2,7 | 20,9 | 37,2 | 39,2 | - 0,4 |
| Экология | 1,7 | 16,6 | 30,7 | 51 | - 0,6 |
| Культура | 2,1 | 11,2 | 31,8 | 54,9 | - 0,6 |
| Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы | 3,8 | 13 | 33,2 | 50 | - 0,6 |
| Наука | 3,2 | 9,1 | 32,3 | 55,4 | - 0,6 |
| Безопасные и качественные автомобильные дороги | 3,6 | 16,6 | 34 | 45,8 | - 0,5 |
| Цифровая экономика Российской Федерации | 5,9 | 14,6 | 27,3 | 52,2 | - 0,5 |
| Производительность труда и поддержка занятости | 2,6 | 12,3 | 29,7 | 55,4 | - 0,6 |
| Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры | 1,9 | 6,6 | 21,7 | 69,8 | - 0,8 |
| Международная кооперация и экспорт | 2,3 | 5,4 | 18,9 | 73,4 | - 0,8 |
| Среднее значение $I_{ин}$: | | | | | - 0,55 |

ции. Четверть граждан, из числа относивших себя к низшему классу, считали данную программу значимой для них (24 %). Пятая часть россиян, из когорты идентифицирующих себя со средним классом, отметили важность решения демографических проблем (20 %). Среди представителей высшего класса высказали точку зрения о приоритетности для них национального проекта «Демография» только 7 %. В контексте важности для российского общества национальный проект «Демография» занял более высокие позиции в рейтинге. Его значимость для социума отметили 35 % из числа граждан, относивших себя к низшему классу, 34 % – к среднему и 25 % – к высшему.

Граждане о проекте «Демография» в системе государственных программ

Все национальные проекты во многом взаимосвязаны между собой в получаемых эффектах от их реализации [19]. Решение приоритетных, первоочередных вопросов в сферах здравоохранения, образования, экологии и жилья для каждого гражданина и социума в целом во многом будет способствовать и улучшению де-

мографической ситуации в России. Для более эффективного решения вопросов демографии в стране необходимо создать благоприятные условия для реализации проектов в комплексе.

Информированность граждан о сути национальных проектов и ходе их реализации может стать ключевым фактором повышения уровня доверия органам власти и к их проводимой политике. Во-первых, в данном процессе важную роль играет медийная сфера, транслирующая социально-политические позиции, взгляды и ценности [20]. Во-вторых, данный аспект может послужить во благо процесса консолидации российского общества и государства [21; 22]. Отношение к национальным проектам граждан во многом детерминировано уровнем доверия к власти [23], который в последние годы демонстрирует тенденцию к снижению.

Согласно социологическим измерениям, в июне 2019 года, наибольшее число респондентов полностью информированы о национальных проектах «Здравоохранение» (7,3 %), «Цифровая экономика Российской Федерации» (5,9 %), «Образование» (5,3 %) (табл. 3). По критерию абсолютной не информированности граждан

⁸ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН. Индекс информированности рассчитан авторами.

Таблица 3 – Распределение ответов российских граждан на вопрос: «Как Вы считаете, Правительство России обеспечит достижение следующих национальных целей развития на период до 2024 года?» (РФ, % от числа опрошенных), июнь 2019 г., в %⁹

Table 3 – Distribution of responses of Russian citizens to the question: "Do you think the Russian Government will ensure the achievement of the following national development goals for the period up to 2024?" (RF, % of respondents), June 2019, %

| Национальные цели | Обеспечит полностью | Не обеспечит | Затруднились ответить | Индекс обеспечения реализации целей ($I_{орп}$) |
|--|---------------------|--------------|-----------------------|---|
| Естественный рост численности населения страны | 18,9 | 54,4 | 26,7 | - 0,4 |
| Продолжительность жизни населения до 78 лет | 5,8 | 75,8 | 18,4 | - 0,7 |
| Рост реальных доходов граждан | 8,8 | 75,6 | 15,6 | - 0,7 |
| Снижение в два раза уровня бедности в стране | 7,9 | 76,6 | 15,5 | - 0,7 |
| Улучшение жилищных условий для 25 миллионов семей | 12,9 | 61,3 | 25,8 | - 0,5 |
| Ускорение технологического развития для 50% предприятий и организаций страны | 22 | 45,2 | 32,8 | - 0,2 |
| Ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере | 46,8 | 25,8 | 27,4 | 0,2 |
| Темпы экономического роста выше мировых | 8,6 | 65,8 | 25,6 | - 0,6 |
| Создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора | 16,7 | 42,2 | 41,1 | - 0,3 |

лидировали государственные программы «Международная кооперация и экспорт» (73,4 %), «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (69,8 %).

О национальном проекте «Демография» полностью информированы 2,7 % россиян, в средней степени – 20,9 %, только слышали – 37,2 % и не имели никакой информации – 39,2 %. Рассчитанный авторами индекс информированности граждан равен -0,4. Это обстоятельство свидетельствует о низкой степени осведомленности респондентов о сущности и процессе реализации национального проекта «Демография». Наибольшее число граждан либо не информированы, либо только слышали об этой государственной программе. Отметим, что индекс информированности находится в диапазоне от -1 до 1.

Крайне низкая степень информированности граждан зафиксирована в отношении национальных проектов «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (-0,8) и «Международная кооперация и экспорт» (-0,8). На этом фоне россияне лучше осведомлены о сути и процессе реализации программ «Здравоохранение» (-0,3), «Образование» (-0,4) и «Демография» (-0,4). В целом национальные проекты имели низкую и крайне низкую степень информированности в российском гражданском обществе.

Такой уровень информированности граждан о национальных проектах имеет стихийный характер [24; 25]. В свою очередь, низкая степень осведомленности россиян о проекте «Демография» может иметь ряд причин, начиная от отсутствия потребности в таковой информации до использования неправильных каналов ее распространения и доведения до конечного потребителя, низкого уровня доверия органам власти и его политике, а также нереальности достижения поставленных национальных целей в области демографии. Отметим, что, по оценкам Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, в 2021 году почти половина опрошенных граждан считали, что в российской политической системе много недостатков, но все же их можно устранить путем реформ (47 %), а треть говорила о необходимости ее радикального преобразования (34 %) [26]. Уровень доверия большинству институтов власти находился в диапазоне от 23 % до 36 %. Наибольшее число граждан отрицательно относились к проводимым государством экономическим реформам. (34 %). При этом 28 % респондентов выразили свое безразличие по отношению к данной политике. Сложившаяся в России партийная система не удовлетворяла потребности наибольшего числа граждан: не поддерживали ни одну политическую партию или движение 45% россиян.

⁹Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН. Индекс информированности рассчитан авторами.

По данным социологических измерений, в 2019 году большинство россиян считали, что Правительство страны не сможет обеспечить достижение национальных целей: «снижение в два раза уровня бедности в стране» (76,6 %), «продолжительность жизни населения до 78 лет» (75,8 %), «рост реальных доходов граждан» (75,6 %), «темпы экономического роста выше мировых» (65,8 %), «улучшение жилищных условий для 25 миллионов семей» (61,3 %), «естественный рост численности населения страны» (54,4 %) (табл. 4).

Индекс обеспечения реализации национальных целей, построенный авторами, отражает мнение российского гражданского общества о реальности их обеспечения органами власти. Данный показатель находится в границах $[-1; 1]$, где $I_{орц} = -1$ – все респонденты считали, что цели не будут реализованы (крайне низкий уровень обеспечения реализации), а $I_{орц} = 1$ – все респонденты высказали точку зрения о реальности их достижения в полном объеме (крайне высокий уровень обеспечения реализации). Национальные цели, поставленные перед органами власти Президентом РФ и связанные с реализацией демографической политики, по мнению большинства граждан, не будут достигнуты до 2024 года. Крайне низкие значения уровня реализации национальных целей зафиксирован у программ «продолжительность жизни населения до 78 лет» ($-0,7$), «рост реальных доходов граждан» ($-0,7$), «снижение в два раза уровня бедности в стране» ($-0,7$). В 2019 году чуть более реалистичным гражданам считали обеспечение естественного роста численности населения страны ($-0,4$). Важно отметить, что исследование проводилось в доковидный период. Обеспечение государством высоких темпов внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, по мнению граждан, является наиболее достижимой национальной целью ($0,2$).

Риски и резервы

Пандемия и ухудшение эпидемиологической ситуации во всем мире резко снизили демографические показатели развития страны, обострив риски устойчивого развития страны. Многие демографы стали выражать скепсис в улучшении демографической ситуации в

краткосрочном периоде. Государственная демографическая политика нашла свое отражение в реализации национального проекта «Демография». В 2021 году данная программа была выполнена на 98,7 % в контексте исполнения расходов в федеральном бюджете.

Социологические измерения показали, что в сознании граждан решение проблем демографии приобрели второстепенное значение. Национальный проект «Демография» уступил в рейтинге важности таким государственным программам, как «Здравоохранение», «Образование», «Экология», «Жилье и городская среда». Анализируя ответы респондентов по критерию значимости проектов «лично для Вас», можно увидеть, что программа «Демография» является важной лишь для пятой части российского гражданского общества. За год, по оценкам граждан, ее значимость возросла в 1,5 раза. При этом позиция граждан относительно значимости программ «для российского общества в целом» показывает, что необходимость решения демографических проблем через национальный проект «Демография» имеет значение уже для третьей части российского гражданского общества. Россияне связывают возможности решения демографической проблемы как в сфере рождаемости, так и повышения продолжительности жизни, не с мерами прямой поддержки, например, семей с детьми, а с необходимостью повсеместного повышения качества жизни. В целом можно говорить о том, что в обществе воспроизводится паттерн, что рождение детей и забота о них должны в первую очередь ложиться на родителей и семьи. А вот формирование эффективных и доступных систем здравоохранения и образования – зона ответственности государства.

Закономерно, что интерес и, соответственно, поддержка национального проекта «Демография» особенно значима для людей, имеющих маленьких детей или планирующих рождение ребенка в ближайшее время. При этом женщины по сравнению с мужчинами в большей степени озабочены решением демографических проблем, являющихся важными для всего российского социума.

Российская молодежь по сравнению со взрослыми гражданами в меньшей степени отмечала важность национального проекта «Демогра-

фия» лично для них и для российского общества в целом. Решение демографических вопросов являлось лично значимым для 24 % представителей низшего, 20 % среднего и 7 % высшего классов. Важность национального проекта «Демография» в оценках граждан различных социальных классов возрастает при рассмотрении его через призму приоритетности для российского общества. По третьей части из числа граждан, идентифицирующих себя с низшим и средним классами, и четверть представителей высшего считали важной данную программу.

Оценка гражданским обществом процесса реализации национальных проектов тесно связана с уровнем осведомленности. Рассчитанные авторами индексы информированности граждан свидетельствовали об их низком уровне. Закономерно, что в наибольшей степени россияне осведомлены о проектах «Здравоохранение», «Образование» и «Демография», которые в большей степени связаны с повседнев-

ной жизнью людей и потребностью в достижении определенного качества жизни. Крайне низкая информированность российского социума зафиксирована о ходе реализации программ «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» и «Международная кооперация и экспорт».

Российский социум достаточно скептически настроен по отношению к реальности обеспечения поставленных Президентом РФ национальных целей. Индекс обеспечения реализации национальных целей, измеряющий мнение российского социума по отношению к реальной возможности их достижения, позволил выявить ряд рисков в области демографии. В частности, крайне нереалистичными респонденты считали обеспечение выполнения задач, связанных с увеличением продолжительности жизни населения до 78 лет, ростом реальных доходов граждан и снижением в два раза уровня бедности в стране, что демонстрирует низкую оценку эффективности органов власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.
2. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2021 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021.
3. Ткаченко А.А. Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 23–35. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03.
4. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с. DOI: 10.25629/НС.2020.13.01.
5. Золотарева О.А. К вопросу мониторинга Национального проекта «Демография» и оценки демографической безопасности Российской Федерации // Экономические стратегии. 2021. № 2 (176). С. 45–51. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.45-51.
6. Почекутова Е.Н., Науменко Н.С. Направления повышения эффективности реализации национального проекта «Демография» // Петербургский экономический журнал. 2020. № 2. С. 23–29. DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10003.
7. Салин П.Б. Информационное сопровождение реализации нацпроектов как фактор стабилизации политсистемы // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 53–58. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7570.
8. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов: Монография / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9514. DOI: 10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021.
9. Абилов М.Х., Борисова Л.А., Исмаилов Ф.Н. О реализации национального проекта «Демография» в Республике Дагестан // Экономика и предпринимательство. 2020. № 12 (125). С. 115–118. DOI: 10.34925/EIP.2021.125.12.021.
10. Габдуллин Н.М., Киршин И.А., Шулаев А.В. Регулирование межрегиональных различий

субъектов Российской Федерации в контексте национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография» // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 3. С. 59–69. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.5.

11. Романов В.Г., Романова И.В. Национальный проект «Демография»: стартовая позиция Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. № 9. С. 79–96. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-9-79-96.

12. Иваненко Л.В., Тасеев В.Б. Инновационные подходы к реализации национального проекта «демография» в городах Самарского региона // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2020. № 1 (60). С. 26–33.

13. Позубенкова Э.И. Население Пензенской области в контексте задач национального проекта «Демография» // Сурский вестник. 2020. № 1 (9). С. 66–70.

14. Захарова Е.А. Реализация региональных составляющих национальных проектов в Воронежской области // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2021. № 3. С. 15–23.

15. Минакир П.А., Прокапало О.М. Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 39–55. DOI: 10.14530/reg.2021.1.39.

16. Великая Н.М., Тартыгашева Г.В. Национальный проект «Демография» и перспективы демографического роста глазами экспертного сообщества // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 43–50. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-43-50.

17. Российское гражданское общество и государство в условиях пандемии и парламентских выборов : Монография / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 110 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10240>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-385-0.2021.

18. Лежнина Ю.П. Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 года //

Социологические исследования. 2021. № 4. С. 50–60. DOI: 10.31857/S013216250014715-9.

19. Олейникова Е.Г. Национальные проекты 2019–2024 гг. и приоритеты социальной политики современной России // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1 (50). С. 69–72. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.167.

20. Сироткина Е.В., Семенов А.В. Экономический кризис и оценка эффективности власти: кто несет ответственность за ухудшение уровня жизни в России? // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 191–206.

21. Новоженина О.П. Национальные цели и задачи развития Российской Федерации в мнениях граждан // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 1. С. 45–57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4.

22. Аносов С.С. Доверие при формировании социальной консолидации общества // Социология. 2021. № 4. С. 5–19.

23. Ежов Д.А. Особенности восприятия образа национальных проектов 2019–2024 в условиях динамики уровня доверия к власти // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 22–24. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0003.

24. Левашов В.К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования) : Монография / В. К. Левашов. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-347-8.2021.

25. Митрофанова И.В., Юрченко К.Г. Национальные проекты России: дайджест изменений, ожидаемых с 2021 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 1. С. 6–26. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.1.1.

26. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года : Бюллетень / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); levachov@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 1395, ScopusID: 35958452200, ResearcherID: R-5424-2016.

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); natalivelikaya@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 286986, ORCID: 0000-0001-5532-844X.

Шушпанова Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент; Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); i.s.shushpanova@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 152975, ORCID: 0000-0002-2877-1814, ScopusID: 25936830000, ResearcherID: R-4713-2016.

CITIZENS ON THE “DEMOGRAPHY” NATIONAL PROJECT IMPLEMENTATION IN RUSSIA

V.K. Levashov^a, N.M. Velikaya^a, I.S. Shushpanova^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

Sustainable development of the country links directly to the ensuring of demographic security and saving population. It actualizes exploring of the implementation of the national project "Demography" in the context of the entire system of state programs from the point of view of Russians. The authors set themselves the task of analyzing the opinions, views and assessments of Russian citizens of key aspects of the implementation and effectiveness of national projects, including the Demography program. The study analyzed a wide range of sources of information of a theoretical, practical and applied nature, legislative acts and documents of the authorities of the Russian Federation. The empirical basis was the results of the author's sociological monitoring "How do you live, Russia?" and the author's research analyzing the essence of the political culture of Russian society. The sociological survey was carried out by the questionnaire method. The All-Russian sample is verified and representative.

The article analyzes the national project "Demography" according to a number of key criteria: the degree of importance, awareness and ensuring the implementation of the goals. Citizens' assessments are supplemented by expert opinions and indexes calculated by the authors, which give an idea of the dynamics, nature and prospects of the implementation of state programs. The study of socio-political aspects is supplemented by indexes constructed and calculated by the authors, describing the nature and prospects of the implementation of state programs. Among the risks of the implementation of the national project "Demography", the authors highlight the low degree of its importance for Russians, the low level of public awareness and the lack of confidence of citizens in the reality of achieving the set national goals. State programs are implemented in conditions of a low level of trust of citizens in the institutions of power, a low degree of approval of their policies.

KEYWORDS: national projects, demography, civil society, state, government, social priorities, trust, public awareness, national goals.

FOR CITATION: Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. (2022). Citizens on the “Demography” national project implementation in Russia, *Management Issues*, no. 3, pp. 19–31.

REFERENCES

1. Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020). Who and why are looking for state support in new Russia? *World of Russia*, vol. 29, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.
2. Rostovskaya T.K., Shabunov A.A. (eds.) (2021). Demographic well-being of the regions of Russia. National demographic report – 2021. FNICC RAS. Moscow: FNICC RAS. 138 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021.
3. Tkachenko A.A. (2018). State policy and national project “Demography”, *Population*, vol. 21, no. 4, pp. 23–35. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03.
4. Ryazantsev S.V., Arkhangel'sky V.N., Vorobyov O.D. (2020). Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report – 2020. Moscow: Obedinennaya redaktsiya LLC. 156 p. DOI: 10.25629/HC.2020.13.01.
5. Zolotareva O.A. (2021). On the issue of monitoring the national project “Demography” and the assessment of demographic security of the Russian Federation, *Economic Strategies*, no. 2 (176), pp. 45–51. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.45-51.
6. Pochekutova E.N., Naumenko N.S. (2020). Directions for increasing the efficiency of the implementation of the national project “Demography”, *Petersburg Economic Journal*, no. 2, pp. 23–29. DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10003.
7. Salin P.B. (2020). Information support for the implementation of national projects as a factor in the stabilization of the political system, *Power*, vol. 28, no. 5, pp. 53–58. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7570.
8. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. (2021). Social state and civil society in the context of the implementation of national projects. Monograph. FNICC RAS. Moscow: FNICC RAS. 128 p. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9514. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-352-2.2021.
9. Abidov M.Kh., Borisova L.A., Ismailova F.N. (2020). On the implementation of the national project “Demography” in the Republic of Dagestan, *Economics and Entrepreneurship*, no. 12 (125), pp. 115–118. DOI: 10.34925/EIP.2021.125.12.021.
10. Gabdullin N.M., Kirshin I.A., Shulaev A.V. (2020). Regulation of interregional differences in the constituent entities of the Russian Federation in the context of national projects “Healthcare” and “Demography”, *Life standard of the population of the regions of Russia*, vol. 16, no. 3, pp. 59–69. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.5.
11. Romanov V.G., Romanova I.V. (2019). National project “Demography”: the starting position of the Transbaikal Territory, *Bulletin of the Transbaikal State University*, vol. 25, no. 9, pp. 79–96. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-9-79-96.
12. Ivanenko L.V., Taseev V.B. (2020). Innovative approaches to the implementation of the national project “Demography” in the cities of the Samara region, *Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics*, no. 1 (60), pp. 26–33.
13. Pozubenkova E.I. (2020). The population of the Penza region in the context of the tasks of the national project “Demography”, *Sursky Bulletin*, no. 1 (9), pp. 66–70.
14. Zakharova E.A. (2021). Implementation of regional components of national projects in the Voronezh region, *Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Administration*, no. 3, pp. 15–23.
15. Minakir P.A., Prokapalo O.M. (2021). National projects in the Far East: problems and development prospects, *Regionalism*, vol. 8, no. 1, pp. 39–55. DOI: 10.14530/reg.2021.1.39.
16. Velikaya N.M., Tartygasheva G.V. (2021). The national project “Demography” and the prospects of demographic growth through the eyes of the expert community, *Social Policy and Sociology*, vol. 20, no. 3 (140), pp. 43–50. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-43-50.
17. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. (2021). Russian civil society and the state in the context of the pandemic and parliamentary elections. Monograph. FNICC RAS. Moscow: FNICC RAS. 110 p. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10240>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-385-0.2021.
18. Lezhnina Yu.P. (2021). The ideas of Russians about the necessary social policy: between the mid-2000s and the coronacrisis of 2020, *Sociological studies*, no. 4, pp. 50–60. DOI: 10.31857/S013216250014715-9.
19. Oleynikova E.G. (2020). National Projects 2019–2024 and the priorities of the social policy of modern Russia, *Business. Education. Right*, no. 1 (50), pp. 69–72. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.167.

20. Sirotkina E.V., Semenov A.V. (2019). Economic crisis and assessment of the effectiveness of the authorities: who is responsible for the deterioration of the standard of living in Russia? *Journal of Social Policy Research*, vol. 17, no. 2, pp. 191–206.

21. Novozhenina O.P. (2021). National goals and objectives of the development of the Russian Federation in the opinions of citizens, *Science. Culture. Society*, vol. 27, no. 1, pp. 45–57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4.

22. Anosov S.S. (2021). Trust in the formation of social consolidation of society, *Sociology*, no. 4, pp. 5–19.

23. Yezhov D.A. (2020). Features of the perception of the image of national projects 2019-2024 in the conditions of dynamics of the level of trust in the authorities, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, vol. 9, no. 4 (33),

pp. 22–24. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0003.

24. Levashov V.K. (2020). Political culture of Russian society (experience of sociological research). Monograph. Moscow: FNICC RAS. 307 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-347-8.2021.

25. Mitrofanova I.V., Yurchenko K.G. (2021). National projects of Russia: a digest of changes expected since 2021, *Bulletin of Volgograd State University. Economy*, vol. 23, no. 1, pp. 6–26. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.1.1.

26. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. (2021). How do you live, Russia? Express information. Stage 51 of sociological monitoring, June 2021. Bulletin. FNICC RAS. Moscow: FNICC RAS. 68 p. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021.

AUTHORS' INFORMATION:

Viktor K. Levashov – Advanced Doctor in Sociological Sciences; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); levachov@mail.ru. RSCI AuthorID: 1395, ScopusID: 35958452200, ResearcherID: R-5424-2016.

Nataliya M. Velikaya – Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); natalivelikaya@gmail.com. RSCI AuthorID: 286986, ORCID: 0000-0001-5532-844X.

Irina S. Shushpanova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); i.s.shushpanova@mail.ru. RSCI AuthorID: 152975, ORCID: 0000-0002-2877-1814, ScopusID: 25936830000, ResearcherID: R-4713-2016.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ВНЕДРЕНИЕ ГАДЖЕТОВ В СИСТЕМУ МОНИТОРИНГА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И.В. Богдан^а, О.А. Волкова^б, И.С. Иглицына^а, Д.П. Чистякова^а

^а Научно-исследовательский институт организации здравоохранения
и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы

^б Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Обзор существующей литературы показывает, что тематика медицинских переносимых гаджетов рассматривается как перспективное направление развития системы здравоохранения и обнаруживает связь с проблематикой устойчивого развития (например, в аспекте повышения доступности медицинских услуг, их профилактической направленности). При этом, тема внедрения гаджетов является менее изученной с точки зрения прикладных аспектов восприятия данного вопроса населением мегаполисов в нашей стране (которые являются драйверами развития цифровизации здравоохранения).

На материалах телефонного опроса в Москве (случайная стратифицированная выборка) было проведено исследование, посвященное текущему уровню распространенности релевантных практик, барьерам для них и перспективам. Было опрошено 469 респондентов.

Исследование показало достаточно невысокий уровень распространения таких практик в Москве, только 20 % опрошенных сообщили об использовании соответствующих гаджетов для мониторинга здоровья. Среди носимых гаджетов преобладают «умные часы» и фитнес-браслеты (81 %), что соответствует данным ранее проведенных исследований. В основном контролируется количество шагов (74 %) и пульс (63 %). Те, кто гаджетами пользуются, декларируют высокий уровень доверия полученным данным. Анализ данных показывает «уязвимые группы», которые реже прибегают к использованию такого рода гаджетов: пожилое население и малообеспеченные граждане (упоминаются и в других исследованиях). Среди остальных причин отказа от практики основная – отсутствие воспринимаемой потребности, в т.ч. по причине того, что люди не задумывались о том, что гаджеты можно использовать таким образом. Обнаруженные причины отказа от практики демонстрируют основные цели для возможных информационных интервенций.

Также отдельное внимание в статье уделено аспекту потенциальных каналов продвижения практики, важнейшее место среди которых занимают медицинские работники. Исследование показывает, что свою функцию канала популяризации и внедрения практики они сегодня не выполняют (по рекомендации лечащего врача гаджетами пользуются всего 6 %). Одна из причин этого, как следует из литературы – это то, что они сами недостаточно в неё вовлечены.

Даны рекомендации по внедрению гаджетов и обозначены перспективы дальнейших исследований, которые представляются актуальными не только для Москвы, но и для других регионов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинские гаджеты, девайсы, опрос, социология, медицинские работники, Москва, барьеры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Богдан И.В., Волкова О.А., Иглицына И.С., Чистякова Д.П. Внедрение гаджетов в систему мониторинга показателей здоровья населения: социологическое исследование // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 33–45.

Введение

Среди целей в области устойчивого развития цель № 3 («обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте») имеет непосредственное отношение к вопросам здравоохранения. Исходя из её описания на ресурсах Организации Объединенных наций, она имеет отношение в целом к развитию и совершенствованию систем здравоохранения стран мира. Часть задач в рамках этой цели посвящена вопросам повышения доступности медицинской помощи, и в наиболее концентрированной форме эта задача выражена в формулировке «обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения»¹.

В этой связи следует отметить, что сегодня одним из активно обсуждаемых трендов, который рассматривается как средство повышения доступности медицинских услуг является цифровизация здравоохранения. Цифровизации (как развитию «цифры» в целом, так и в области медицины в частности), способствовал «бум» производительности компьютеров и эффективности алгоритмов, накопление огромных объемов данных в последние годы. Более того, особый стимул цифровизация получила именно в последний год-два, в период пандемии, которая способствовала росту спроса на дистанционные и цифровые медицинские решения. Например, в нашей стране это нашло отражение в резком росте использования населением телемедицинских услуг, отмечаемом как специалистами в области опросов общественного мнения, так и представителями компаний, которые их предоставляют [1, с. 878].

Особое место среди цифровых технологий в здравоохранении сегодня занимают гаджеты, те из них, которые либо изначально направлены исключительно на медицинские цели, либо имеют функции, связанные со здоровьем. Всемирная организация здравоохранения отдельно упоминает гаджеты как одно из десяти направлений по внедрению цифровых технологий (цит. по: [2, с. 10]).

Можно видеть моду на такого рода устройства [3, с. 72], набирают популярность гаджеты для измерения качества сна, количества пройденных шагов, часты пульса т.д. Как след-

ствие, рынок приспособлений для селф-трекинга растет, по крайней мере, таковой была тенденция до пандемии (данные приводятся по: [4, с. 157-158], [5, с. 19-20]). Такие устройства могут не просто использоваться пациентом изолированно, но могут также быть непосредственно включены в лечебный процесс, например, могут позволить следить за состоянием пациента удаленно [6, с. 31]. Кейсы разработок для медицинского внедрения гаджетов в лечебный процесс сегодня существуют в целом в мире (например, [7]) и в нашей стране (например, [6, с. 31]). Устройства могут способствовать с одной стороны, своевременному оказанию помощи, без потери драгоценного времени, с другой стороны - более быстрому возвращению из больницы домой [8, с. 60], например, когда течение реабилитационных процедур не будет требовать очного контроля медицинских работников.

Не только объемы рынка растут, но и ассортимент медицинских гаджетов расширяется; в связи с тем, что «разовые» гаджеты зачастую сегодня плохо монетизированы (подписки, платные услуги), компаниям приходится предлагать новые модели [9, с. 682]. Вследствие такого положения дел, не удивительно, что мы видим многообразие гаджетов, которые можно классифицировать как по техническим характеристикам ([8], [10, р. 111]), так и по функционалу. Если говорить о последнем, гаджеты могут использоваться не только в области разнообразной физической активности ([11], [12]), требующей различной степени приложения усилий, но и для других функций, например, для помощи в приверженности правильному питанию [13, с. 324], а также для мониторинга критических состояний здоровья (например, связанном с контролем уровня глюкозы при диабете).

Всё это не только приводит к повышению уровня здоровья человека напрямую (аспекты профилактики и оперативного реагирования на проблемы в данной области), но и к общему повышению качества жизни. Так, медицинские гаджеты позволяют человеку при необходимости не покидать дом для получения лечения, появление такого рода техники «делает пациента более независимым и дает возможность

¹Цель 3: Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения: 15.02.2022).

обращаться только в случае экстренных ситуаций, самым отслеживая изменения в организме во время приема, к примеру, назначенных препаратов» [14, с. 60].

Особую популярность цифровые решения завоевывают в крупных мегаполисах, в которых сосредоточены, как правило, кадры и соответствующие инфраструктурные возможности для цифровых прорывов; также к эффективным цифровым решениям предрасполагает сам быстрый ритм городов, их динамичность. С этих позиций мы обращаемся к большим городам, как к передовой продвижения цифровых технологий. Отдельное место среди мегаполисов в нашей стране в контексте цифровизации занимает Москва, которая уже имеет опыт реализации передовых проектов в области здравоохранения – среди которых, например, разработка и повсеместное внедрение в городских медицинских организациях Единой медицинской информационно-аналитической системы (ЕМИАС). Цифровая трансформация здравоохранения города не прекращались и в пандемию, среди ярких проектов последнего времени можно назвать масштабный проект разработки решений, связанных с искусственным интеллектом для повышения качества диагностики коронавирусной инфекции в лучевой диагностике, по снимкам [15].

В целом, важный аспект внедрения гаджетов – использование их как средства реализации так называемой «4П-медицины» – включающей в себя персональный подход, предикцию (анализ предрасположенности к заболеваниям), превентивность (профилактику), партисипативность (мотивированное участие пациента в процессе заботы о своем здоровье) ([16], [17, с. 55]). Такие «П-подходы» в свою очередь уже сами по себе создают условия для устойчивого развития системы здравоохранения [17, с. 55].

С другой стороны, необходимо говорить не только о положительных моментах, но и рисках в данной области. Например, если пациенты считают «модные» цифровые медицинские решения «высшим шиком», то среди медицинского сообщества, которое непосредственно использует такие решения, мнение может быть гораздо менее оптимистичным ([1, с. 878], [15, с. 49-51]). Это может поднимать

серьезный вопрос самих медицинских работников, как активных «промоутеров» (говоря языком Ф. Райхельда [18]), готовых продвигать использование гаджетов в целях улучшения здоровья населения. Так, например, всероссийское исследование врачей в 2017 году показало, что всего 14 % из них сами пользовались такого рода гаджетами [19, с. 90]. Также есть исследования которые говорят в ряде случаев о выраженном недоверии врачей к гаджетам [20, с. 484]. При этом гаджеты создаются не только для медицинских работников как пациентов, ряд такого цифровых решений может быть использован для помощи врачам в профессиональной деятельности, например, справочные материалы, к которым можно обратиться с использованием гаджетов [21, с. 32].

В целом, по итогам рассмотрения проблематики изучения медицинских гаджетов, можно сказать, что данная область рассматривается как перспективное направление, интерес к ней проявляют крупнейшие международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения. Номенклатура гаджетов разнообразна, они позволяют решать множество задач, связанных как с менеджментом текущих болезней, так и со здоровым образом жизни, предотвращением новых заболеваний. Можно согласиться с теми авторами, которые говорят о том, что внедрение такого рода гаджетов будет способствовать не просто улучшению здоровья населения, но и повышению качества жизни в целом. В том числе встречается и эпизодическое рассмотрение медицинских гаджетов в рамках тематики устойчивого развития.

При этом, при всем многообразии научной литературы на тему использования медицинских гаджетов в других странах мира и в нашей стране, недостаточно внимание было уделено прикладным вопросам внедрения их среди населения мегаполисов и конкретно в Москве (как в передовом городе по цифровизации системы здравоохранения в нашей стране).

Предлагаемое к рассмотрению в статье исследование было направлено на восполнение такого рода пробелов, оно было направлено на изучение практик использования гаджетов для мониторинга своего здоровья, барьеров и возможностей в данной области в городе Москве.

Методология исследования

Исследование было проведено летом 2021 г. Методом проведения исследования выступил телефонный опрос, основной выборки – двухосновная случайная выборка телефонов Московского региона. Для компенсации смещений (см., например, [22]) выборка была стратифицирована по полу и возрасту. Общая подвыборка, которой были заданы вопросы, имеющие отношение к тематике рассматриваемого исследования, составила 469 человек. Стоит подчеркнуть, что некоторые вопросы задавались лишь части выборки в соответствии с логикой анкеты. Например, вопросы о гаджетах, которыми пользуются респонденты, логично задавались только тем, кто ответил, что соответствующими гаджетами пользуется. Ввиду неравномерности в охвате респондентов, число опрошенных приведено для каждого рассматриваемого вопроса отдельно.

Для заключения о значимости различий в средних, при их сравнении, проводился анализ статистической значимости с помощью z -теста. Различия считались значимыми при $p < 0,05$. Исследование включало в себя закрытые и открытые вопросы. Открытые вопросы были закодированы авторами исследования, проблемные реплики респондентов обсуждались для выработки решения по лучшим образом представляющей её кодировке.

Результаты и дискуссия

Рассмотрим полученные результаты опроса. Первый вопрос, который был задан респондентам, собственно был посвящен опыту ношения гаджетов. Исходя из данного вопроса мы планировали оценить текущую распространенность данной практики. Респондентам был задан вопрос: «сейчас существует множество электронных устройств, которые постоянно можно носить с собой или на себе, чтобы измерять показатели своего здоровья. В качестве примера можно привести фитнес-браслеты, датчики измерения глюкозы, приложения в телефоне и т.д. Пользуетесь ли Вы такими постоянно носимыми на себе или с собой электронными устройствами для проверки пока-

зателей своего здоровья?». На вопрос отвечала вся подвыборка респондентов ($N = 469$).

Опрос показал, что лишь пятая часть опрошенных москвичей (20 %) отметили, что используют для проверки своего здоровья постоянно носимые на себе или с собой устройства. Ожидаемо, что среди молодежи (18-34 года) такие электронные устройства более распространены, чем среди лиц старшего возраста (старше 60), $p = 0,01$, что логично относит молодежь к группе «оптимистов» в данной области, и позволяет предполагать, что смена поколений будет ускорять процесс распространения таких практик сама по себе.

Не обнаружено различий в использовании носимых устройств респондентами, по-разному оценивающими состояние своего здоровья ($p > 0,05$). Исходя из данного факта можно предположить, что покупка и использование таких устройств зачастую не обусловлены контролем за «критическими» показателями здоровья, а рассматривается в других аспектах: в т.ч. с точки зрения профилактики заболеваний, следования принципам ЗОЖ, развлечения и т.д.

Стоит отметить выявленный методический нюанс, который относится к тому, что именно понимать под соответствующими гаджетами, поскольку обзор литературы показал, что различные авторы приписывали различной широты содержание тематике гаджетов для мониторинга здоровья. Так, людей, согласно исследованию «Сбера», людей, пользующихся фитнес-гаджетами в 2 раза больше, чем тех, кто пользуется гаджетами для контроля своего здоровья. Число последних в исследовании «Сбера» соотносится с данными нашего исследования по Москве². Из этого можно сделать вывод, что фитнес-гаджеты, несмотря на то, что, безусловно, тема фитнеса относится к теме здоровья, сегодня в значимой мере со здоровьесберегающими функциями не ассоциируются. Это говорит в пользу того, что сегодня потенциал даже используемых фитнес-гаджетов в отношении улучшения здоровья населения не раскрыт.

Второй вопрос был задан 20 % тех, кто пользуется гаджетами «Какими именно носимыми на себе или с собой устройствами Вы пользуетесь?» ($N = 92$). Наиболее распространенные

²Носкова Е. Гаджет лечит спину Носимые медицинские гаджеты набирают популярность. URL: <https://rg.ru/2021/06/24/nosimye-medicinskie-gadzhety-nabiraiut-populiarnost-sredi-rossii.html> (дата обращения: 15.02.2022).

устройства среди респондентов - фитнес-браслеты и «умные часы» (81 % от тех, кто ответил на вопрос, отметили их). Стоит отметить, что ведущая роль (наибольшая популярность) именно этих устройств в нашей стране подтверждается и другими авторами [4, с. 157]. Значимо больше пользователей данных устройств среди лиц, высоко оценивающих свое материальное положение ($p < 0,037$). Данную группу, также как и молодое поколение, можно относить к «промоутерам» цифровизации в медицине.

Кроме часов и браслетов, также отмечалось использование мобильных приложений (12 %), а в единичных случаях - глюкометров, тонометров, пульсометров и шагомеров (в целом, «другие устройства» отметили 6 % опрошенных). Низкую распространенность применения таких популярных устройств, как тонометр и глюкометр, можно связать, опять же, с тем как был задан вопрос – респонденты говорили лишь о тех устройствах, которые человек носит с собой или на себе постоянно.

Следующий вопрос был посвящен подавляющему большинству (80 %) тех, кто гаджетами не пользовался, в т.ч. в целях выявления барьеров для использования устройств. Ответы на соответствующий вопрос приведены в таблице 1.

Подавляющее число (47 %) опрошенных в качестве основной причины отказа от использования электронных устройств назвали отсутствие в них потребности, в том числе ввиду хорошего состояния здоровья, не требующего дополнительного контроля («потому что показатели здоровья не требуют постоянного контроля этого», «нет в этом надобности, ничего у меня не болит», «не вижу необходимости, у меня нет диабета или сердечной недостаточности»), что, опять же, может указывать на то, что использование электронных устройств не рассматривается большинством москвичей для мониторинга здоровья и как мера профилактики заболеваний. В этом смысле близка первой вторая по распространенности причина – отношение к устройствам измерения показателей здоровья как к бесполезным, бессмысленным приобретениям.

Среди значимых причин отказа от использования электронных устройств была названа финансовая причина, характеризующаяся дороговизной желаемых устройств и недостатком

Таблица 1 – Почему Вы не используете носимые на себе или с собой электронные устройства для измерения показателей своего здоровья (например, фитнес-браслеты, специальные приложения на телефоне)? Открытый вопрос, кодировка ответов произведена авторами статьи ($N = 372$)

Table 1 – Why don't you use wearable or carry-on electronic devices to measure your health (e.g., fitness bands, special apps on your phone)? Open question, answers coded by the authors of the article ($N = 372$)

| Варианты ответов | Доля |
|---|------|
| Нет необходимости (в т.ч. по причине хорошего здоровья, молодости) | 47 % |
| Нет смысла, бесполезно, неэффективно, неинтересно | 12 % |
| Нет возможностей, в том числе финансовых | 10 % |
| Следят за здоровьем альтернативными методами (ведение ЗОЖ, стационарные приборы и т.д.) | 6 % |
| Нет электронных устройств / есть, но не используются | 4 % |
| Технологическая сложность использования электронных устройств | 4 % |
| Неудобство использования электронных устройств | 4 % |
| Недоверие к показателям электронных устройств | 4 % |
| Не задумывались об использовании электронных устройств, в т.ч. из-за неосведомленности | 3 % |
| Выражают интерес / планируют приобретение электронных устройств | 2 % |
| Опасность использования электронных устройств / есть противопоказания | 2 % |
| Другое | 4 % |

денежных средств для их приобретения («которые хотел бы - слишком дорого, остальные - это игрушка», «телефон кнопочный, на еду-то не хватает, а еще какие-то телефоны с приложениями покупать», «не купить на пенсию, дорого»). О наличии данных проблем заявляют лица с низким и средним материальным положением ($p < 0,001$), а также те, кто оценивает свое здоровье как удовлетворительное, слабое или очень слабое ($p < 0,006$). Финансовая недоступность носимых устройств по отслеживанию здоровья для нуждающихся групп ограничивает их возможности самомониторинга. С этой целью ряд респондентов (чаще пожилые граждане 60+, $p < 0,036$) используют стационарные приборы оценки здоровья, посещают диспансеризацию, сдают анализы в медицинских организациях и т.д. («проверяю состояние организма, сдавая анализы», «нет нужды, прохожу регулярно диспансеризацию», «мне достаточно измерять дома по мере необ-

ходимости» и т.д.). Полученные данные соотносятся с ранее озвученным положением о более обеспеченных и молодых слоях населения сегодня как о наиболее активной части населения в области такого рода гаджетов.

Еще одним ограничением, в т.ч. с точки зрения приобретения устройств для самомониторинга, является недоверие показателям данных устройств («не считаю достоверными показания», «датчики ненадежные», «неточные показания» и т.д.). Также основанием для отказа от использования электронных устройств оказалось неудобство их ношения для респондентов («неудобно их носить», «потому что грудничок у меня все снимает: нет сережек, нет цепочек», «неудобно, сковывает движение»), а также сложность в освоении и неумении пользоваться («потому что в возрасте я не понимаю эту технику», «не умею владеть гаджетами»).

Немаловажной причиной, почему опрошенные не используют носимые устройства для отслеживания показателей своего здоровья, является неосведомленность об их существовании, а также отсутствие каких-либо предпосылок для их использования даже на уровне размышлений («я в первый раз об этом слышу», «потому что не знаком с ними», «в мыслях нет даже об этом»).

Наконец, были выявлены единичные упоминания представлений об опасности подобных устройств для психического и физического здоровья («вредные излучения», «на этом можно заикнуться, самовнушение»), в том числе и из-за реальных противопоказаний («травма головы, не могут пользоваться», «фитнес-браслет по показателям кожи нельзя»).

Изучив причины отказа респондентов от ношения электронных устройств для оценки здоровья, можно сделать вывод о наличии комплекса проблем неинформированности населения в данной области: ряд москвичей никогда не слышали о таких устройствах, другие - слабо понимают, зачем они нужны, каков их функционал и как полученные с помощью подобных гаджетов данные можно применить для мониторинга состояния здоровья и его профилактики и т.д. С учетом все большей распространенности соответствующих цифровых тех-

нологий, важно проводить комплексную информационную политику с учетом выявленных целей интервенций, обращая внимание на причины недоверия населения.

Что касается вопросов воспринимаемой финансовой недоступности, их также частично можно решить с помощью информирования о существующих на рынке недорогих гаджетах, а также возможностях мобильных устройств, не требующих финансовых вложений для большинства населения. Важным критерием также здесь выступает реальная полезность гаджета для конкретного человека, так как внедрение гаджетов просто ради их внедрения или потому что это «современно», целью интервенций выступить не может.

Ввиду наличия именно у медицинских специалистов авторитета в области здоровья, видится необходимым привлечение тех из них к данной работе, кто высказывает мнение о целесообразности применения носимых электронных устройств. Как показывает наше исследование, аналогично приведенным в обзоре данным, сегодня медицинские специалисты «промоутерами» такого рода устройств для населения не являются.

Так, при ответе на вопрос «по чьей рекомендации Вы приобрели электронные устройства / установили приложение на телефон для проверки показателей здоровья?» ($N = 81$)³, подавляющее большинство респондентов ответили, что приобретали носимые устройства по собственному желанию (81 %). По рекомендации лечащего врача их носили 6 %, по рекомендации тренера или спортивного инструктора – 4 %. В этой связи видится актуальной рекомендация о большем информировании населения о пользе гаджетов для мониторинга показателей здоровья, поддержания ЗОЖ и профилактики неинфекционных заболеваний, в т.ч. со стороны врачей (шире – медицинских специалистов в целом) и спортивных инструкторов – их экспертное мнение может оказать влияние на распространение данных устройств.

В целом, говоря о медицинских работаках, видится важным, чтобы они и сами в необходимой степени владели цифровыми технологиями. Цифровой компонент должен

³ Вопрос задавался только тем, кто пользуется гаджетами. Был возможен выбор нескольких вариантов ответа.

войти в общий образ медицинского работника (медицинский работник как эксперт в соответствующей области) [21], потому что если сам специалист не компетентен в цифровых медицинских решениях, сам не привержен им, едва ли он может успешно продвигать необходимость и нюансы использования такого рода устройств среди населения. Полезным может стать разработка обоснованных научных рекомендаций для медработников, которые бы обосновывали использование необходимых гаджетов при соответствующих состояниях.

Возвращаясь к другой части респондентов, которые пользуются гаджетами, важно понять для чего ими используются гаджеты. Ответы на данный вопрос приведены в таблице 2.

Из тех, кто пользуется гаджетами, только 5 % не использует функцию измерения показателей своего здоровья. Среди функций наиболее распространена оценка количества пройденных шагов (74 %) и измерение пульса (63 %), остальные функции значимо отстают (следующую позицию, «количество сожженных калорий», упомянули только 35 %). Полученный результат может быть связан с большей распространенностью данных функций в носимых электронных устройствах.

Исходя из полученных данных, при проведении информационной кампании важно уделять внимание таким аспектам, как (1) наличие возможности в современных устройствах отслеживать широкий спектр показателей здоровья, (2) предиктором профилактики каких именно заболеваний выступают данные показатели, зачем необходимо за ними следить.

Наконец, последний из данных вопросов был посвящен доверию и собственно готовности использовать носимые гаджеты в целях мониторинга своего здоровья (Рисунок 1).

Средний балл согласия по каждому из приводимых высказываний – 4, в связи с чем можно говорить, что большинство как минимум на декларативном уровне склоняется к доверию и серьезному восприятию показаний гаджетов. Однако данный вопрос требует дальнейшего внимания, изучения реальных реакций людей на соответствующие показатели, так как положительные ответы на указанные вопросы можно считать социально желательными. Несмотря на это, даже декларативное

Таблица 2 – Какие именно показатели своего здоровья Вы регулярно отслеживаете с помощью Ваших электронных устройств? (N = 101)

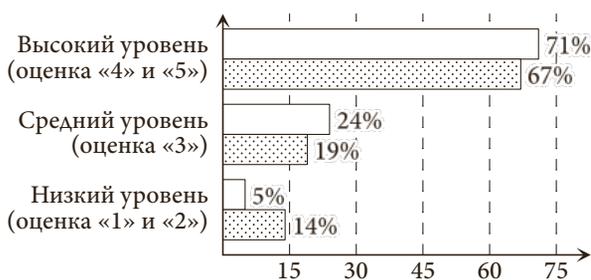
Table 2 – What specific indicators of your health do you regularly track with your electronic devices? (N = 101)

| Варианты ответов | Доля |
|---|------|
| Количество пройденных шагов / расстояние | 74 % |
| Пульс | 63 % |
| Количество сожженных калорий | 35 % |
| Параметры сна | 29 % |
| Артериальное давление | 28 % |
| Уровень кислорода в крови | 23 % |
| Уровень стресса | 9 % |
| Уровень сахара в крови | 7 % |
| Не отслеживаю, использую как аксессуар / другие функции | 5 % |

Сумма ответов больше 100 %, т. к. возможен выбор нескольких вариантов ответа.

согласие в данной области можно считать положительным знаком принятия гаджетов как полезных в плане здоровья аксессуаров, пусть пока и на уровне провозглашаемых установок. С другой стороны, слепое доверие при существующем несовершенстве техники, также не выглядит хорошим решением, поэтому при разработке мер по внедрению дистанционного мониторинга данных носимых устройств важно уделять внимание информированию о возможных и приемлемых погрешностях измерений.

Ранее мы приводили данные, что в открытом вопросе встречались высказывания о недоверии показателям устройств со стороны



- Я полностью доверяю значениям показателей здоровья, измеренным с помощью носимых устройств
- Если какой-то показатель здоровья определен как неудовлетворенный, я приму меры, чтобы это исправить

Рисунок 1 – Оцените свое согласие или несогласие со следующими утверждениями об отслеживании показателей здоровья с помощью носимых устройств/гаджетов по 5-бальной шкале, где «1» – «совершенно не согласен», а «5» – «абсолютно согласен».

Figure 1 – Rate your agreement or disagreement with the following statements about health tracking with wearables/gadgets on a 5-point scale, where 1 is “strongly disagree” and 5 is “strongly agree”.

тех, кто их не использует (4 %, таблица 1). Среди тех, кто уже приобрел данные гаджеты, низкий уровень доверия данным о показателях здоровья высказан аналогично низкой долей людей - 5 % опрошенных. Каждый четвертый (24 %) высказывает неоднозначную, «среднюю» позицию. С учетом высказанных ранее ограничений, данные группы граждан должны являться целями для соответствующих информационных интервенций.

Тот факт, что 14 % пользователей электронных носимых устройств низко оценивают вероятность того, что они будут принимать меры при выявлении неудовлетворительных показателей, может свидетельствовать о том, что измеряемые параметры не воспринимаются этой частью населения в качестве свидетельства низкого или высокого уровня здоровья, использование ими гаджетов, вероятно, имеет скорее развлекательную функцию. В этой связи полезным может быть внедрение в большее числа гаджетов данных о критических значениях показателей (например, пульса, артериального давления и т.д.) в доступной для «среднего» пациента форме.

Заключение

В целом, подводя итог этому краткому исследованию гаджетов в медицинских целях в городе Москве можно выделить следующие сущностные моменты:

1. Группами населения, в большей степени приверженными гаджетам сегодня, выступают молодежь и более обеспеченные группы граждан. Соответственно уязвимыми по данному критерию будут пожилые жители городов, которые обладают более плохим здоровьем и большей потребностью в соответствующих гаджетах, а также малоимущие группы, которые также можно рассматривать как группы риска по критерию здоровья (последней группе советует восприятие гаджетов как дорогих, хотя это не всегда так). Получается, что именно самые уязвимые группы, именно те, кому гаджеты могли бы помочь в первую очередь, меньше склонны сегодня пользоваться ими. Это говорит о необходимости выработки механизмов, предоставления возможностей вовлечения именно данных групп в использование гаджетов. Естественно, такое про-

движение должно происходить с учетом реальной потребности в использовании их (при необходимости, выявленной в соответствующих исследованиях), недопустимо продвигать гаджеты ради самого факта их продвижения. Данные группы населения отмечаются как уязвимые и в зарубежных исследованиях в вопросах цифровизации [4, с. 167].

2. В целом же, проникновение гаджетов для мониторинга показателей своего здоровья в Москве сегодня можно охарактеризовать как достаточно невысокое. Однако потенциал в этой области высок, доля тех, кто пользуется фитнес-гаджетами и не считает, что делает это для отслеживания показателей своего здоровья, как минимум, сопоставима с долей тех, кто считает, что использует их в таком ключе.

3. Другой блок результатов посвящен тематикам информационной политики, связанной с выделенными проблемными областями – люди не слышали о таких устройствах и не задавались вопросами о возможности использования их в мониторинге здоровья, не понимают как ими пользоваться. Данные информационные проблемы могут стать предметом соответствующих интервенций, а также образовательных мероприятий. Что касается последнего, например, для уязвимой группы пожилого населения в Москве имеются такие программы как «Московское долголетие». В рамках последних происходит обучение посетителей компьютерной грамотности. На базе или при сотрудничестве с такими проектами, может развиваться и цифровая грамотность в области медицинских гаджетов.

4. Наконец говоря о спикерах, «промоутерах» в данной области, мы говорили в первую очередь о медицинских работниках (основными из них видятся лечащие врачи). Задача продвижения соответствующих гаджетов требует от медицинских работников в первую очередь изменения собственного отношения к цифровым технологиям в здравоохранении. Это, в комбинации с внедрением цифровой компоненты в образ медицинского работника, а также разработки соответствующих обоснованных, научных рекомендаций по использованию гаджетов для мониторинга определенных состояний здоровья (при необходимости следует провести соответствующие исследова-

дования и отработать схемы), позволит значительно повысить эффективность медицинского специалиста как канала продвижения медицинских гаджетов для населения. Видится, что аналогично ситуации для населения, «промотерами» внутри группы медиков будут собственными молодые специалисты (см., например: [20]). Данные о потенциале в данной области можно видеть в зарубежных исследованиях. Так, приводятся данные, что даже в зарубежных странах (США) только треть молодежи, из тех, которые пользуются гаджетами для мониторинга своего здоровья, делится такого рода информацией со своим врачом [3, с. 72], а значит при налаживании такого диалога, эффективность их использования может возрасти.

Видится, что работа в обозначенных направлениях могла бы в существенной мере повысить эффективность использования такого направления информационных технологий в области здравоохранения, как медицинские гаджеты для достижения целей устойчивого развития в московском регионе и, основываясь на его опыте, в нашей стране в целом. В частности, сопоставимость результатов нашего исследования и данных по России, позволяет это предполагать.

Стоит признать, что во многом указанное исследование носит пилотный характер (не в плане репрезентативности, а в плане глубины проработки темы), поэтому дальнейшие исследования, более подробно изучающие тематику внедрения гаджетов видятся важными,

как с использованием количественного инструментария (большее число более подробных вопросов), так и в плане использования качественной методологии. Что касается последнего, например, фокус-группы с медицинскими специалистами и населением могли бы выявить возможные направления вовлечения медицинских работников в пропаганду использования цифровых устройств, дать более подробную информацию о возможностях и барьерах в данной области, позволили бы провести более глубокий социально-психологический анализ причин отказа от гаджетов, например, связанных с опасениями людей по поводу негативного влияния гаджетов на человека и т.д.

За рамками исследования осталось много вопросов. Так, вне фокуса исследования была проблематика удобства существующих гаджетов [25, р. 111], в недостаточной степени была рассмотрена надежность измерений, степень, в которой гаджетам можно доверять [5, с. 22-23], а также множество других тем. Наконец, в дальнейших исследованиях видится важным уделить больше внимания вопросам негативного влияния гаджетов на устойчивое развитие – например, в связи с вопросами экономии энергии и загрязнений [26], устойчивого развития при производстве [27] и т.д.

Комплексные, междисциплинарные исследования позволят рассмотреть гаджеты как драйвер устойчивого развития с новых позиций и развить предложенные в данной статье направления действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богдан И.В., Чистякова Д.П. Социология, здоровье и уроки пандемии // Миссия конфессий. 2021. Т. 9. Ч. 8. № 57. С. 873–879.
2. Аксенова Е.И., Камынина Н.Н., Хараз А.Д. Цифровизация здравоохранения: мировой опыт // Московская медицина. 2021. № 2 (42). С. 6–25.
3. Зингерман Б.В., Шкловский-Корди Н.Е., Воробьев А.И. О телемедицине «пациент-врач» // Врач и информационные технологии. 2017. № 1. С. 61–79.
4. Богомяткова Е.С., Дупак А.А. Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 155–174.
5. Кравченко С.А., Ракова К.В. «Умные часы» как фактор становления гибридной коммуникации между врачом и пациентом // *Communication*. 2021. Т. 9. № 3. С. 15–28.
6. Семенов М.А. Особенности современного рынка медицинских услуг // Менеджмент в здравоохранении: вызовы и риски XXI века : Сборник материалов III (I Национальной) Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2018. С. 30–32.
7. Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Постковидная медицинская реабилитация: ресурсы, новые возможности и проблемы // *Социальное пространство*. 2021. Т. 7. № 2. DOI:

10.15838/sa.2021.2.29.5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28941>.

8. Старовойтова В.А., Тараник М.А., Копаница Г.Д. Исследование современных медицинских портативных устройств // *Врач и информационные технологии*. 2016. № 2. С. 54–61.

9. Мишон Е.В. Цифровизация медицины и потенциальные угрозы региональному здравоохранению // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2021. № 16-2. С. 681–683.

10. Chen T.C.T. (2020). Evaluating the sustainability of a smart technology application to mobile health care: the FGM-ACO-FWA approach, *Complex Intell. Syst.*, no. 6. pp. 109–121.

11. Jin D., Halvari H., Maehle N., Olafsen A.H. (2020). Self-tracking behaviour in physical activity: A systematic review of drivers and outcomes of fitness tracking, *Behaviour & Information Technology*, no. 39. DOI: 10.1080/0144929X.2020.1801840.

12. Царева А.В., Малинин А.В., Пухов Д.Н. Основные направления мониторинговых исследований физической активности населения: анализ международного опыта // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2019. № 8 (174). С. 245–251.

13. Патаркацишвили Н.Ю., Близневский А.А., Тациян А.А., Матонина О.Г., Маслобоева Н.А. Обоснование эффективности применения современных электронных технологий контроля показателей здоровья у студентов // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2021. № 3 (193). С. 320–325.

14. Скоробогатых И.И., Цветкова А.Б., Мусатова Ж.Б. Маркетинговые инновации в цифровой медицине // *Экономические системы*. 2017. Т. 10. № 4 (39). С. 58–64.

15. Морозов С.П. Социологические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта в лучевой диагностике // *Труды III Форума с международным участием «Социология здоровья: уроки пандемии и контуры будущего здравоохранения»* (Москва, 23.11.2021). М. : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2021. С. 48–51.

16. Пальцев М.А., Белушкина Н.Н., Чабан Е.А. 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации // *Вестник ВШОУЗ*. 2015. № 2. С. 48–54.

17. Старовойтова В.А., Тараник М.А., Копаница Г.Д. Исследование современных медицинских портативных устройств // *Врач и информационные технологии*. 2016. № 2. С. 54–61.

18. Райхельд Ф., Марки Р. Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь / пер. с англ. С. Филина [науч. ред. И. Чичмели]. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.

19. Кубрик Я.Ю. Информированность медицинского сообщества о цифровой медицине // *Журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 2017. № 2. С. 87–91.

20. Еремина М.Г. Риски цифровизации здравоохранения, релевантные врачам медицинских организаций районов Саратовской области (по результатам социологического исследования) // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2021. Т. 17. № 3. С. 481–485.

21. Луспикаян А.В., Шелемех К.Е., Дударева В.А., Дядикова И.Г. Биохакинг – здоровье в один клик // *Современные аспекты формирования ЗОЖ у молодого поколения : Сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (Ростов-на-Дону, 15 мая 2020 г.)*. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный медицинский университет, 2020. С. 31–33.

22. Османов Т.Э., Рогозин Д.М. Оптимальное соотношение мобильных и стационарных телефонов в двухосновной выборке, проектируемой для телефонного опроса // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 41–63.

23. Арестомбаева К.С., Язев В.В. Медицинский работник будущего на примере сотрудника ГБУЗ «ДГП № 133 ДЗМ» // *Труды III Форума с международным участием «Социология здоровья: уроки пандемии и контуры будущего здравоохранения»* (Москва, 23.11.2021). М. : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2021. С. 64–65.

24. Юдин В.И., Широкова О.В. Перспективы и роль цифровых технологий в реформировании российского здравоохранения // *Здоровье мегаполиса*. 2020. Т. 1. № 1. С. 72–86.

25. Xu Chen, Song Yu, Han Mengdi, Zhang Haixia. (2021). Portable and wearable self-powered systems based on emerging energy harvesting tech-

nology, *Microsystems & Nanoengineering*, no. 7 (25). DOI: 10.1038/s41378-021-00248-z.

26. Gurova O., Merritt T.R., Papachristos E., Vaajakari J. (2020). *Sustainable Solutions for Wear-*

able Technologies: Mapping the Product Development Life Cycle, Sustainability, no. 12, 8444. DOI: 10.3390/su12208444.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Богдан Игнат Викторович – кандидат политических наук; Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9); bogdaniv@zdrav.mos.ru. AuthorID РИНЦ: 572530, ORCID: 0000-0002-7002-1646, ResearcherID: AAR-6847-2021.

Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); volkovaoa@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-5325-0730, ScopusID: 55962445600, ResearcherID: S-6912-2016.

Иглицына Ирина Сергеевна – Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9); dobrayapodrug46@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 1140885.

Чистякова Дарья Павловна – Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9); chistyakovadp@zdrav.mos.ru. AuthorID РИНЦ: 870296, ORCID: 0000-0002-8729-9898, ResearcherID: AAC-7168-2022.

INTRODUCTION OF GADGETS IN THE MONITORING SYSTEM OF POPULATION HEALTH INDICATORS: SOCIOLOGICAL RESEARCH

I.V. Bogdan^a, O.A. Volkova^b, I.S. Iglitsyna^a, D.P. Chistyakova^a

^aResearch Institute of Health and Medical Management Organization of the Moscow City Health Department

^bFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

A literature review shows that the topic of portable gadgets has been seen as a promising development for the healthcare system and could be connected with the issues of sustainable development (for example, in increasing the availability of services and their preventive focus). At the same time the use of gadgets is less studied in terms of applied aspects of the perception of this issue by the megacities population in Russia (the latter can be seen as drivers of the development of healthcare digitalization).

469 respondents participated in a telephone survey in Moscow (random stratified sample). Using this data authors assessed the extent of relevant practices, barriers and prospects for their development.

The study showed a fairly low level of gadget use in Moscow: only 20% of respondents use gadgets for monitoring health. Wearable gadgets are primarily smartwatches and fitness bracelets (81%), which is in line with previous studies. Respondents mainly monitor the number of steps (74%) and heart rate (63%). Those who use gadgets declare a high level of trust in the data received. Data analysis revealed vulnerable groups that are less likely to use this kind of gadgets – the elderly and low-income citizens (also mentioned in other studies). Among the other reasons for refusing to use the gadgets was the lack of a perceived need, since people did not consider that gadgets could be used for that purpose. The main reasons for the refusal propose the targets of possible information interventions.

The article also focused on studying channels for practice expansion, particularly by medical workers. The study showed that today they do not perform their function as a channel for popularization and ap-

plication of gadgets (only 6% of people acquire gadgets on the recommendation of the attending physician). One of the reasons for this, according to the literature, is that they themselves are not involved much in such a practice.

Recommendations are given on the introduction of gadgets and further research, since it seems to be relevant not only for Moscow, but also for other regions and countries..

KEYWORDS: medical gadgets, devices, survey, sociology, medical workers, Moscow, barriers.

FOR CITATION: Bogdan I.V., Volkova O.A., Iglitsyna I.S., Chistyakova D.P. (2022). Introduction of gadgets in the monitoring system of population health indicators: sociological research, *Management Issues*, no. 3, pp. 33–45.

REFERENCES

1. Bogdan I.V., Chistyakova D.P. (2021). Sociology, health and pandemic lessons, *Mission of faiths*, vol. 9, p. 8, no. 57, pp. 873–879.
2. Aksenova E.I., Kamynina N.N., Kharaz A.D. (2021). Digitalization of healthcare: world experience, *Moscow Medicine*, no. 2 (42), pp. 6–25.
3. Zingerman B.V., Shklovsky-Kordi N.E., Vorobev A.I. (2017). About telemedicine “Patient doctor”, *Doctor and information technology*, no. 1, pp. 61–79.
4. Bogomyagkova E.S., Dupak A.A. (2021). Digital self-tracing of health of the discourse of social sciences, *Sociology of science and technology*, vol. 12, no. 2, pp. 155–174.
5. Kravchenko S.A., Rakova K.V. (2021). “Smart Watch” as a factor in the formation of hybrid communication between a doctor and a patient, *Communicology*, vol. 9, no. 3, pp. 15–28.
6. Semenov M.A. (2018). Features of the modern market for medical services. In: Proceedings of the III (I national) All-Russian scientific and practical conference “Management in healthcare: calls and risks of the 21st century”. Volgograd. Pp. 30–32.
7. Goroshko N.V., Emelyanova E.K., Patsala S.V. (2021). Post-COVID medical rehabilitation: resources, new opportunities and problems, *Social space*, vol. 7, no. 2. DOI: 10.15838/sa.2021.2.29.5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28941>.
8. Starovoitova V.A., Taranik M.A., Kopanitsa G.D. (2016). The study of modern medical portable devices, *Doctor and information technology*, no. 2, pp. 54–61.
9. Mishon E.V. Digitalization of medicine and potential threats to regional healthcare, *Russia: Trends and development prospects*. 2021, no. 16-2, pp. 681–683.
10. Chen T.C.T. (2020). Evaluating the sustainability of a smart technology application to mobile health care: the FGM–ACO–FWA approach, *Complex Intell. Syst.*, no. 6. pp. 109–121.
11. Jin D., Halvari H., Maehle N., Olafsen A.H. (2020). Self-tracking behaviour in physical activity: A systematic review of drivers and outcomes of fitness tracking, *Behaviour & Information Technology*, no. 39. DOI: 10.1080/0144929X.2020.1801840.
12. Tsareva A.V., Malinin A.V., Pukhov D.N. (2019). The main directions of monitoring studies of population physical activity: analysis of international experience, *Scientific Notes of the University named after P. F. Lesgft*, no. 8 (174), pp. 245–251.
13. Patarkatsishvili N.Yu., Bliznevsky A.A., Tashchian A.A., Matonina O.G., Masloboeva N.A. (2021). Justification of the effectiveness of the use of modern electronic technologies for monitoring health indicators among students, *Scientific Notes of the University named after P. F. Lesgft*, no. 3 (193), pp. 320–325.
14. Skorobogatykh I.I., Tsvetkova A.B., Musatova Zh.B. (2017). Marketing innovations in digital medicine, *Economic Systems*, vol. 10, no. 4 (39), pp. 58–64.
15. Morozov S.P. (2021). Sociological aspects of the introduction of artificial intelligence technologies in radiation diagnostics. In: Proceedings of the III forum with international participation “Sociology of Health: Pandemia Lessons and the contours of future healthcare” (Moscow, 23.11.2021). Moscow: Research Institute of the Organization of Health and Medical Management of the Department of Health of the city of Moscow. Pp. 48–51.
16. Paltsev M.A., Belushkina N.N., Chaban E.A. (2015). 4P-medecine as a new healthcare model in the Russian Federation, *Vestnik VShOUZ*, no. 2, pp. 48–54.

17. Starovoitova V.A., Taranik M.A., Kopani-tsa G.D. (2016). The study of modern medical portable devices, *Doctor and information technology*, no. 2, pp. 54–61.

18. Reicheld F., Marki R. (2013). Sincere loyalty. The key to the conquest of customers for life. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 352 p.

19. Kubrick Ya.Yu. (2017). Information of the medical community about digital medicine, *Journal of telemedicine and electronic healthcare*, no. 2, pp. 87–91.

20. Eremina M.G. (2021). The risks of the digitalization of healthcare, relevant to doctors of medical organizations of areas of the Saratov region (according to the results of a sociological study), *Saratov Scientific and Medical Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 481–485.

21. Luspikayan A.V., Shelemeh K.E., Dudareva V.A., Dyadikova I.G. (2020). Biohacking as health in one click. In: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists “Modern aspects of the formation of healthy lifestyle” (Rostov-on-Don, May 15, 2020). Rostov-on-Don: Rostov State Medical University. Pp. 31–33.

22. Osmanov T.E., Rogozin D.M. (2016). The optimal ratio of mobile and stationary phones in

a two-core sample designed for a telephone survey, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 5, pp. 41–63.

23. Arestombaeva K.S., Yazev V.V. (2021). A medical worker of the future using the example of an employee of the GBUZ “DGP no. 133 DZM”. In: Proceedings of the III forum with international participation “Sociology of Health: Pandemia Lessons and the contours of future healthcare” (Moscow, November 23, 2021). Moscow: Research Institute of the Organization of Health and Medical Management of the Department of Health of the city of Moscow. Pp. 64–65.

24. Yudin V.I., Shirokova O.V. (2020). Prospects and the role of digital technologies in reforming Russian healthcare, *Health of a metropolis*, vol. 1, no. 1, pp. 72–86.

25. Xu Chen, Song Yu, Han Mengdi, Zhang Haixia. (2021). Portable and wearable self-powered systems based on emerging energy harvesting technology, *Microsystems & Nanoengineering*, no. 7 (25). DOI: 10.1038/s41378-021-00248-z.

26. Gurova O., Merritt T.R., Papachristos E., Vaajakari J. (2020). Sustainable Solutions for Wearable Technologies: Mapping the Product Development Life Cycle, *Sustainability*, no. 12, 8444. DOI: 10.3390/su12208444.

AUTHORS' INFORMATION:

Ignat V. Bogdan – Ph.D. of Political Sciences; Research Institute of Health and Medical Management Organization of the Moscow City Health Department (9, Sharikopodshipnikovskaya St., Moscow, 115088, Russia); bogdaniv@zdrav.mos.ru. RSCI AuthorID: 572530, ORCID: 0000-0002-7002-1646, ResearcherID: AAP-6847-2021.

Olga A. Volkova – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fo-tieva St., Moscow, 119333, Russia); volkovao@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-5325-0730, ScopusID: 55962445600, ResearcherID: S-6912-2016.

Irina S. Iglitsyna – Research Institute of Health and Medical Management Organization of the Moscow City Health Department (9, Sharikopodshipnikovskaya St., Moscow, 115088, Russia); dobrayapodruka46@gmail.com. RSCI AuthorID: 1140885.

Darya P. Chistyakova – Research Institute of Health and Medical Management Organization of the Moscow City Health Department (9, Sharikopodshipnikovskaya St., Moscow, 115088, Russia); chistyakovadp@zdrav.mos.ru. RSCI AuthorID: 870296, ORCID: 0000-0002-8729-9898, ResearcherID: AAC-7168-2022.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Г.И. Осадчая^а, М.Л. Вартанова^а

^а Федеральное научно-исследовательское социологическое отделение Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

Сегодня сложилось противоречие между потребностью в наращивании человеческого потенциала каждой страны-члена в отдельности и всего Евразийского экономического союза в целом, в усилении позитивного влияния на него интеграционных процессов, реальным состоянием демографической ситуации в странах-членах, противоречивым влиянием интеграционных процессов, связанным с возникновением множества проблем социально-демографического характера, прежде всего с демографической экспансией. Интеграционные цели ЕАЭС требуют повышения его человеческого потенциала, обусловленного рождаемостью, смертностью и миграцией в государствах-членах, обеспечения демографической безопасности. Народонаселение союза является его реальным стратегическим ресурсом. В исследовании анализируются различные аспекты человеческого потенциала и человеческого капитала. На основе анализа демографической ситуации в государствах-членах ЕАЭС авторами ставится цель выявить риски и угрозы снижения его человеческого потенциала, обосновать систему показателей и индексов демографической безопасности ЕАЭС.

Демографическая безопасность пронизывает все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Понимая значимость демографического развития для национальной безопасности стран-членов ЕАЭС в целом авторы отмечают необходимость уточнения содержания категории «демографическая безопасность» и разработке показателей и индикаторов для мониторинга её состояния. Отмечается, что демографическая безопасность Евразийского экономического союза это состояние защищенности его социально-экономического развития, обеспечивающего сохранение геополитического, экономического, этнического статуса каждого государства-члена и союза, их целостности, независимости, суверенитета при сохранении существующего геополитического статуса.

Оценка динамики человеческого потенциала устойчивого развития Евразийского экономического союза опирается на современные подходы к исследованию проблем демографического потенциала обществ. В исследовании были учтены возможности стран, открывающиеся функционированием единого интеграционного объединения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальная экономика, демографическая безопасность, интеграция, индекс человеческого развития, народонаселение, рождаемость и смертность, риски и угрозы, миграция населения.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Человеческий потенциал устойчивого развития стран Евразийского экономического союза: динамика изменения и демографическая безопасность // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 46–59.

Введение

Человеческий потенциал ЕАЭС представляет собой важный фактор успешности достижения основных целей функционирования Евразийского экономического союза. Динамика изменений человеческого потенциала стран-членов ЕАЭС рассматриваются в работах Рязанцева С.В.,

Кирпичева В.В., Лучкина А. Г. Осадчей Г.И., Сигаревой Е.П., Сакаева В.Т., Злотникова А.Г., Смаляги А.К., Кузьмина А.И., Савеленко Д.В. и др.

Человек, его потенциал, развитие находятся в центре внимания ученых разных специальностей: социологов, экономистов, психологов. Заметный вклад в развитие теоретических

и методических основ исследования человеческого потенциала внесли такие ученые, как Л. Беляева, В. Бобков Т.З., Заславская, О. Иванов, Н. Римашевская, И. Соболева, С. Станишевская, И. Долгова, О.Рязанова, Л. Кравченко, Л. Липатова, В. Градусова.

С нашей точки зрения, категория «человеческий потенциал» [13] представляет собой исчерпывающую в смысловой интерпретации характеристику качеств человека. Под человеческим потенциалом общества понимается – «целостная характеристика основного условия и важнейшего фактора осуществления жизнедеятельности социума, его возможностей, способности и готовности к самоорганизации и развитию».

Особенно часто к анализу демографических проблем и демографической безопасности обращаются ученые России и Беларуси, поскольку в этих странах отмечается депопуляция населения. Проблемам демографической безопасности России посвящены научные труды С. В. Рязанцева, В. Г. Глушковой, О. Б. Хоревой П. А. Смелова, М. В. Карманова, А. А. Романова. Демографическим проблемам развития России посвящены труды В. Н. Архангельского, О. Д. Воробьевой, А. Е. Ивановой, Т. К. Ростовской, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Рязанцева, В. Г. Семенович, А. В. Топилина, С. В. Соболева.

Ученые Беларуси А. Г. Злотников, А. К. Смаляга рассматривают миграционные процессы в контексте социально-экономической безопасности республики [9]. Д. Н. Швайба, А. Н. Антипова, М. И. Артюхин, Е. А. Антипова, А. Н. Титов - демографическую ситуацию, формирование целей обеспечения демографической безопасности республики [1].

В рамках развития теоретико-методологических подходов к изучению демографического потенциала сложились различные подходы. С. И. Кузин и А. Г. Константинова, проанализировав сущность и проблемы определения данного понятия в трудах ученых. О. А. Рыбаковский, О. А. Таюнова определяют категорию «демографический потенциал территории» [18] как воспроизводственные возможности постоянного населения данной территории, подчеркивают важность учета трактовок демографического потенциала. Однако до настоящего времени общепризнанного определения этих

категорий нет. Можно привести еще ряд определений, но все они фокусируются вокруг обозначенных выше дефиниций.

Демографическая безопасность обеспечивается деятельностью Правительств государств-членов по воспроизводству населения, обеспечению роста человеческого потенциала и наднациональными регуляторами по созданию условий для социальной и экономической мобильности в ЕАЭС, экономического и социального развитию стран-членов, используя инфраструктурные инвестиции.

Учитывая накопленный опыт определения категории, мы полагаем продуктивным под демографическим потенциалом ЕАЭС понимать «совокупность количественных и качественных показателей населения, принципиально влияющих на достижение целей евразийской интеграции, характеризующих способность обеспечения устойчивого развития Союза и благополучия жизнедеятельности людей, обеспечения демографической безопасности, предотвращения угроз в соответствии с национальными демографическими интересами каждой страны-члена Союза» [14].

Динамика демографического потенциала ЕАЭС характеризуется изменениями структуры населения: численностью и половозрастными характеристиками населения, социально - демографическими показателями, включая влияние миграционных процессов на демографическую динамику [23]. Экономическая интеграция государств-членов ЕАЭС сталкивается с многочисленными критическими вызовами [3]. Это и невысокие экономические показатели по сравнению с развитыми странами, и низкая степень интегрированности внутренних экономик; слабое развитие инфраструктуры, однотипность отраслевой структуры экономик и, в связи с этим, сложность в дополнении друг друга, снижение уровня взаимной торговли. Это и национальный экономический эгоизм, политические противоречия, недоверие участников друг к другу, неготовность элит к интеграции.

Результаты

Распад СССР в декабре 1991 года во всех постсоветских странах повлек за собой негативные тенденции в демографическом развитии. Можно говорить об общих показателях

кризисных изменений: снижении рождаемости, росте смертности, активизация подвижности населения, хотя для каждой страны в эти годы были характерны свои особые доминанты, характеризующие демографическую ситуацию. Так, в России, в Беларуси, на Украине уменьшилась средняя ожидаемая продолжительность жизни, особенно вырос уровень преждевременной смертности среди мужчин трудоспособного возраста, сократилась численность детского населения, сохранялся миграционный приток из стран Закавказья и Центральной Азии. В Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, ряде других постсоветских странах отмечался значительный миграционный отток русскоязычного населения и части национальной интеллигенции. В Грузии, Армении, Молдове за счет более высокой фертильности сельского населения сохранялся естественный прирост населения.

Эти особенности, острота тех или иных проблем демографического развития, социально-экономические условия в странах СНГ, обусловили в 1990-е сроки обращения и концептуальный подход постсоветских стран к регулированию демографических процессов. Отметим особое влияние на демографическую политику всех стран сложностей переходного периода: разрушения хозяйственных связей, развал ряда секторов экономики, снижение благосостояния населения. Все силы правящих классов, особенно бывших национальных республик, в этот период были сосредоточены не на демографическом развитии своих стран, а на укреплении государственного суверенитета и переходе к рыночной экономике.

Определяющей доминантой демографических изменений стало различие экономического потенциала постсоветских государств. До принятия Конституции РФ в 1993 г. действовали те же надбавки для лиц, имеющих паспорт СССР и имеющих прописку или постоянную регистрацию в России. Граждане бывшего СССР, имеющие паспорт СССР и такую регистрацию могли пользоваться в начале 1990-х этими благами, так как Закон о гражданстве РФ (1991) не определял иностранцами граждан с паспортом СССР, а «Закон об иностранных гражданах» оставался в версии принятой в СССР до 2002 года, поэтому неза-

конными мигрантами считались только граждане «дальнего» зарубежья. Все пятнадцать стран бывшего СССР стали субъектами международного права и вошли в состав ООН и другие международные организации. Страны Балтии взяли курс на присоединение к ЕС и стали гармонизировать свое законодательство в соответствии с требованиями ЕС, остальные страны активно включились в разработку национального законодательства, существующих в то время практик. Так все они подписали международные документы в области прав человека в обеспечении гендерного равенства в семейных отношениях.

Отметим, что в странах СНГ, принявших собственные Конституции, например, Центральной Азии, отказались от бесплатного полного среднего и высшего образования и полной медицинской помощи. При развитии негосударственной системы медицинских и образовательных учреждений во всех странах стала вводиться система квот на места в образовательных учреждениях и введение страховой медицинской помощи, которая оставляет неохваченными большой сегмент наиболее уязвимого населения этих стран.

Каждой страной в 1990-е на основании международных стандартов, которые являются приоритетными, принимались свои законодательные документы и программы, направленные на регулирование демографических процессов, отражающие специфику задач в области демографического развития. Раскроем наиболее значимые особенности демографической политики каждой из стран. Так, Российская Федерация, как одна из самых первых постсоветских стран стала возвращать в повестку дня деятельности правительства вопросы демографического развития страны. В центре внимания стояли две проблемы:

1. Депопуляция населения России и активизация миграционных потоков из постсоветских стран в Россию. Накопившиеся негативные изменения в демографическом развитии страны в 1989-1991 гг. в полной мере проявились в 1992-1995 гг. и демографический кризис приобрел критическую форму.

2. Беспрецедентный рост количества абортов из-за глубокого экономического кризиса, безработицы и падения уровня жизни во всех

странах привели к вниманию правительства к политике регулирования рождаемости не через аборт, а через контрацептивные средства.

В 1997 году было принято Постановление Правительства РФ N 1207 от 19.09.1997 г., в котором уделялось внимание новым методам контрацепции и репродуктивному здоровью женщин, и, особенно, профилактике абортов.

Следует отметить также реализацию Федеральной программы «Миграция», действовавшей с 1993 по 2001 годы, помогавшей прибывавшим вынужденным мигрантам и их семьям обрести свой дом. Такие же были приняты программы в других странах СНГ по социально-экономической поддержке вынужденных мигрантов – перемещенных лиц, турок – месхетин и беженцев из Южной Осетии и Абхазии были приняты в Грузии, в Азербайджане – по обустройству беженцев из Нагорного Карабаха, в Армении – жертв Спитакского землетрясения и беженцев из Азербайджана и Нагорного Карабаха, в Украине – по внутренне перемещенным лицам; в Молдове – по жителям Приднестровского района. Программа «О компенсации за потерянное жилье» для вынужденных мигрантов в ходе боевых действий в Чечне в 1994-2001 годах.

Ориентируясь на положения Каирской Программы (1994) Правительством Азербайджанской Республики было предпринято ряд активных комплексных мер в сфере развития народонаселения. Принимая Программу действий по вопросам народонаселения и развития государства, правительство страны признавало, что инвестиционные вложения в развитие человеческого фактора, предоставление новых возможностей населению, и обеспечение для него возможностей реализации своего потенциала представляют собой основу стабильного экономического роста и высокоэффективного развития. В 1995 году была принята Конституция Республики Азербайджан. Официальным документом в сфере семейной политики является семейный кодекс Азербайджанской Республики [9], принятый также в 1999 г. Несмотря на постепенное оздоровление экономики и общественно-политической ситуации в стране к концу 90-х – преодолеть отрицательные тенденции 90-х в демографическом развитии страны.

В целях дальнейшего оздоровления демографической ситуации Распоряжением Президента Азербайджана от 29.11.2009 № 1862, с участием соответствующих госструктур, научных учреждений и высококвалифицированных специалистов, а также при плодотворном сотрудничестве с функционирующими в государстве международными организациями была сформирована Концепция развития "Азербайджан 2020: взгляд в будущее". Она затрагивала ключевые стратегические цели политики развития во всех областях жизни Республики, и ее воплощение планировалось с помощью целевых государственных программ. Актуальность и значимость указанной концепции взаимосвязана с вступлением государства в новую ступень развития. Эксперты страны полагают, что достигнутые успехи в результате реализации данной Концепции дадут возможность Азербайджану ставить более высокие цели и задачи.

Проблемы демографического развития Армении в эти годы регулировались Конституцией Республики Армения, в принятой 1995 г. Несмотря на постепенное оздоровление экономики и общественно-политической ситуации в стране к концу 90-х – преодолеть отрицательные тенденции 90-х в демографическом развитии страны было достаточно сложно. Демографическая ситуация в республике Армения в 90-х годах, характеризовалась массовой эмиграцией.

После принятия Конституции в 1991 году, был издан Приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь №17 от 05.04.1991, который определял порядок проведения операции искусственного прерывания беременности.

В результате распада Советского Союза, в Казахстане, провозгласившем свою независимость в 1991 году, население за короткое время сократилось с 16 793 тыс. до 14 867 тыс. чел. В стране, где только 40 % всего населения составляют казахи, большая часть граждан русского, немецкого, украинского и белорусского происхождения начала мигрировать на историческую родину. Столкнувшись с сильным демографическим кризисом, правительство Казахстана в 1998 году утвердило Концепцию репатриации этнических казахов на историческую родину, направленную на возвращение почти 5 миллионов казахов из более чем 40 стран, ко-

торые, как известно, являются поколением тех, кто уехал из-за политического давления и голода в период Советского Союза [7]. По поручению президента-основателя Н. Назарбаева, в Казахстане была запущена программа, в рамках которой количество ежегодных квот, предоставляемых этническим казахам, мигрировавшим в страну, было увеличено с 10 до 20 тысяч, были введены многие льготы, такие как государственная занятость, доступ к поступлению в университеты, медицинские услуги и социальные выплаты. Эксперты оценивают результаты демографической политики Казахстана как позитивные содействующие предотвращению процесса депопуляции населения и демографического кризиса в перспективе.

Демографическая ситуация в Кыргызстане в 90-е оставалась сложной, сохранялась младенческая и материнская смертность. На демографические процессы в стране оказало резкое повышение уровня бедности населения. В 2000 г. был принят Закон Киргизской Республики «О внешней миграции» [10].

Республика Молдова не являлась исключением на постсоветском пространстве в 90-е годы. Эксперты называют две наиболее выраженные проблемы для данной страны: низкая рождаемость и массовый отъезд граждан за рубеж. Стратегические приоритеты в области демографии были сформулированы в Конституции Республики Молдова 1994 г. Это был основной документ регулирующий демографическую политику до 2005 год. В 2000 году был также принят Семейный кодекс Республики Молдова, в котором устанавливались способы защиты семейных прав любым семейном конфликте или споре.

Основными документами, регулирующим демографическую политику до 2003 года была Конституция Республики Таджикистан, принятая в 1994 г., и Семейный кодекс Республики Таджикистан [13] от 13 ноября 1998 года, в котором регулируются вопросы семьи, брака, материнства, отцовства и детства в Республике. Особенностью демографических проблем Таджикистана является избыток рабочей силы, рост безработицы и ограниченность ресурсов в стране на фоне усиливающегося финансово-экономического кризиса.

Особенности миграционной ситуации в Узбекистан в 90-е годы заключались в том, что

Республика оставалась государством с растущим населением, характеризовалась высоким миграционным оттоком русских, украинцев, крымских татар, немцев на свою историческую Родину и высокой трудовой миграцией. В регулировании демографической ситуации руководство страны в эти годы делало акцент на поддержке семьи. Так, в 1995 году был принят Трудовой кодекс Республики Узбекистан [24].

Демографическая ситуация в Украине характеризовалась в 90-е падением рождаемости на фоне высокого уровня смертности населения. Демографическая политика в Украине проводится в соответствии с Конституцией Украины.

Туркменистан относится к странам с быстрым ростом численности населения. Темп его роста в 1990-е составлял 1,6% ежегодно [24]. Однако резкое ухудшение социальной ситуации, безработица, как следствие – падение уровня и качества жизни, привело к массовой миграции. Из документов, так или иначе влияющих на демографическую ситуацию в стране стал принятые в 1998 году Гражданский кодекс Туркменистана и Трудовой кодекс Туркменистана [21]. По оценкам экспертов Туркменистан одна из самых закрытых стран мира и информации о демографических программах страны в 90-е годы найти не удалось.

Оценивая эффективность демографической политики России в 90-е можно сказать, что, несмотря на принимаемые меры, в рамках демографической политики, в целом России не удалось преодолеть естественную убыль населения, прежде всего, из-за нерешенности социально-экономических проблем.

По итогам первого десятилетия становления независимых государств трудно говорить об эффективности государственной демографической политики, так как в это время создавалась только юридическая база во всех отраслях экономики, политики и финансов. Так, оценивая эффективность демографической политики России в 1990-е можно сказать, что, несмотря на принимаемые меры, в рамках демографической политики, в целом России не удалось преодолеть естественную убыль населения, прежде всего, из-за нерешенности социально-экономических проблем.

К началу 2000 г. в государствах-членах СНГ сформировались внутренние условия для оцен-

ки пройденного за годы независимости пути и рефлексии особенностей демографической ситуации в странах. Как показал анализ, каждая из них характеризовалась своим классом проблем. В России, Беларуси и на Украине возникла депопуляция. Так, для Армении, Грузии, Молдовы при относительной стабильности населения проблемой стал эмиграционный отток населения. Для Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана из-за роста числа трудоспособного возраста формировалась трудоизбыточность, и возникли проблемы, связанные с миграцией, изменением половозрастной структуры населения. В этой ситуации Правительства СНГ активизировали свою работу по формированию демографической политики, ориентируя её на поддержании текущего демографического роста, на основные демографические запросы населения и регулирование миграционных процессов.

Много международных документов содержат в себе положения по защите от рабского труда, и о запрете на детский труд в странах СНГ

от 18 октября 2011 г. Особенности демографической политики каждой из стран проявляются в интенсивности направлений и детерминированы особенностями демографических процессов и проблем в каждой из постсоветских стран.

Демографическое развитие населения ЕАЭС является важнейшим фактором развития человеческого потенциала Союза. Его важнейшим показателем, обеспечивающим устойчивое функционирование Союза, является численность постоянного населения, которая на 1 января 2019 г. по сравнению с 2014 годом выросла на 2,7% и составила 184 006 230 человек за счет роста населения Кыргызстана, Казахстана, России [4].

На изменение демографического потенциала ЕАЭС негативное влияние оказывает естественная убыль населения в Беларуси и России и снижение естественного прироста населения в Армении. Так, естественный прирост населения в ЕАЭС за период с 2014 по 2019 гг. снизился в 2,6 раза (табл. 1).

Таблица 1 – Показатели естественного движения населения в государствах - членах ЕАЭС (чел.)

Table 1 – Vital movement indicators in the EAEU member states (persons)

| Показатель | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 | 2019 |
|--------------------------------------|-----------|-----------|-----------|-----------|-----------|-----------|
| <i>Армения</i> | | | | | | |
| Число родившихся | 43 031 | 41 763 | 43 031 | 41 763 | 43 031 | 41 763 |
| Число умерших | 27 714 | 27 878 | 28 226 | 27 157 | 25 751 | 26 200 |
| Естественный прирост (+) / убыль (-) | 15 317 | 13 885 | 12 366 | 10 543 | 10 823 | 9 900 |
| <i>Беларусь</i> | | | | | | |
| Число родившихся | 118 534 | 119 028 | 117 779 | 102 556 | 94 042 | 87 800 |
| Число умерших | 121 542 | 120 026 | 119 379 | 119 311 | 120 053 | 120 900 |
| Естественный прирост (+) / убыль (-) | - 3 008 | - 998 | - 1 600 | - 16 755 | - 26 011 | - 33 100 |
| <i>Казахстан</i> | | | | | | |
| Число родившихся | 399 309 | 398 458 | 400 694 | 390 262 | 397 799 | 403 100 |
| Число умерших | 132 287 | 130 811 | 131 231 | 129 009 | 130 448 | 133 500 |
| Естественный прирост (+) / убыль (-) | 267 022 | 267 647 | 269 463 | 261 253 | 267 351 | 269,6 |
| <i>Кыргызстан</i> | | | | | | |
| Число родившихся | 161 813 | 163 452 | 158 160 | 153 620 | 171 149 | 173 500 |
| Число умерших | 35 564 | 34 808 | 33 475 | 33 166 | 32 989 | 33 300 |
| Естественный прирост (+) / убыль (-) | 126 249 | 128 644 | 124 685 | 120 454 | 138 160 | 140 200 |
| <i>Россия</i> | | | | | | |
| Число родившихся | 1 942 683 | 1 940 579 | 1 888 729 | 1 690 307 | 1 604 344 | 1 484 500 |
| Число умерших | 1 912 347 | 1 908 541 | 1 891 015 | 1 826 125 | 1 828 910 | 1 800 700 |
| Естественный прирост (+) / убыль (-) | 30 336 | 32 038 | - 2 286 | - 135 818 | - 224 566 | - 316 200 |
| <i>ЕАЭС</i> | | | | | | |
| Число родившихся | 2 665 370 | 2 663 280 | 2 605 954 | 2 374 445 | 2 303 908 | 2 185 000 |
| Число умерших | 2 229 454 | 2 222 064 | 2 203 326 | 2 134 768 | 2 138 151 | 2 114 600 |
| Естественный прирост (+) / убыль (-) | 435 916 | 441 216 | 402 628 | 239 677 | 165 757 | 70 400 |

Источник: ЕЭК. Статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_demography.aspx (дата обращения: 04.09.2020).

Динамика демографического потенциала стран ЕАЭС характеризуется изменениями структуры населения: численностью и половозрастными характеристиками населения, социально-демографическими показателями, включая миграцию. Можно предположить негативное влияние на стабильность социально-экономического развития, на человеческий потенциал Кыргызстана увеличения доли молодого поколения среди трудоспособного населения, так называемого «молодежного пузыря» и миграции.

На стабильность социально-экономического развития Беларуси и России - старения населения и снижения численности рождаемости, ведущих к депопуляции, к увеличению демографической нагрузки пожилыми, а взаимосвязанность старения и депопуляции к «демографическому дефициту». Считаем, что молодая семья должна получать возможность на защиту и помощь государства [16]. Брак должен заключаться по свободному согласию вступающих в него лиц. Региональные конвенции

конкретизируют общие положения с учетом традиций континентов и стран. Следует отметить, что эксперты стран ЕАЭС регулярно анализируют ход выполнения данной концепции.

На глобальном уровне индекс человеческого развития показывает, что производительность почти 60 % родившихся сегодня детей составит, в лучшем случае, половину от той, которой они могли бы достичь, имея полноценное здоровье и полное образование. Это чревато серьезными последствиями для производительности, всеобъемлющего экономического роста и сокращения бедности.

Вместе с тем, методы расчёта каждого из индексов всё чаще подвергаются обоснованной критике, поскольку на самом деле не дают точных данных о процессах и их качестве, не учитывают ряд важных факторов, иногда зависят от определённой корреляции между изменениями отдельных статистических показателей. И все - таки данные индексы открывают возможность оценки динамики показателей

Таблица 2 – Изменения в рейтинге по индексу человеческого развития (ИЧР)

Table 2 – Changes in the Human Development Index (HDI) ranking

| Место в ИЧР | Страна | Изменения в рейтинге по ИЧР (2013–2018) | Среднегодовой прирост ИЧР | | | |
|--|----------------------|---|---------------------------|-----------|-----------|-----------|
| | | | 1990–2000 | 2000–2010 | 2010–2018 | 1990–2018 |
| <i>СТРАНЫ ЕАЭС С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i> | | | | | | |
| 49 | Российская Федерация | 3 | - 0,18 | 0,79 | 0,69 | 0,41 |
| 50 | Беларусь | 0 | — | 1,50 | 0,39 | — |
| 50 | Казахстан | 9 | - 0,07 | 1,10 | 0,84 | 0,61 |
| <i>СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i> | | | | | | |
| 30 | Эстония | - 1 | 0,67 | 0,79 | 0,54 | 0,68 |
| 34 | Литва | 5 | 0,31 | 0,88 | 0,67 | 0,62 |
| 39 | Латвия | 4 | 0,41 | 1,16 | 0,56 | 0,72 |
| <i>СТРАНЫ ЕАЭС С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i> | | | | | | |
| 81 | Армения | 3 | 0,24 | 1,17 | 0,52 | 0,65 |
| <i>СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i> | | | | | | |
| 70 | Грузия | 5 | — | 0,90 | 0,91 | — |
| 87 | Азербайджан | 0 | — | 1,34 | 0,36 | — |
| 88 | Украина | - 5 | - 0,49 | 0,87 | 0,29 | 0,22 |
| 107 | Молдова (Республика) | - 3 | - 0,70 | 1,12 | 0,56 | 0,30 |
| 108 | Туркменистан | 2 | — | — | 0,67 | — |
| 108 | Узбекистан | 3 | — | 1,10 | 0,83 | — |
| <i>СТРАНЫ ЕАЭС СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i> | | | | | | |
| 122 | Кыргызстан | - 1 | - 0,39 | 0,69 | 0,73 | 0,31 |
| <i>СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ</i> | | | | | | |
| 125 | Таджикистан | - 1 | - 1,13 | 1,60 | 0,50 | 0,30 |

Источник: Доклад о человеческом развитии 2019 «За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке» // Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). URL: [hdr_2019_overview_-russian.pdf](https://hdr2019.un.org/overview_-russian.pdf) (дата обращения: 15.08.2020).

человеческого потенциала устойчивого развития Евразийского экономического союза, сравнения и выявления ключевых проблем и противоречий в области его формирования.

Временные интервалы изменения рейтинга стран по индексу человеческого развития (ИЧР) за 1990–2000, 2000–2010, 2010–2018 и 1990–2018 годы, позволяют оценить потери человеческого потенциала в странах постсоветского пространства (табл. 2). Как видно из таблицы (оценка по странам, представившим данные), больше других в 1990–2000 г. в рейтинге по ИЧР потеряли Таджикистан –1,13, Молдова (Республика) –0,70; Украина –0,49; Кыргызстан –0,39. Потери ИЧР отмечались и в Российской Федерации – 0,18; и в Казахстане – 0,07.

Однако все страны - члены сумели восстановить показатели человеческого развития, сохранив свою принадлежность к квартилям классификации ИЧР, начиная с 2000 года наращивали значение индекса. За период 2013–2018 гг. практически все они (за исключением Кыргызстана) повысили свой рейтинг по ИЧР в мире. Самое высокое значение в нем имеет Россия – 49 место среди 186 стран мира, а Казахстан и Беларусь – 50, Армения – 81, Кыргызстан - 122.

О резервах в развитии человека в государствах-членах ЕАЭС можно судить по результатам сравнительного анализа значений компонентов ИЧР со странами – лидерами и бывшими союзными республиками. В значениях ИЧК выделяется 6 групп стран по величине ИЧК:

- 1) 0,80 < ИЧК;
- 2) 0,70 < ИЧК < 0,80;
- 3) 0,60 < ИЧК < 0,70;
- 4) 0,50 < ИЧК < 0,60;
- 5) 0,40 < ИЧК < 0,50;
- 6) ИЧК < 0,40.

Индекс человеческого капитала (ИЧК) стран-членов ЕАЭС представлен в табл. 3.

Как видим из таблицы, по оценке Всемирного банка страны – члены ЕАЭС в меньшей мере готовы к изменениям характера труда в условиях роста важности человеческого капитала. Лидируют здесь Сингапур, Республика Корея, Япония, Гонконг, Финляндия. Казахстан и Россия занимают в рейтинге 31 и 34 место (соответственно), попадая во 2 группу со значением ИЧК от 0,70 до 0,80, в которую входят и прибалтийские страны. Кыргызстан и Армения отнесены к 4 группе ИЧК. Беларусь не участвовала в расчете рейтинга.

Анализ компонентов индекса человеческого капитала показывает, что страны-члены имеют сопоставимые со странами-лидерами показатели по индексу «Вероятность достижения возраста 5 лет», неплохо выглядит показатель «Выживаемость взрослых», в основе которого лежит показатель «Продолжительность жизни

Таблица 3 – Изменения в рейтинге по индексу человеческого развития (ИЧР)
Table 3 – Changes in the Human Development Index (HDI) ranking

| Место | Страна | Низкий предел | Показатель | Высокий предел |
|---|-----------------------|---------------|------------|----------------|
| <i>СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80</i> | | | | |
| 31 | Казахстан | 0,72 | 0,75 | 0,77 |
| 34 | Российская Федерация | 0,68 | 0,73 | 0,77 |
| <i>СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80</i> | | | | |
| 29 | Эстония | 0,73 | 0,75 | 0,76 |
| 35 | Латвия | 0,71 | 0,72 | 0,74 |
| 37 | Литва | 0,70 | 0,71 | 0,73 |
| <i>СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 3 ГРУППЫ 0,60 < ИЧК < 0,70</i> | | | | |
| 50 | Украина | 0,61 | 0,65 | 0,68 |
| 61 | Грузия | 0,60 | 0,61 | 0,63 |
| 69 | Азербайджан | 0,58 | 0,60 | 0,62 |
| <i>СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60</i> | | | | |
| 76 | Кыргызская Республика | 0,57 | 0,58 | 0,59 |
| 78 | Армения | 0,56 | 0,57 | 0,58 |
| <i>СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60</i> | | | | |
| 75 | Молдова | 0,57 | 0,58 | 0,59 |
| 89 | Таджикистан | 0,51 | 0,53 | 0,55 |
| <i>Страны-лидеры</i> | | | | |
| 1 | Сингапур | 0,87 | 0,88 | 0,90 |
| 2 | Корея, Респ, | 0,83 | 0,84 | 0,86 |
| 3 | Япония | 0,83 | 0,84 | 0,85 |
| 4 | Гонконг, САР, Китай | 0,81 | 0,82 | 0,83 |
| 5 | Финляндия | 0,80 | 0,81 | 0,82 |

Источник: Доклад «О Мировом развитии. Изменение характера труда». Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк. 2019. С. 55–69. URL: <https://www.worldbank.org>.

населения». Учитывая уменьшение год от года числа родившихся на 1000 человек, можно предположить снижение в перспективе рождаемости во всех странах (табл. 4).

Можно предположить негативное влияние на стабильность социально-экономического развития, на человеческий потенциал Кыргызстана увеличения доли молодого поколения среди трудоспособного населения, так называемого «молодежного пузыря» и миграции. На стабильность социально-экономического развития Беларуси и России - старения населения и снижения численности рождаемости, ведущих к депопуляции, к увеличению демографической нагрузки пожилыми, а взаимосвязанность старения и депопуляции к «демографическому дефициту».

Негативно на экономике стран ЕАЭС сказывается высокая смертность молодого мужского населения. Наибольшее число потерянных лет жизни в Беларуси, России обусловлено ишемической болезнью сердца, инсультами, самоповреждениями, раком легкого и дорожными травмами. В Армении, Казахстане, Кыргызстане – заболеваниями сердечнососудистой системы. Изменение численности населения может приводить к изменению структуры населения, диспропорциям, к обезлюдению территорий.

Дело в том, что экономическая интеграция стран ЕАЭС сталкивается с многочисленными критическими вызовами. Это и невысокие экономические показатели по сравнению с развитыми странами, «однотипность отраслевой структуры экономик и, в связи с этим, сложность в дополнении друг друга, снижение уровня взаимной торговли» [15]. Это и национальный экономический эгоизм, политические противоречия, недоверие участников друг к другу, неготовность элит к интеграции.

Кардинальные перемены в увеличении человеческого потенциала как главного драйвера повышения эффективности национальных экономик государств-членов союза начинаются с инвестиций в образование и здравоохранение. Как показывает анализ они сегодня крайне недостаточны. Образование является синтезирующей сферой формирования, накопления и воспроизводства человеческого капитала.

Таблица 4 – Число родившихся в странах ЕАЭС на 1000 чел. в январе – декабре с 2014 по 2019 годы

Table 4 – Number of births in the EAEU countries per 1000 people in January – December from 2014 to 2019

| Страна | Год | | | | | |
|------------|------|------|------|------|------|------|
| | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 | 2019 |
| Армения | 14,3 | 13,9 | 13,6 | 12,7 | 12,3 | 12,2 |
| Беларусь | 12,5 | 12,6 | 12,4 | 10,8 | 10 | 9,3 |
| Казахстан | 23,1 | 22,7 | 21,9 | 21,6 | 21,8 | 21,8 |
| Кыргызстан | 27,7 | 27,4 | 26 | 24,8 | 27,1 | 26,9 |
| Россия | 13,3 | 13,3 | 12,9 | 11,5 | 10,9 | 10,1 |
| ЕАЭС | 14,7 | 14,6 | 13,9 | 12,9 | 12,5 | 11,9 |

Составлено авторами по данным: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2020 [6].

Таблица 5 – Расходы консолидированного бюджета на образование (в % от ВВП)

Table 5 – Consolidated budget expenditures on education (% of GDP)

| Страна | Год | | | |
|------------|------|------|------|------|
| | 2016 | 2017 | 2018 | 2019 |
| Армения | 8,4 | 8,3 | 8,4 | 8,0 |
| Беларусь | 16,8 | 17,1 | 17,0 | 17,8 |
| Казахстан | 17,7 | 14,8 | 17,1 | 17,2 |
| Кыргызстан | 26,2 | 25,8 | 25,9 | 26,4 |
| Россия | 9,9 | 10,1 | 10,7 | 10,8 |

Составлено авторами по данным: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2020 [6].

По данным Евразийской экономической комиссии наиболее низкие расходы на здравоохранение были в Кыргызстане и Армении, при этом в Кыргызстане, они снизились в 2019 году по сравнению с 2018 практически в 4 раза (табл. 4). В целом по ЕАЭС расходы на здравоохранение составляют не более 10 %, что соответственно негативным образом влияет на все показатели здоровья населения.

Анализ показывает (табл. 5) рост инвестиций в образование практически во всех странах ЕАЭС. При этом меньше всего в образовании инвестирует Армения, что не позволяет ей выйти на уровень стран с очень высоким показателем индекса человеческого развития и человеческого капитала (именно по показателю «унифицированные результаты тестирования» Армения отстает в значительной степени от других стран). Более всего в образовании инвестирует Кыргызстан, если такие темпы инвестирования в образование не будут

снижаться, страна может выйти на более высокий уровень по человеческому развитию.

Ученые-аналитики отмечают, что «потребность в условиях COVID обеспечить безопасность своих граждан ведет к фрагментации мира и интеграционных объединений, к повышению роли национальных государств и национальных экономик» [17], при сокращении экономических возможностей ключевых экономик, являющихся ядром региональных интеграционных объединений.

Примечательно, что в ЕАЭС демонстрацией этой тенденции стало заседание 19 мая 2020 г. Высшего Евразийского Экономического Совета, которое продемонстрировало наличие противоречий между производственным и энергетическим началом, формирование разных подходов России и Казахстана с одной стороны, Беларуси и Армении с другой к стратегическим направлениям развития евразийской интеграции до 2025 года.

Пандемия обострила нерешенные в процессе интеграции стран ЕАЭС. Отмечается и информационное противостояние, когнитивный диссонанс в отношении к COVID-19. Восстановление после пандемии экономик государств-членов и ЕАЭС в целом требует урегулирования множества нерешенных проблем, устранения имеющихся противоречий и на этой основе обеспечения стабильного развития, активизации евразийских интеграционных процессов.

Заключение

В настоящее время по предложению российской стороны обсуждаются меры по усилению экономической интеграции: по совершенствованию таможенного и административного регулирования, формированию цифрового пространства, активизации импортозамещения, расширению сотрудничества государств в научно-технической и гуманитарной областях, расширению полномочий стран Союза. Преодолению экономического и пандемического кризиса будет способствовать укрепление и развитие интегрированного экономического пространства, в котором каждый участник, за счёт синергетического эффекта, сможет заработать больше, чем он мог бы заработать, находясь вне этого пространства.

Выработка основных векторов развития всего Союза на ближайшие годы, реализация единой позиции и единства действий на постсоветском пространстве требует не только времени и денег, но и политической воли глав государств, а также включения человека в каждой стране-члене и ЕАЭС в целом, в процессы восстановления экономик.

Наш анализ позволяет зафиксировать позитивную динамику значений индексов человеческого потенциала во всех государствах-членах, начиная с 1990-2000 годов при более низких, по сравнению со странами лидерами, стартовых значения и до настоящего времени. Так, ЕАЭС по индексу человеческого развития занимает 50 место в рейтинге из 189 экономик. Индекс человеческого капитала Евразийского экономического союза не рассчитывался, т.к. Беларусь не участвовала в расчете рейтинга. Казахстан и Россия занимают в рейтинге ИЧК 31 и 34 место (соответственно), попадая во 2 группу со значением ИЧК от 0,70 до 0,80, Кыргызстан и Армения отнесены к 4 группе ИЧК. По оценке Всемирного банка страны-члены ЕАЭС в меньшей мере готовы к изменениям характера труда в условиях роста важности человеческого капитала.

В этих целях Правительствами государств предпринимаются меры по увеличению инвестиций в экономику, способствующих увеличению занятости, развитию образовательных программ и программ, направленных на повышение квалификации работников, улучшению здоровья детей и молодежи, стимулированию социальной и экономической мобильности. ЕАЭС стремится содействовать улучшению внутри ЕАЭС инвестиционного климата, безопасной, регулярной и организованной миграции, благоприятным условиям для жизни, мобильности, самореализации людей, развитию взаимной и внешней торговли государств-членов ЕАЭС. Этому способствуют уже созданные общие рынки, цифровая трансформация экономик.

Однако сегодня нет программы обеспечения демографической безопасности Евразийского экономического Союза, учитывающей влияние интеграционных процессов на демографическую безопасность, как союза, так и каждого государства-члена, что приводит к де-

мографическим угрозам устойчивому развитию объединения. Не разработаны показатели, которые могут в режиме мониторинга контролировать результаты демографических изменений на евразийском пространстве. Очевидно, что в центре этой программы должно быть повышение качества человеческого ресурса, увеличение и улучшение человеческого потенциала, предотвращение возможных угроз демографической безопасности, реализация программ по продвижению семейных ценно-

стей, создание благоприятных условий для молодых и многодетных семей.

В этом контексте актуализируется задача разработки мер по оптимизации социальной политики и на уровне Союза, и на уровне каждой страны-члена, единой концепции в отношении повышения качества образования и медицинского обслуживания, развития системы гарантий социального обеспечения старости, поддержки материнства и детства, начиная с увеличения инвестиций в социальную сферу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антипова Е.А. Демографическое развитие республики Беларусь в XXI веке: Тенденции, региональные различия, проблемы // *Народонаселение*. 2016. № 1-1. С. 5–15.

2. Боков А.Н. Демографические угрозы как объект статистического исследования // *Экономика, статистика и информатика*. 2015. С. 157–163.

3. Вартанова М.Л. Национальные приоритеты и перспективы развития Евразийской экономической интеграции // *Экономика и право: Монография* / гл. ред. Э. В. Фомин. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 184 с. С. 33–74.

4. Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2017. С. 27.

5. Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. 206 с.

6. Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. М., 2020. С. 24.

7. Завьялова О.Г. Демографическая безопасность региона: оценка и типология // *Вестник МАНЭБ*. 2009. № 2. С. 169–171.

8. Злотников А.Г., Смальяга А.К. Белорусская миграция в евразийском отражении // *Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум: Международная научная конференция: Сборник статей* / Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург, 2017. Т. 2. С. 281–287.

9. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.А. Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // *Экономика, статистика и информатика*. 2015. № 4. С. 123–128.

10. Кочербаева А. Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их

социальные последствия и перспективы решения // *Народонаселение*. 2016 № 1-1. С. 16–24.

11. Кузин С.И., Константинова А.Г. Демографический потенциал: сущность и проблемы определения // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017. С. 665–671.

12. Кузьмин А.И., Савеленко Д.В. Особенности демографического потенциала ЕАЭС // *Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум*. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2017. С. 6–12.

13. Осадчая Г.И. Социально-демографические аспекты интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // *Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал*. М.: Изд-во «Экон-Информ». 2019. С. 101–133.

14. Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // *Вопросы управления*. 2021. № 1 (68). С. 62–74.

15. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: Коллективная монография // Г. В. Осипов, Г. И. Осадчая, Э. М. Андреев, Т. Н. Юдина, М. Л. Вартанова, Е. Ю. Киреев, Е. В. Дробот, И. А. Селезнёв, Д. М. Выборнов. М., 2018. С. 194–253.

16. Ростовская Т.К., Егорычев А.М., Гуляев С.Б. Современная социально-политическая ситуация и демографическое развитие России // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 2. С. 7–16.

17. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Архангельский В.Н. Усиление депопуляции в России в кон-

тексте пандемии COVID-19: региональные особенности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–20.

18. Рыбаковский О. Л., Таюнова О.А. Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. 2019. № 2. С. 17–25.

19. Рыбаковский Л. Демографическая безопасность // Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. 2003. № 3. С. 124–156.

20. Сакаев В.Т. Евразийский экономический союз: политико-демографические аспекты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12. № 2 (164). С. 141–153.

21. Сечко Н.Н., Таранова Е.В. Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения // Социологический альманах ИС НАН Белару-

си. 2011. С. 182–191.

22. Бондарская Т.А., Бондарская О.В., Гучетль Р.Г., Попова Г.А. Социально-демографическая безопасность территории (на примере Тамбовской области) : Монография. Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017.

23. Топилин А.В. Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 59–66.

24. Уставщикова С.В. Демографические аспекты развития населения и урбанизации в Туркменистане // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 262–266.

25. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 25.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); osadchaya111@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 118648, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017.

Вартанова Марина Львовна кандидат экономических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); 11marina11@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 680162, ORCID: 0000-0002-9853-5817.

HUMAN POTENTIAL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES: CHANGE DYNAMICS AND DEMOGRAPHIC SECURITY

G.I. Osadchaya^a, M.L. Vartanova^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

The challenging inconsistency of today is contradictions between the developing each member country's human potential individually and the Eurasian Economic Union as a whole, strengthening the positive impact of integration processes, the real demographic situation of member countries, the contradictory influence of integration processes related to the emergence of multiple socio-demographic issues and primarily, with demographic expansion. The EEU integration goals require increased human potential, owing to the fertility, mortality and migration in the member states, ensuring demographic security. The population of the union is its real strategic resource. The research analyzes various aspects of human potential and hu-

man capital. Based on the analysis of the demographic situation in the EEU member states, the authors aim at revealing the risks and threats of its reduced human potential and rationalizing the system of indicators and indices of the EEU demographic security.

Demographic security penetrates every single field of human life. Understanding the demographic development significance for the national security of the EEU member countries in general, the authors state the need to specify the content of the “demographic security” category and develop indicators and to monitor its condition. The article advises that the EEU demographic security is a state of secure socio-economic development with the ensured geopolitical, economic and ethnic status of each member state and the union, their integrity, independence, sovereignty while maintaining the existing geopolitical status.

The human potential dynamics of the EEU sustainable development is assessed through modern approaches to researching the problems of the demographic potential of societies. The research considered the possibilities of the countries, opening up with the single integration association functioning. The accumulated demographic scientific and practical knowledge has led the authors to the key research result - development of the “demographic stability” concept. The applicability and relevance of the developed category is determined by how useful for the organization is the demographic research, the development / updating of state concepts, strategies and programs in the field of demographic policy (whether it provides for achieving goals elasticity and clearly defines tasks for achieving it).

KEYWORDS: global economy, demographic security, integration, human development index, population, fertility and mortality, risks and threats, human migration.

FOR CITATION: Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2022). Human potential of sustainable development of the Eurasian Economic Union countries: change dynamics and demographic security, *Management Issues*, no. 3, pp. 46–59.

REFERENCES

1. Antipova E.A. (2016). Demographic development of the Republic of Belarus in the 21st century: trends, regional differences, problems, *Population*, no. 1-1, pp. 5–15.
2. Bokov A.N. (2015). Demographic threats as an object of statistical research, *Economics, statistics and computer science*, pp. 157–163.
3. Vartanova M.L. (2021). National priorities and prospects for the development of Eurasian economic integration. In: EFomin E.V. (ed.) *Economics and Law*. Monograph. Cheboksary: Publishing House “Sreda”. 184 p., pp. 33–74.
4. Eurasian Economic Union in numbers. Brief statistical collection. Moscow, 2017. P. 27.
5. Eurasian Economic Union in numbers. Brief statistical collection. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2018. 206 p.
6. Eurasian Economic Union in numbers. Brief statistical collection. Eurasian Economic Commission. Moscow, 2020. P. 24.
7. Zavyalova O.G. (2009). Demographic security of the region: Assessment and typology, *Bulletin of MANEB*, no. 2, pp. 169–171.
8. Zlotnikov A.G., Smalyuga A.K. (2017). Belarusian migration in the Eurasian reflection. In: Proceedings of the VIII Ural Demographic Forum – International Scientific Conference “Demographic potential of the EAEU countries”. Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, vol. 2, pp. 281–287.
9. Karmanov M.V., Kuchmaeva O.V., Petryakova O.L. (2015). Demographic security: theory, methodology, assessment, *Economics, statistics and computer science*, no. 4, pp. 123–128.
10. Kocherbaeva A. (2016). Features of the demographic development of Kyrgyzstan: problems, their social consequences and prospects for solutions, *Population*, no. 1-1, pp. 16–24.
11. Kuzin S.I., Konstantinova A.G. (2017). Demographic potential: essence and problems of definition, *Russia: trends and development prospects*, pp. 665–671.
12. Kuzmin A.I., Savelenko D.V. (2017). Features of the demographic potential of the EAEU. In: Proceedings of the VIII Ural Demographic Forum “Demographic potential of the EAEU countries”

(vol. I). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 6–12.

13. Osadchaya G.I. (2019). Socio-demographic aspects of integration processes in the Eurasian Economic Union. In: Formation of the Eurasian Economic Union: ideas, reality, potential. Moscow: Publishing House "Econ-Inform", pp. 101–133.

14. Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2021). Demographic security and trends in the development of migration processes in the Eurasian Economic Union in the context of the pandemic (COVID-19), *Management Issues*, no. 1 (68). pp. 62–74.

15. Osipov G.V., Osadchaya G.I., Andreev E.M., Yudina T.N., Vartanova M.L., Kireev E.Yu., Drobot E.V., Seleznev I.A., Vybornov D.M. (2018). Processes of Eurasian integration: socio-political dimension. Collective monograph. Moscow. Pp. 194–253.

16. Rostovskaya T.K., Egorychev A.M., Gulyaev S.B. (2022). Modern socio-political situation and demographic development of Russia, *Alma mater (Bulletin of Higher School)*, no. 2. pp. 7–16.

17. Ryazantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangel'sky V.N. (2021). Strengthening depopulation in Russia in the context of the COVID-19 pandemic: regional features, *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Social and economic sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 7–20.

18. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. (2019). Demographic potential: from the history of the concept, *Population*, no. 2, pp. 17–25.

19. Rybakovsky L. (2003). Demographic se-

curity, *Journal of personal, national and collective security*, no. 3, pp. 124–156.

20. Sakaev V.T. (2017). Eurasian Economic Union: Political and Demographic Aspects, *Izvestia of the Ural Federal University. Ser. 3, social sciences*, vol. 12, no. 2 (164), pp. 141–153.

21. Sechko N.N., Taranova E.V. (2011). The demographic policy of Belarus and Russia in the context of improving the quality of life of the population, *Sociological almanacs of the IS NAN of Belarus*, pp. 182–191.

22. Bondarskaya T.A., Bondarskaya O.V., Guchetl R.G., Popova G.L. (2017). Socio-demographic security of the territory (on the example of the Tambov region). Monograph. Tambov: Publishing House of TSTU.

23. Topilin A.V. (2018). The influence of migration processes on demographic dynamics and birth rate in Russian regions, *Science. Culture. Society*, no. 4, pp. 59–66.

24. Ustavschnikova S.V. (2019). Demographic aspects of the development of the population and urbanization in Turkmenistan, *Izvestia of the University of Saratov. New series. Series: Earth science*, vol. 19, no. 4, pp. 262–266.

25. On the national goals of the development of the Russian Federation for the period until 2030. Decree of the President of the Russian Federation. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (accessed 25.05.2021).

AUTHORS' INFORMATION:

Galina I. Osadchaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); osadchaya111@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 118648, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017.

Marina L. Vartanova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); 11marina11@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 327777, ORCID: 0000-0001-7339-7510, ScopusID: 57220901427.

РОССИЯ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.Е. Письменная^{a,b}, С.В. Рязанцев^{b,c}, Н.Г. Кузнецов^b, До Хьонг Лан^d

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

^b Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

^c Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

^d Национальный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

Одним из направлений развития российской системы высшего образования является государственная политика по привлечению учебных мигрантов в Россию, расширение академической мобильности и интеграции отечественных университетов в глобальное пространство. С учетом того, что демографический потенциал традиционного для России источника мигрантов – стран СНГ – ограничен, необходимо расширять присутствие российского образования на рынках динамично развивающихся стран с молодым населением.

В статье проанализирован социально-демографический потенциал Юго-Восточной Азии (ЮВА) в качестве перспективного региона для продвижения российского образования за рубежом. Целью работы является оценка целесообразности продвижения российского образования непосредственно в регион ЮВА в привязке к задачам Российской Федерации по росту числа иностранных студентов в стране, а также выявление основных факторов, влияющих на процесс выбора образования за рубежом молодежью из указанного региона, на примере вьетнамской молодежи.

Исследование базируется на сочетании статистического и качественного анализа демографических показателей, сведений о стипендиальной политике Российской Федерации в регионе, а также включает в себя данные, полученные в результате социологического опроса и материалы глубинных интервью со специалистами в области образования.

В статье показано, что ЮВА сохранит свой значительный демографический потенциал в долгосрочной перспективе, отмечены определенные моменты, указывающие на неэффективность политики предоставления Россией квот на обучение для стран региона, проанализированы ключевые факторы, которые влияют на выбор образования за рубежом. Выявлена высокая степень склонности к учебной миграции из региона, обусловленная невысоким качеством высшего образования и востребованностью выпускников, дана оценка факторам «второго порядка», таким как доступность и качество досуга, государственных и медицинских услуг и др.

Сформулированы рекомендации по корректировке политики продвижения отечественного образования в регионе, среди которых создание институциональных условий для трудоустройства иностранных выпускников российских вузов, формирование сектора экономики в ЮВА, связанного с Россией, повышение гибкости стипендиальной политики, сопровождение процесса поступления в вузы для иностранцев, а также продвижение образа России как страны с современными комфортными для жизни условиями, богатой культурой, широкими возможностями для досуга.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-511-92002 «Стратегия России на образовательных рынках стран Юго-Восточной Азии: оценка социально-демографического потенциала и направления государственной политики»..

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшее образование, образовательная миграция, государственная политика, Юго-Восточная Азия, Вьетнам, российские вузы, молодежь.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г., До Хьонг Лан. Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 60–75.

Введение

Образование в России провозглашено приоритетной сферой социальной сферы в рамках государственной политики страны. Целью национального проекта «Образование» является вхождение Российской Федерации в десятку ведущих стран мира по качеству образования¹. Продвижение на ведущие позиции в области образования в мире невозможно без глобализации и интернационализации системы высшего образования в стране, в связи с чем тем же нацпроектом поставлена, среди прочих, задача по росту числа иностранных студентов, обучающихся в России, с 241 тыс. человек в 2019 г. до 425 тыс. человек в 2024 г.², а затем показатели были скорректированы в сторону увеличения до 710 тыс. человек к 2025 г.³. Традиционным донором образовательных мигрантов для России являются страны бывшего СССР, Китай и Индия [1, стр. 23-29; 2, стр. 24-30], но в последние годы предпринимаются шаги по продвижению российского высшего образования и в другие регионы мира.

Одним из таких регионов является Юго-Восточная Азия (ЮВА), которая сочетает два фактора, позволяющие рассматривать ее в качестве приоритетного экспортного рынка в сфере образования – это демографический потенциал и высокий спрос на высшее образование, который не может быть удовлетворен национальными системами вузов в силу комплекса экономических и социальных факторов.

Освещением проблем национальных образовательных систем региона в своих работах подробно занимались Дж. Вогль, П. Келл, Ф. Дж. Альтбах, С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, О. П. Пряжникова, П. Манеджук, Р. Сиду и др. [3-10] В рамках исследования проведен краткий обзор ключевых проблем и вызовов системе получения высшего образования в странах ЮВА [11], в связи с чем этот аспект не будет затронут.

Различные современные аспекты российской политики в области образования в целом и его экспорта в частности освещены в публикациях С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, Н. Л. Антоновой, А. В. Берестова, А. В. Гриненко, М. В. Сероштан, Е. В. Тюменцевой и др. [12-22]. Указанные авторы определяют цели и задачи экспорта российского образования, включая экономические (прямой и косвенный рост доходов), социальные (развитие институтов в стране и улучшение человеческого капитала), демографические (рост численности молодого, трудоспособного и активного населения) и политические (продвижение российской «мягкой силы»).

Целью данной работы является оценка возможностей продвижения российского образования в регион ЮВА в привязке к государственным задачам Российской Федерации по росту числа иностранных студентов в стране, а также выявление основных факторов, влияющих на процесс выбора образования за рубежом молодежью из указанного региона, на примере вьетнамской молодежи. Последние могут быть учтены для корректировки стратегии страны на рынке экспорта образовательных услуг в регионе ЮВА и других регионах мира.

Методика

Исследование базируется на качественном и статистическом анализе демографического потенциала стран ЮВА методами изучения динамики численности населения стран региона, выделения двух возрастных когорт населения (15-24 лет и 0-24 лет), сравнительном анализе демографических данных с количеством выделяемых Российской Федерацией квот на получение высшего образования в российских вузах, а также информацией о спросе на указанные квоты. Источником демографической статистики стали данные Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН,

¹Паспорт национального проекта «Образование». URL: https://edu.gov.ru/application/frontend/skin/default/assets/data/national_project/main/Паспорт_национального_проекта_Образование.pdf (дата обращения: 13.03.2022).

²Паспорт федерального проекта «Экспорт образования». URL: <http://www.eduportal44.ru/deko/NPO1/FP-Eksport-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 13.02.2022).

³Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». URL: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycl5HV.pdf> (дата обращения: 13.02.2022).

сведения Россотрудничества о стипендиальной политике Российской Федерации, а также сведения, полученные из публичных выступлений официальных представителей Российской Федерации, опубликованные на сайтах посольств, консульств, вузов.

Во второй части статьи приведены и проанализированы данные социологического опроса молодых вьетнамцев, посвященного выбору образования за рубежом, проведенного в ноябре 2021 – феврале 2022 гг. В опросе приняли участие 488 гражданина Вьетнама в возрасте от 18 до 30 лет. На основе данных опроса сделаны выводы о факторах, влияющих на принятие молодыми гражданами Вьетнама решений о получении высшего образования за рубежом, выбора страны для учебы, основных проблемах, связанных с этим процессом.

Авторами взяты глубинные интервью у представителями российской системы образования – проректоров и руководителей международных отделов университетов в различных регионах России. В ходе опроса экспертам задавались вопросы относительно динамики численности студентов из Вьетнама в их вузах, их качественных показателей (успеваемость, форма обучения и т.д.), форм взаимодействия университета с партнерами в ЮВА, представителями землячеств или посольств в Российской Федерации, планах иностранных учащихся после окончания университета, факторах, влияющих на выбор учебы в российских вузах. Результаты экспертного опроса позволили понять значимость отдельных факторов при выборе места учебы за рубежом.

Результаты

ЮВА является регионом со значительным демографическим потенциалом. Население региона является сравнительно молодым, доля населения в возрасте до 24 лет превышает среднемировой уровень (41,6 % против 40,9 %). Несмотря на тенденцию к старению населения, доля молодого населения в возрасте до 24 лет останется высокой на горизонте до 2050 г., и будет заметно превышать показатели развитых стран: 31,9 % к 2050 г. 25,3 % для группы развитых стран [11].

Следует сделать комментарий относительно выбранной в данной работе возрастной ко-

горты населения. С учетом специфики исследуемой области – потенциала образовательной миграции – авторами уделяется наибольшее внимание когорте населения в возрасте от 15 до 24 лет. Население в этом возрасте (старшеклассники, близкие к окончанию школьного образования, и студенты бакалавриата и магистратуры) наиболее активно ищет возможности образования за рубежом – они молоды, мобильны, реже имеют собственные семьи (что является сдерживающим фактором при образовательной миграции, поскольку академические визы далеко не во всех странах позволяют получать дополнительные визы для членов семьи), т.е. может считаться целевой аудиторией продвижения российского образования за рубежом. Несмотря на то, что средний возраст образовательного мигранта может быть выше, процесс поиска вариантов получения образования за рубежом начинается раньше (от решения рассмотреть такую возможность до непосредственного переезда может пройти несколько лет), следовательно целесообразно ориентироваться на возраст, начиная со старшего школьного. В свою очередь, иностранные студенты старше 24 лет (аспирантура, второе высшее образование, магистерские программы) безусловно занимают важное место в международной образовательной миграции, однако с точки зрения чисто демографической статистики, сдвиг анализируемой когорты до 30 лет или выше может заметно исказить картину.

Таким образом, была выбрана возрастная когорта от 15 до 24 лет для анализа эффективности политики по продвижению российского образования за рубежом. При этом для долгосрочных прогнозов авторы дополнительно рассматривают детей младше 15 лет, которые в перспективе также будут предъявлять спрос на образовательные услуги. Вследствие этого, при оценке демографического потенциала приводятся данные о численности и доле детей и молодежи в целом (возраст от 0 до 24 лет), что позволяет учитывать как нынешних потенциальных образовательных мигрантов, так и те возрастные когорты, которые вступят в возраст получения высшего образования в обозримой перспективе.

В настоящее время, продвигая свои образовательные услуги в регионе, Россия предо-

ставляет гражданам страна ЮВА определенное количество стипендий для получения высшего образования в российских университетах за счет бюджета. Эта система квотирует число стипендий для каждой страны, опираясь на уровень двусторонних отношений, потребность совместных предприятий в специалистах определенного профиля, число заявок от абитуриентов из этих стран. Россия последовательно увеличивает число государственных стипендий – до 2020 г. таким образом распределялось 15 тыс. квот ежегодно, в 2021 г. – 18 тыс., в 2022 г. планируется пригласить 23 тыс. иностранных студентов, с 2023 г. – по 30 тыс. ежегодно.

В таблице ниже рассматривается сочетание демографического потенциала стран ЮВА и число выделенных в 2021 г. Россией стипендий для студентов из данного региона. В таблице учитываются только квоты, распределяемые Россотрудничеством. Следует понимать, что система предоставления стипендий включает в себя также прямые контракты российских университетов со странами региона и их вузами. Как правило, они строятся на основе двусторонних соглашений о студенческом обмене, или по принципу дополнительных бюджетных мест: при заключении договора об обучении определенного числа студентов из страны (например, за счет бюджетных средств данного государства) крупные университеты из Российской Федерации оплачивают из соб-

ственных средств такое же число бюджетных мест, которые государственные власти страны-партнера распределяют среди своих граждан. Однако такая форма взаимодействия характерна только для стран, уровень сотрудничества с которыми в области образования достаточно высок. Кроме того, сбор сведений о подобных контрактах, как правило, затруднен. Совокупность этих факторов приводит к тому, что для первичного анализа эффективности российской стипендиальной политики возможно пользоваться только сведениями о квотах, распределяемых на государственном уровне через Россотрудничество.

Крупнейшими по численности населения (включая молодежь) странами региона являются Индонезия, Филиппины, Вьетнам и Таиланд, однако число выделяемых стипендий указывает на то, что фокус российской политики продвижения образования несколько смещен – Вьетнам, имеющий многолетнюю историю сотрудничества с СССР и Россией, в 2021 г. получил более 70 % всех квот, выделенных на страны ЮВА. Относительно активно Россия действует в Индонезии (161 квота), где к тому же наблюдается высокий интерес к образованию в России со стороны местного населения (602 заявки), Лаосе (93 квоты) и Таиланде (50 квот). В последнем столбце таблицы представлены относительные показатели – число квот на 1 млн. их потенциальных потребителей – молодежи в возрасте от 15 до 24 лет. Если не рассматривать

Таблица 1 – Сведения о численности населения стран ЮВА и выделяемых Россией квотах на обучение (2021 г.)⁴
Table 1 – Information on the population of Southeast Asian countries and Russian quotas for education (2021)

| Страна | Население, млн. чел. | Население 15-24 лет, тыс. чел. | Квот на обучение в РФ | Заявок на получение квоты | Квот на 1 млн. чел. в возрасте 15-24 лет |
|--------------------|----------------------|--------------------------------|-----------------------|---------------------------|--|
| Бруней | 0,5 | 68 | 2 | 3 | 29,4 |
| Камбоджа | 15,7 | 2970 | 16 | 7 | 5,4 |
| Индонезия | 275,1 | 46132 | 161 | 602 | 3,5 |
| Лаос | 7,5 | 1401 | 93 | 47 | 66,4 |
| Малайзия | 32,8 | 5473 | 30 | 19 | 5,5 |
| Мьянма | 55,5 | 9863 | 8 | 14 | 0,8 |
| Филиппины | 110,2 | 20708 | 6 | 14 | 0,3 |
| Сингапур | 5,7 | 636 | 0 | 0 | 0,0 |
| Таиланд | 66,7 | 9052 | 50 | 64 | 5,5 |
| Восточный Тимор | 1,3 | 287 | 1 | 0 | 3,5 |
| Вьетнам | 100,2 | 13134 | 1000 | 1204 | 76,1 |
| Юго-Восточная Азия | 671 | 109724 | 1367 | 1974 | 12,5 |

⁴Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>; Россотрудничество. URL: <https://education-in-russia.com/education-in-russia/monitoring>; данные росзагранучреждений.

Бруней (численность населения и квот слишком невелика), то средний уровень по региону превышает лишь показатель Вьетнама (76,1 квота на 1 млн. молодежи) и Лаоса (66,4).

Обращает на себя внимание тот факт, что в четырех странах ЮВА число желающих получить стипендию в российском вузе оказалось меньше числа выделенных квот, причем в перечень этих стран входит и Лаос, где выделяется сравнительно большое число стипендий в расчете на численность населения. Это позволяет предположить, что стипендиальная политика не сопровождается необходимым информа-

ционным освещением, либо студенческий обмен России с этими странами в целом незначителен. Рассмотрим данные относительно численности студентов из стран ЮВА, обучающихся в России. В таблице ниже представлены сведения за 2014–2018 г. (более поздние сводные данные пока не опубликованы, а показатели 2020–2021 гг. в целом сложно анализировать из-за влияния пандемии COVID-19, заметно изменивший планы молодежи по получению образования за рубежом).

Среди стран ЮВА наибольшее число студентов в Россию приезжает из Вьетнама, Ма-

Таблица 2 – Сводные данные о численности населения стран ЮВА и учащихся из данных стран в России [1]

Table 2 – Summary data on the population of Southeast Asian countries and the students from them in Russia [1]

| Страна | 2005 | 2010 | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 | |
|--------------------|--------|--------|--------|--------|--------|--------|--------|-------------------------------|
| Бруней | 7 | 0 | 0 | 0 | 0 | 0 | 0 | Студентов в РФ |
| | 0,37 | 0,39 | 0,41 | 0,41 | 0,42 | 0,42 | 0,43 | Население |
| | 18,9 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Камбоджа | 81 | 68 | 89 | 80 | 79 | 64 | 52 | Студентов в РФ |
| | 13,27 | 14,31 | 15,27 | 15,52 | 15,77 | 16,01 | 16,25 | Население |
| | 6,1 | 4,8 | 5,8 | 5,2 | 5,0 | 4,0 | 3,2 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Индонезия | 132 | 122 | 173 | 265 | 360 | 573 | 534 | Студентов в РФ |
| | 226,29 | 241,83 | 255,13 | 258,38 | 261,56 | 264,65 | 267,67 | Население |
| | 0,6 | 0,5 | 0,7 | 1,0 | 1,4 | 2,2 | 2,0 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Лаос | 11 | 25 | 28 | 44 | 68 | 141 | 178 | Студентов в РФ |
| | 5,75 | 6,25 | 6,64 | 6,74 | 6,85 | 6,95 | 7,06 | Население |
| | 1,9 | 4,0 | 4,2 | 6,5 | 9,9 | 20,3 | 25,2 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Малайзия | 1803 | 2872 | 2821 | 2465 | 2389 | 2049 | 1717 | Студентов в РФ |
| | 25,69 | 28,21 | 29,87 | 30,27 | 30,68 | 31,10 | 31,53 | Население |
| | 70,2 | 101,8 | 94,4 | 81,4 | 77,9 | 65,9 | 54,5 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Мьянма | 1337 | 2774 | 1093 | 962 | 730 | 784 | 676 | Студентов в РФ |
| | 48,95 | 50,60 | 52,28 | 52,68 | 53,05 | 53,38 | 53,71 | Население |
| | 27,3 | 54,8 | 20,9 | 18,3 | 13,8 | 14,7 | 12,6 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Филиппины | 4 | 10 | 13 | 26 | 35 | 39 | 47 | Студентов в РФ |
| | 86,33 | 93,97 | 100,51 | 102,11 | 103,66 | 105,17 | 106,65 | Население |
| | 0,0 | 0,1 | 0,1 | 0,3 | 0,3 | 0,4 | 0,4 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Сингапур | 9 | 12 | 13 | 14 | 30 | 59 | 39 | Студентов в РФ |
| | 4,27 | 5,08 | 5,47 | 5,54 | 5,61 | 5,61 | 5,64 | Население |
| | 2,1 | 2,4 | 2,4 | 2,5 | 5,3 | 10,5 | 6,9 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Таиланд | 89 | 172 | 242 | 240 | 266 | 302 | 304 | Студентов в РФ |
| | 65,42 | 67,20 | 68,44 | 68,71 | 68,97 | 69,21 | 69,43 | Население |
| | 1,4 | 2,6 | 3,5 | 3,5 | 3,9 | 4,4 | 4,4 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Восточный Тимор | 0 | 0 | 0 | 0 | 0 | 0 | 1 | Студентов в РФ |
| | 1,00 | 1,09 | 1,17 | 1,20 | 1,22 | 1,24 | 1,27 | Население |
| | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,0 | 0,8 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Вьетнам | 4917 | 3311 | 4331 | 4676 | 4548 | 4866 | 4758 | Студентов в РФ |
| | 83,83 | 87,97 | 91,71 | 92,68 | 93,64 | 94,60 | 95,55 | Население |
| | 58,7 | 37,6 | 47,2 | 50,5 | 48,6 | 51,4 | 49,8 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |
| Юго-Восточная Азия | 8390 | 9366 | 8803 | 8772 | 8505 | 8877 | 8306 | Студентов в РФ |
| | 561,16 | 596,89 | 626,91 | 634,25 | 641,42 | 648,36 | 655,18 | Население |
| | 15,0 | 15,7 | 14,0 | 13,8 | 13,3 | 13,7 | 12,7 | Студентов в РФ на 1 млн. чел. |

лайзии, Мьянмы и Индонезии. Относительная численность (взвешенная по численности населения стран) студентов в России выше средней по региону в уже упомянутом Вьетнаме, где это обусловлено многолетним опытом сотрудничества, большим количеством граждан, учившихся ранее в СССР, которые транслируют идеи получения высшего образования в России новым поколениям и в Малайзии. При этом число студентов из Малайзии в 2014–2018 гг. сократилось почти на 40 % при росте численности населения страны в целом и относительно стабильной численности молодежи за этот период. В сочетании с данными о государственных стипендиях (30 квот в 2021 г. на которые поступило лишь 19 заявок) можно сделать вывод о том, что поток малайзийских образовательных мигрантов не связан с политикой России и формировался в силу иных обстоятельств. Одновременно можно сделать вывод о том, что квотирование осуществляется хаотично, с минимальным учетом демографического потенциала стран ЮВА, их потребностей, готовности к получению образования за рубежом в целом и в России в частности. Иными словами, использование стипендиальной политики без применения других инструментов (информационная политика, визовая политика, адаптационные программы) не позволяет в полной мере рассчитывать на успешное привлечение студентов из-за рубежа.

Для оценки потенциала стран ЮВА к образовательной миграции, а также выявления ключевых факторов, влияющих на принятие решения об учебе за рубежом, авторами был проведен опрос вьетнамской молодежи. Опрос

проходил с 21 ноября 2021 г. по 21 февраля 2022 г. в онлайн-формате. Респондентам предлагалось заполнить анкету с закрытыми вопросами о наличии у них опыта учебы за рубежом и (в зависимости от его наличия) о важных для них аспектах, связанных с получением образования в других странах либо о факторах, на которые обращают внимание потенциальные образовательные мигранты при принятии решения об отъезде для учебы за границу. Анкета распространялась среди учащихся вьетнамских вузов, всего в опросе приняли участие 502 человека в возрасте от 18 до 46 лет. Из анализа были исключены анкеты, заполненные с ошибками, а также ответы респондентов старше 30 лет, не имеющих опыта учебы за рубежом. Последнее было сделано исходя из изначально заявленного предположения, что целевой аудиторией экспорта российского образования является молодежь, рассматривающая возможность обучения в бакалавриате, магистратуре или аспирантуре. В результате в выборку попало 488 анкет граждан Вьетнама в возрасте от 18 до 30 лет.

Возраст респондентов распределился следующим образом: подавляющее большинство опрошенных менее 23 лет, причем 18-19-летние составляют более половины (32 % и 21 % соответственно, рис. 1). Около 97 % респондентов учатся в университете или закончили один из этапов высшего образования. 72 % продолжают учебу, 23 % - совмещают работу и учебу, 5 % работают и не учатся в настоящее время (рис. 2). 461 респондент (94,5 %) не имели опыта учебы за рубежом, только 27 опрошенных учились в той или иной форме (шко-

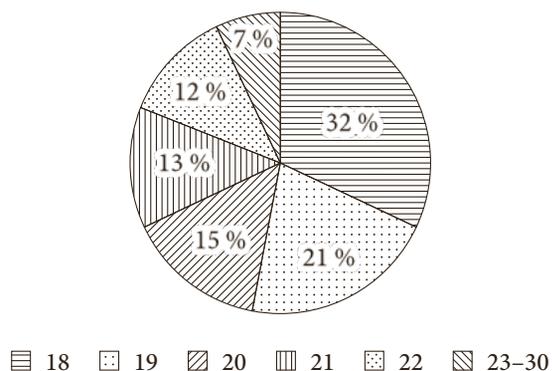


Рисунок 1 – Возраст респондентов
Figure 1 – Age of respondents

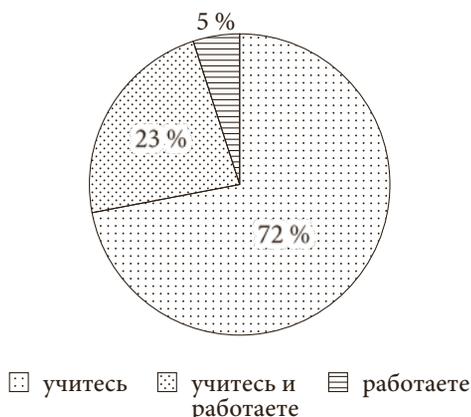


Рисунок 2 – Текущий статус респондентов
Figure 2 – Current status of respondents

ла, языковые курсы, стажировки, высшее образование и т.д.) за пределами родной страны.

Опрос продемонстрировал высокую миграционную мобильность (склонность) вьетнамской молодежи в части образовательной миграции. 30 % респондентов выражают желание учиться за рубежом, еще 28 % рассматривают возможность учебы как на родине, так и в других странах.

Только 37 % студентов (178 человек) не готовы выезжать для учебы за пределы Вьетнама. Им был задан вопрос об основных сдерживающих факторах (можно было дать более 1 ответа). Наиболее популярными ответами стали: комфорт жизни в привычной среде, рядом с родными и близкими (72,9 %); плохое знание иностранных языков (29,3 %); финансовый аспект (27,6 %); большая востребованность дипломов национального образца (20,4 %). Только 4,4 % респондентов указали на наличие у них или у их родственников и (или) знакомых негативного опыта, связанного с учебой за границей.

Несмотря на то, что с большим отрывом в качестве мотивов выбора национального образования лидирует бытовая и психологический комфорт, ответы на вопрос о готовности рассмотреть варианты учебы за рубежом при определенных обстоятельствах указывают, что это не совсем так. 55,5 % респондентов указали, что изменить решение может помочь получение стипендии на бесплатное образование или иных форм финансовой поддержки. На решение 30,1 % и 29,5 % соответственно

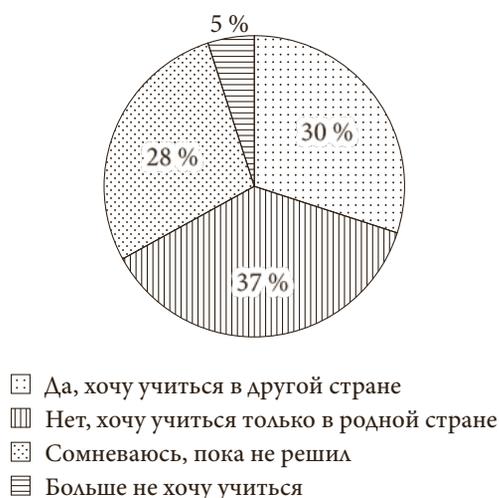


Рисунок 3 – Желание учиться за рубежом
 Figure 3 – Desire to study abroad

может повлиять получение гарантии трудоустройства за рубежом и на родине соответственно. 17,9 % не готовы покинуть страну, но рассмотрели бы возможность получения иностранного диплома дистанционно; 15,6 % жалуются на недостаток информации об учебе за рубежом; 11 % хотели бы пройти короткую учебную программу (3–6 месяцев). Лишь единицы из прошедших опрос в той или иной форме отвечали, что не готовы уехать из страны ни при каких обстоятельствах.

Согласно дизайну исследования, 279 опрошенных, ответивших, что точно хотят учиться за рубежом или рассматривают такую возможность, в следующем блоке отвечали на вопросы о своих предпочтениях при выборе места обучения. В качестве места учебы наибольшее число респондентов выбирали (можно было отметить больше одного варианта) Великобританию (30,1 %), Японию (27,2 %), США (24,7 %), Австралию (23,7 %), Францию (19,7 %), Китай (19 %), Канаду (16,8 %), Германию (15,4 %), Россию (10,4 %) и Южную Корею (6,4 %). Заметны две основные тенденции – большинство ориентируется либо на страны – мировые лидеры в области образования, либо на географически близкие Вьетнаму крупные государства с сильной экономикой.

При этом установлено, что около половины студентов при предварительном решении выбирают только страну, где хотели бы учиться, и лишь затем думают о конкретном вузе (рис. 4). Другая половина напротив, изначально строит выбор, опираясь на конкретный вуз или учебный план. Только 33 % опрошенных целенаправленно ищут информацию о стране или университете, где хотели бы учиться. 39,9 % полу-

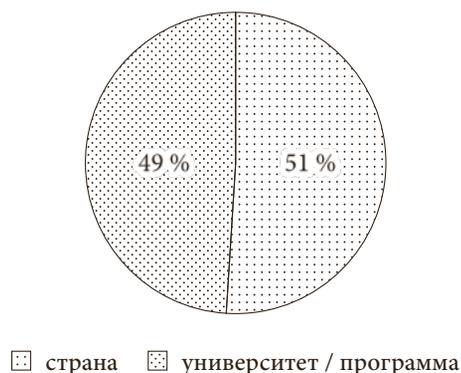


Рисунок 4 – Ориентир при выборе учебы за рубежом
 Figure 4 – Guideline when choosing to study abroad

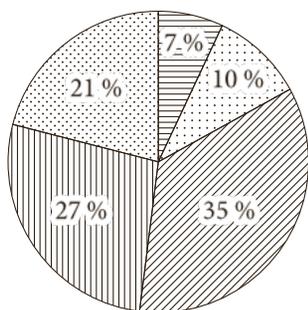
чают сведения от друзей или родственников, которые жили в выбранной стране, или живут там на момент опроса. 31,2 % черпают свои знания из рекламы вузов в интернете (19 %) или иных источниках (12,2 %). Одним из важных каналов информации является учебное заведение, где учится респондент – 31,5 % опрошенных получали информацию об учебе за рубежом в своих вузах. Свои знания о странах, где они хотели бы учиться, респонденты в целом оценивают умеренно положительно – 35 % на «3» по пятибалльной шкале, 27 % на «4», 21 % на «5» (рис. 5). С информацией о вузах или академических программах за рубежом картина практически повторяется – чуть больше респондентов ответили «1» и «2» (22 % суммарно против 17 % при оценке знаний о странах), но большинство считают, что владеют информацией (лидируют ответы «3» и «4», рис. 6).

Более двух третей опрошенных (68,8 %) планируют вернуться после учебы за рубежом в родную страну. Лишь четверть (25,1 %) изначально рассматривают образование в качестве канала эмиграции в выбранную страну, еще 6,1 % утверждают, что хотели бы после учебы за рубежом переехать в третью страну. По всей видимости, речь идет о выборе в пользу более бюджетного образования или географически близкой страны, диплом которой востребован в наиболее привлекательных для вьетнамцев странах. Забегая вперед, стоит отметить, что в ответах респондентов, уже имеющих опыт учебы за рубежом, доля желающих вернуться на родину полностью совпала (68,8 %), однако из остальных большая часть

(18,8 % от всех ответов) хотели бы переехать в третью страну и только 12,4 % хотели бы остаться в стране, где они учились. Это может быть связано с тем, что во многих странах для выпускников-иностранцев затруднено трудоустройство – несмотря на их явную адаптированность к местной культуре и обществу, они все еще воспринимаются как чужие. Кроме того, необходимость поиска жилья (после предоставления места в студенческом кампусе) и отсутствие программ интеграции иностранных выпускников на рынок труда создают негативный опыт.

Несмотря на это, вьетнамцы, имевшие опыт учебы за рубежом, советуют своим соотечественникам выезжать на учебу в другие страны – 37,5 % рекомендуют страны, где они учились сами, 50 % советуют поискать другую страну, но только 12,5 % рекомендуют оставаться учиться во Вьетнаме.

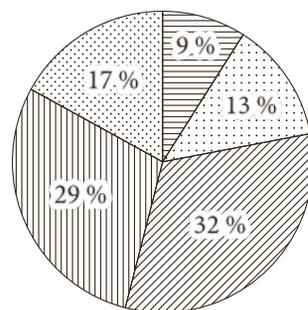
В ходе разработки анкеты были проанализированы полученные в ходе предыдущих исследований данные, на основе которых был составлен блок вопросов, призванных оценить, насколько тот или иной фактор, важный для студентов при выборе обучения за рубежом, развит лучше или хуже на родине или в выбранной стране. Вариантов ответа предлагалось пять: «намного лучше в моей стране», «лучше в моей стране», «примерно одинаково», «лучше в стране, где я хочу учиться», «намного лучше в стране, где я хочу учиться». Оценивались следующие факторы: доступность и качество жилья, медицинских услуг, государственных услуг, товаров, досуга, психологический



1 2 3 4 5

Рисунок 5 – Оценка своих знаний о стране, где хотел бы учиться

Figure 5 – Evaluation of the knowledge about the country where someone would like to study



1 2 3 4 5

Рисунок 6 – Оценка своих знаний о вузе, где хотел бы учиться

Figure 6 – Evaluation of the knowledge about the university where someone would like to study

комфорт проживания, климатические условия, доступность и качество образования, востребованность выпускников. Гипотеза заключалась в том, что заметная разница «в пользу» иностранного государства, подтверждает значимость фактора при принятии решения об учебе за рубежом.

Из таблицы видно, что вытесняющими факторами для образовательной миграции из Вьетнама являются доступность и качество жилья, медицинских и государственных услуг, досуга, качество образования, продовольственных и непродовольственных товаров, а также востребованность выпускников. Доступность товаров является нейтральным фактором, а сдерживающими факторами – привычные климатические условия, психологический комфорт и финансовая доступность образования. Обращает на себя внимание огромная разница в оценке качества образования (в пользу учебы за рубежом) и востребованности выпускников. В сочетании с экспертными оценками это указывает на то, что эти два направления являются ключевыми

Для оценки сдерживающих факторов респондентам был задан вопрос о потенциальных проблемах, с которыми они могут столкнуться при учебе за рубежом (можно было выбрать несколько вариантов ответа). Языковые проблемы в учебе (65,6 %) и в быту (44,1 %)

стали наиболее очевидной сложностью наряду с различиями в менталитете и культуре (59,1 %). Другие варианты – непривычный климат, сложности поступления в иностранный вуз, непривычные продукты питания и сложности социализации набрали от 32,3 % до 21,1 % в порядке убывания.

В результате 21,9 % респондентов считают, что они, скорее всего, останутся учиться во Вьетнаме и лишь 5 % уверены, что поедут учиться за границу. 35,8 % ответили, что поехали бы учиться, но им мешают финансовые сложности, а 37,3 % - что поехали бы, но им мешают другие, нефинансовые сложности.

Дискуссия

В ходе социологического опроса не задавались уточняющие вопросы, позволяющие оценить приоритет того или иного фактора. Это было связано с необходимостью получения массива ответов от большого числа молодых вьетнамцев. На следующем этапе исследования планируется проведение серии глубинных интервью с экспертами в области образования и международного сотрудничества из региона, с гражданами стран ЮВА, имеющими опыт учебы за рубежом. Одной из задач этого этапа станет создание системы коэффициентов, весов для указанных факторов. Очевидно, что значимость такого фактора, как востребо-

Таблица 3 – Оценка факторов, влияющих на принятие решения о выборе образования за рубежом (по результатам собственного исследования авторов – опроса 488 респондентов)

Table 3 – Assessment of factors influencing the decision to choose education abroad (based on the results of the authors' own research – a survey of 488 respondents)

| Показатель | Намного лучше в моей стране | Лучше в моей стране | Примерно одинаково | Лучше за рубежом | Намного лучше за рубежом |
|------------------------------------|-----------------------------|---------------------|--------------------|------------------|--------------------------|
| Доступность жилья | 8,6% | 14,3% | 37,6% | 32,3% | 7,2% |
| Качество жилья | 9,0% | 10,4% | 39,4% | 31,9% | 9,3% |
| Доступность медицинских услуг | 13,3% | 12,5% | 27,6% | 38,0% | 8,6% |
| Качество медицинских услуг | 10,7% | 9,0% | 29,4% | 40,5% | 10,4% |
| Доступность государственных услуг | 7,2% | 10,4% | 28,7% | 39,4% | 14,3% |
| Качество государственных услуг | 7,5% | 9,0% | 30,8% | 40,5% | 12,2% |
| Доступность товаров | 10,8% | 17,9% | 35,5% | 26,5% | 9,3% |
| Качество товаров | 12,2% | 12,2% | 34,4% | 29,4% | 11,8% |
| Доступность досуга | 6,1% | 7,5% | 39,1% | 34,4% | 12,9% |
| Качество досуга | 4,7% | 6,1% | 36,2% | 38,3% | 14,7% |
| Психологический комфорт | 19,0% | 24,7% | 27,3% | 18,6% | 10,4% |
| Климатические условия | 17,2% | 34,0% | 28,0% | 15,4% | 5,4% |
| Качество образования | 5,7% | 5,0% | 26,5% | 47,7% | 15,1% |
| Финансовая доступность образования | 17,6% | 25,4% | 28,0% | 24,0% | 5,0% |
| Востребованность выпускников | 6,1% | 11,8% | 36,5% | 34,1% | 11,5% |

ванность выпускников или качество образования, будет выше, чем доступность и качество досуга, однако степень этого различия предстоит установить. Кроме того, указанные факторы можно разделить на рациональные и эмоциональные. Авторам представляется верной гипотеза, что рациональные факторы играют заметную роль при выборе между учебой на родине и за рубежом, а уже на этапе выбора страны и вуза значительную роль могут играть эмоциональные факторы, такие как качество досуга. Этот аспект также будет исследован на этапе глубинных интервью.

К факторам, влияющим на выбор между национальным и зарубежным образованием, относят качество образования и его стоимость, размер сопутствующих расходов (проживание, базовые услуги), языковой фактор, географическую близость, связи и схожесть стран (культурную, этническую, религиозную общность), иммиграционную политику принимающей страны, перспективы выпускников на рынках труда [22]. Возможность влиять на эти факторы и, тем самым, осуществлять управление образовательной миграцией, сосредоточена в 5 крупных блоках инструментов.

1. Прямое стимулирование путем предоставления стипендий или учебных кредитов, т.е. воздействие на экономический, один из определяющих факторов.

2. Визовая политика, направленная на установление или снятие барьеров перед образовательными мигрантами. Главным элементом такой политики может считаться разрешение на осуществление трудовой деятельности в период учебы, поскольку необходимость покрывать как минимум расходы на проживание в другой стране ограничивает мобильность молодежи.

3. Интеграционные, культурные, языковые и иные программы, направленные на облегчение адаптации мигрантов.

4. Развитие образовательной системы, повышение качества преподавания в вузах, их связи с рынком труда. Этот пункт можно рассматривать и в широком смысле – инвестиции в образование, реформы университетов; и в узком – непосредственное развитие международного сотрудничества вузов, их интернационализация, вовлечение в глобальную образовательную и научную системы.

5. Рекламные и информационные инструменты, направленные как на повышение имиджа страны приема мигрантов, так и на предоставление информации о доступных для иностранного студента вузах, учебных программах и т.д. [23].

Продвигая свои образовательные услуги за рубежом, Россия наиболее активно использует первый инструмент, предоставляя гражданам различных стран мира определенное количество стипендий для получения образования в России за счет бюджета.

Заключение и рекомендации

В ходе исследования было показано, что Юго-Восточная Азия обладает огромным демографическим потенциалом, причем заметная доля молодежи в населении региона, превышающая сегодняшние показатели развитых стран, будет сохраняться до 2050 г. и далее. Этот регион страдает от низкого качества образования, что подтверждают результаты опроса, проведенного во Вьетнаме авторами.

Следует отметить, что Вьетнам является одной из немногих стран в регионе, где ситуация с доступом к высшему образованию остается нормальной за счет социальной политики и сравнительно развитой экономики страны. Тем не менее, около 2/3 молодежи рассматривают для себя возможность обучения за рубежом. Среди приоритетных направлений образовательной миграции для вьетнамской молодежи – лидеры мирового рынка высшего образования, а также ведущие страны азиатского региона – Китай, Южная Корея, Япония. 10 % респондентов ответили, что хотели бы учиться в России, но эту цифру вряд ли можно экстраполировать на всю ЮВА – Вьетнам связывает с Россией тесный опыт как экономического, так и образовательного сотрудничества, подтвержденный числом стипендий, выделяемых РФ республике, поэтому показатель в 10 % для других стран региона – это скорее ориентир, к которому следует стремиться, выстраивая свою политику.

Ключевыми выталкивающими факторами респонденты назвали являются качество образования, доступность и качество досуга, медицинских и государственных услуг, жилья, продовольственных и непродовольственных

товаров, а также востребованность выпускников. В ходе данного опроса не задавались уточняющие вопросы, позволяющие оценить приоритет того или иного фактора (см. раздел «Дискуссия»), однако огромная разница в оценке качества национального и иностранного образования, а также востребованности выпускников, в сочетании с ответами респондентов, изначально ответивших, что не хотят уезжать из страны для учебы (60 % рассматривают возможность передумать при получении гарантии трудоустройства на родине или за рубежом), позволяют говорить о том, что одним из инструментов продвижения российского образования в регионе должны стать программы развития карьеры выпускников.

Это направление деятельности логично разделить на две части – институциональную и экономическую. Первая должна быть направлена на облегчение трудоустройства иностранных выпускников российских вузов внутри РФ. Первый шаг к этому был сделан в 2020 г., когда иностранным студентам российских вузов разрешили осуществлять трудовую деятельность не меняя тип визы, однако после получения диплома выпускник оказывается в сложном положении, не имея никаких льгот по сравнению с другими иностранцами, только что прибывшими в нашу страну. Если прямые гарантии трудоустройства после вуза – довольно спорный вопрос в условиях рыночной экономики, то получение визовых преференций или полного доступа на рынок труда нашей страны для выпускников очной формы обучения выглядит разумным решением (разумеется, при выполнении условий по отсутствию серьезных нарушений закона, эпидемиологически опасных хронических заболеваний и т.д.).

Второе направление должно быть ориентировано на создание в регионах, подобных ЮВА, «русскоязычного» сегмента экономики – совместных предприятий, предъявляющих в т.ч. спрос на квалифицированную рабочую силу, прошедшую подготовку по российским образовательным программам, владеющую местным и русским языком, заинтересованную в долгосрочной трудовой деятельности внутри подобных «экономических мостов». Подобные шаги позволят увеличить склонность к обра-

зовательной миграции у населения, изначально опасавшегося уезжать учиться за границу.

В ходе исследования было отмечено, что у факторов «психологический комфорт» и «финансовая доступность образования» наблюдаются заметные отклонения в оценке в пользу родной страны, но только при сравнении полярных ответов («намного лучше в моей стране» и «намного лучше в стране, где я хочу учиться»), а разница между умеренными ответами («лучше в моей стране» и «лучше в стране, где я хочу учиться») невелика или практически отсутствует. Это позволяет сделать вывод о том, что данные факторы являются важными только для определенных групп вьетнамской молодежи. Иными словами, существует заметное число людей, для которых финансовая доступность учебы во Вьетнаме является чрезвычайно важным, однако для других, более обеспеченных социальных слоев, этот фактор уступает свою значимость другим. В этом случае для привлечения иностранных студентов из региона могут помочь программы, реализуемые некоторыми вузами России на основании прямых договоренностей с другими странами. В их основе лежат соглашения о получении странами «бонусных» бюджетных мест при направлении на учебу определенного числа студентов на контрактных условиях. Таким образом страны ЮВА могут, например, направлять студентов по государственным программам подготовки кадров нужной специализации за свой счет, получая дополнительные места, оплаченные из средств российских вузов, и распределяемые между талантливыми абитуриентами, не имеющими экономической возможности оплачивать учебу за рубежом.

Аналогично и с психологическим комфортом – часть молодежи не готова практически ни при каких обстоятельствах покидать привычную им среду, однако заметное число респондентов не уделило этому фактору такого внимания, что свидетельствует о наличии больших групп населения, интегрированных в глобальное общество, готовых свободно перемещаться между странами, в т.ч. и для учебы.

Еще одним выводом, сделанным по результатам опроса, стала заметная разница в оценках доступности и качества досуга и государственных услуг не в пользу Вьетнама. Первый

аспект связан, по всей видимости, с образом своей страны как мировой «периферии». Местное население воспринимает страны, где они хотели бы учиться, как более интересные с точки зрения культуры и развлечений, возможности не только получить образование, но и комфортно и интересно провести несколько лет своей жизни. Этот момент необходимо учитывать при продвижении отечественного образования за рубежом. Реклама учебы в России должна включать не только сведения о вузах, но и демонстрировать современный образ жизни российских городов, богатство культуры нашей страны, наличие комфортных условий для жизни. Хорошим примером подобного продвижения за пределами стран, входящих в пятерку лидеров рынка экспорта образования, является аргентинская программа «Study Buenos Aires».

Второй аспект (оценка качества госуслуг) указывает на негативное отношение вьетнамцев к бюрократическим сложностям внутри страны. Соответственно, наличие отдельных трудных для понимания иностранцем процедур при поступлении в российский вуз также может отрицательно сказаться на его желании учиться в РФ. Необходимо облегчать процедуры оформления документов, изменять порядок предоставления квот (Россотрудничество уже заявило о том, что готово перейти от системы оплаты стоимости учебы к некой «грантовой» системе, когда получатель стипендии может за счет государства оплатить жилье, перелет, медицинскую страховку и т.д.), оказывать организационное содействие на этапе прохождения конкурса в вузы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арефьев А.А. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации : Статистический сборник. Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований, 2019. 208 с.
2. Арефьев А.А. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации : Статистический сборник. Выпуск 17 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 180 с.
3. Пряжникова О.Н. Тенденции развития высшего образования в странах Восточной и Юго-Восточной Азии // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2 (38). С. 133–155. DOI: 10.31249/espr/2018.02.06.
4. Альтбах Ф.Дж. Многообразие форм послешкольного образования в Юго-Восточной Азии // Международное высшее образование. 2017. № 88. С. 23–26.
5. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте российской политики привлечения образовательных мигрантов // Вьетнамские исследования. Вып. 7. Опыт обновления во Вьетнаме: современность и история. М. : ИДВ РАН, 2017. С. 204–211.
6. Kell P., Vogl G. (2012). International Students in the Asia Pacific : Mobility, Risks and Global Optimism. Springer Science & Business Media.
7. Sidhu R., Cheng Y.E., Collins F., Ho K.C., Yeoh B. (2021). International student mobilities in a contagion: (Im)mobilising higher education? *Geographical Research*, no. 59, pp. 313–323. DOI: 10.1111/1745-5871.12471.
8. Maneejuk P, Yamaka W. (2021). The Impact of Higher Education on Economic Growth in ASEAN-5 Countries, *Sustainability*, vol. 13, no. 2, pp. 520. DOI: 10.3390/su13020520.
9. Rhoads R.A. (1998). In the service of citizenship: a study of student involvement in community service, *The Journal of Higher Education*, vol. 69, no. 3, pp. 277–297.
10. Choudaha R. (2017). Three waves of international student mobility (1999–2020), *Studies in Higher Education*, vol. 42, no. 5, pp. 825–832. DOI: 10.1080/03075079.2017.1293872.
11. Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г. Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 23–30. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30.
12. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorogatova V.I., Bezverbny V.A. (2019). International

academic mobility in russia: Trends, types, state stimulation, *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 420–435. DOI: 10.17059/2019-2-9.

13. Скоробогатова В.И. Правовое регулировании трудоустройства иностранных студентов и выпускников: зарубежный и российский опыт // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 246–255. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-246-255.

14. Суворова В.А., Бронников И.А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. Т. 7. № 4. С. 131–139. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139.

15. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Лукьянец А.С. Особенности образовательной миграции в контексте цифровизации // Информационное общество. 2021. № 3. С. 32–40.

16. Плетнева Ю.Э., Очирова Г.Н. Влияние пандемии COVID-19 на положение иностранных студентов в России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 146–154. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-13.

17. Антонова В.А., Сущенко А.Д., Попова Н.Г. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 31–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58.

18. Берестов А.В., Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В., Садчиков С.М. Проект «национальный исследовательский университет» – драйвер российского высшего образования // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 6. С. 22–34. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-22-34.

19. Grinenko A.V., Gegel L.A., Poleschuk I.A., Tutaeva D.R., Pronina E.V., Scukina T.V., Egorova E.V. (2019). A governing and political orienta-

tion in the field of education. *EurAsian Journal of BioSciences*, vol. 13, no. 1, pp. 149–154.

20. Сероштан М.В., Кетова Н.П. Современные российские университеты: позиционирование, тренды развития, возможности наращивания конкурентных преимуществ // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 27–40. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-27-40.

21. Тюменцева Е.В., Харламова Н.В., Годенко А.Е. Проблемы обучения иностранных студентов в условиях пандемии // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 158–167. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-158-167.

22. Рогова Т.М. Экспорт образовательных услуг российских вузов: барьеры и перспективы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Ростов-на-Дону, 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/eksport-obrazovatelnykh-uslug-rossiiskikh-vuzov-barery-i-perspektivy/read> (дата обращения: 23.02.2022).

23. Кузнецов Н.Г. Политика стран Латинской Америки и Карибского бассейна в области регулирования образовательной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 129–139. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.10.

24. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Ochirova G.N. (2021). Russian-speaking population in far-abroad countries, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 14, no. 5, pp. 81–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100.

25. Dinh-Thai D., Thien-Vu G., Van-Son H., Thanh-Huan N., Vinh-Khuong N. (2020). Projection in education: Conditions for the sustainable development of vietnamese education, *European Journal of Educational Research*, vol. 9, no. 1, pp. 179–185. DOI: 10.12973/eu-jer.9.1.179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Письменная Елена Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, 49); Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); nikitar@list.ru. ORCID: 0000-0002-0401-2071, ScopusID: 8731444800, ResearcherID: C-1344-2018.

Рязанцев Сергей Васильевич – член-корресподент РАН, доктор экономических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, 76); riazan@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5306-8875, ResearcherID: F-7205-2014.

Кузнецов Никита Григорьевич – Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); nick_smith@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 1133154, ORCID: 0000-0003-0186-0208.

До Хьонг Лан – кандидат экономических наук, доцент; Центр предпринимательства и социальных инноваций, Национальный экономический университет (10000, Вьетнам, Ханой, р-н Донг Да, ул. Гиай Фонг, 207); dhlan6576@yahoo.com. ORCID: 0000-0001-7586-0767.

RUSSIA IN THE EDUCATIONAL SERVICES MARKET OF SOUTHEAST ASIA: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

E.E. Pismennaya^{a,b}, S.V. Ryazantsev^{b,c}, N.G. Kuznetsov^b, Do Huong Lan^d

^a Financial University under the Government of the Russian Federation

^b Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

^c Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of Russia

^d National Economic University

ABSTRACT:

One of the directions of development of the Russian higher education system is the state policy on attracting educational migrants to our country, expanding academic mobility and integrating domestic universities into the global space. Given that the demographic potential of Russia's traditional source of migrants – the CIS countries – is limited, it is necessary to expand the presence of Russian education in the markets of dynamically developing countries with young populations.

In this paper, the region of Southeast Asia is analyzed as promising for the promotion of Russian education abroad. The aim of the work is to assess the feasibility of promoting Russian education directly to the Southeast Asian region in relation to the tasks of the Russian Federation to increase the number of foreign students in the country, as well as to identify the main factors influencing the process of choosing education abroad by young people from this region, studying the case of Vietnamese youth.

The study is based on a combination of statistical and qualitative analysis of demographic indicators, information about the scholarship policy of the Russian Federation in the region, and also includes data obtained as a result of a sociological survey and materials of in-depth interviews with specialists in the field of education.

The article shows that Southeast Asia will retain its significant demographic potential in the long term, certain points are noted that indicate the ineffectiveness of Russia's policy of providing quotas for education for the countries of the region, the key factors that influence the choice of education abroad are analyzed. We have identified a high degree of propensity for educational migration from the region, due to the low quality of higher education and the demand for graduates, an assessment of "second-order" factors, such as the availability and quality of leisure, public and medical services, etc. We have formulated recommendations for adjusting the policy of promoting domestic education in the region, including the creation of institutional conditions for the employment of foreign graduates of Russian universities, the formation of a sector of the economy in Southeast Asia associated with Russia, increasing the flexibility of scholarship policy, supporting the process of admission to universities for foreigners, as well as promoting the image of Russia as a country with modern comfortable living conditions, rich culture, wide opportunities for leisure.

FUNDING:

The research was supported by the RFBR and VASS in the framework of the scientific project № 20-511-92002 "RF strategy in the educational markets of Southeast Asia: assessing the socio-demographic potential and directions of public policy."

KEYWORDS: higher education, educational migration, state policy, Southeast Asia, Vietnam, Russian universities, the youth.

FOR CITATION: Pismennaya E.E., Ryazantsev S.V., Kuznetsov N.G., Do Huong Lan (2022). Russia in the educational services market of Southeast Asia: opportunities and prospects, *Management Issues*, no. 3, pp. 60–75.

REFERENCES

1. Arefiev A.L. (2019). Education of foreign citizens in educational organizations of higher education of the Russian Federation. Statistical collection. Issue 16. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Moscow: Center for sociological research. 208 p.
2. Arefiev A.L. (2020). Education of foreign citizens in educational organizations of higher education of the Russian Federation. Statistical collection. Issue 17. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Moscow: State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin. 180 p.
3. Pryazhnikova O.N. (2018). Trends in the development of higher education in the countries of East and Southeast Asia, *Economic and Social Problems of Russia*, no. 2 (38), pp. 133–155. DOI: 10.31249/espr/2018.02.06.
4. Altbach F.J. (2017). A variety of forms of after-school education in Southeast Asia, *International Higher Education*, no. 88, pp. 23–26.
5. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E. (2017). Migration plans for Vietnamese youth in the context of Russian policy to attract educational migrants, *Vietnamese research*, iss. 7. The experience of updating in Vietnam: modernity and history. Moscow: IDV RAS, pp. 204–211.
6. Kell P., Vogl G. (2012). *International Students in the Asia Pacific : Mobility, Risks and Global Optimism*. Springer Science & Business Media.
7. Sidhu R., Cheng Y.E., Collins F., Ho K.C., Yeoh B. (2021). International student mobilities in a contagion: (Im)mobilising higher education? *Geographical Research*, no. 59, pp. 313–323. DOI: 10.1111/1745-5871.12471.
8. Maneejuk P, Yamaka W. (2021). The Impact of Higher Education on Economic Growth in ASEAN-5 Countries, *Sustainability*, vol. 13, no. 2, pp. 520. DOI: 10.3390/su13020520.
9. Rhoads R.A. (1998). In the service of citizenship: a study of student involvement in community service, *The Journal of Higher Education*, vol. 69, no. 3, pp. 277–297.
10. Choudaha R. (2017). Three waves of international student mobility (1999–2020), *Studies in Higher Education*, vol. 42, no. 5, pp. 825–832. DOI: 10.1080/03075079.2017.1293872.
11. Ryazantsev S.V., Kuznetsov N.G. (2022). The demographic potential of the countries of Southeast Asia in the context of the educational policy of Russia, *Bulletin of the University of Saratov. New series. Series: Sociology. Political science*, vol. 22, iss. 1, pp. 23–30. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30.
12. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Bezverbny V.A. (2019). International academic mobility in Russia: Trends, types, state stimulation, *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 420–435. DOI: 10.17059/2019-2-9.
13. Skorobogatova V.I. (2021). Legal regulation of employment of foreign students and graduates: foreign and Russian experience, *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, no. 1 (138), pp. 246–255. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-246-255.
14. Suvorova V.A., Bronnikov I.A. (2019). International educational migration as a “soft force resource” in the era of globalization, *Management*, vol. 7, no. 4, pp. 131–139. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-4-131-139.
15. Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Lukanets A.S. (2021). Features of educational migration in the context of digitalization, *Information Society*, no. 3, pp. 32–40.
16. Pletneva Yu.E., Ochirova G.N. (2020). The influence of COVID-19 on the position of foreign students in Russia, *Scientific Review. Series 1. Economics and law*, no. 3, pp. 146–154. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-13.
17. Antonova V.L., Suschenko A.D., Popova N.G. (2020). The “soft force” of higher education as a factor in world leadership, *Education and science*, vol. 22, no. 1, pp. 31–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58.

18. Berestov A.V., Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminsky V.I., Kireev S.V., Sadchikov S.M. (2020). The “National Research University” project as the driver of Russian higher education, *Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 6, pp. 22–34. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-22-34.

19. Grinenko A.V., Gegel L.A., Poleschuk I.A., Tutaeva D.R., Pronina E.V., Scukina T.V., Egorova E.V. (2019). A governing and political orientation in the field of education. *EurAsian Journal of BioSciences*, vol. 13, no. 1, pp. 149–154.

20. Seroshtan M.V., Ketova N.P. (2020). Modern Russian universities: positioning, development trends, the possibility of increasing competitive advantages, *Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 2, pp. 27–40. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-27-40.

21. Tyumentseva E.V., Kharlamova N.V., Godenko A.E. (2021). Problems of teaching foreign students in the context of pandemia, *Higher Education in Russia*, vol. 30, no. 7, pp. 158–167. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-158-167.

22. Rogova T.M. (2013). Export of educational services of Russian universities: barriers and prospects. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-on-Don. URL: <https://www.dissercat.com/content/eksport-obrazovatelnykh-uslug-rossiiskikh-vuzov-barery-i-perspektivy/read> (accessed 23.02.2022).

23. Kuznetsov N.G. (2021). Politics of the countries of Latin America and the Caribbean in the field of regulation of educational migration, *DEMIS. Demographic research*, vol. 1, no. 4, pp. 129–139. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.10.

24. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Ochirova G.N. (2021). Russian-speaking population in far-abroad countries, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 14, no. 5, pp. 81–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100.

25. Dinh-Thai D., Thien-Vu G., Van-Son H., Thanh-Huan N., Vinh-Khuong N. (2020). Projection in education: Conditions for the sustainable development of vietnamese education, *European Journal of Educational Research*, vol. 9, no. 1, pp. 179–185. DOI: 10.12973/eu-jer.9.1.179.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena E. Pismennaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Av., Moscow, 125993, Russia); Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); nikitaR@list.ru. ORCID: 0000-0002-0401-2071, ScopusID: 8731444800, ResearcherID: C-1344-2018.

Sergey V. Ryazantsev – Corresponding Member of RAS, Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76, Vernadsky Av., Moscow, 119454, Russia); riazan@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5306-8875, ResearcherID: F-7205-2014.

Nikita G. Kuznetsov – Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); nick_smith@mail.ru. RSCI AuthorID: 1133154, ORCID: 0000-0003-0186-0208.

Do Huong Lan – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Center for Entrepreneurship and Social Innovation, National Economic University (207, Giai Phong St., Dong Da District, Hanoi, 10000, Vietnam); dhlan6576@yahoo.com. ORCID: 0000-0001-7586-0767.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНІЗАЦІИ

CORPORATE MANAGEMENT

THE GROWTH OF THE DIGITAL RETAIL SERVICES MARKET IN A DOWN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

N.V. Usova^a, M.P. Loginov^a, E.E. Nedorostkova^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Rapid developments of information technologies and transition to the digital national economy require consumers and business communities to reconsider their behavior patterns. In this case the past 2020 served as a digitization catalyst. The authors proceed with the research of the digital services market and its segments. In the framework of the study, of particular interest is the digital retail services market development in a down national economy in 2020, caused by the new Covid-19 coronavirus infection pandemic. Retail services market is a promising and the most important market segment, integrated into a weekly human life cycle providing goods on the B2C market. The aim of the research is to reveal trends in the digital retail services development in a down economy and to identify the priority areas for this digital market segment development in the medium term. The research objectives are to consider the development trends of online stores and the relevance of marketplaces and mobile applications in the conditions of changing consumer behavior patterns, to identify which prospects of retail development to target in the context of national digitization.

The methodological basis of the research comprises analysis, grouping and comparison. The forced change in the consumer behavior patterns and the introduction of a number of restrictions for entrepreneurs have led to changes in the entire retail market landscape and a shift to the digital segment. Additionally, the business community has also changed. A number of retail businesses were forced to withdraw from the market as it was impossible to carry out their activities under new conditions.

KEYWORDS: digital service, crisis, digital services market, retail, marketplace, online store.

FOR CITATION: Usova N.V., Loginov M.P., Nedorostkova E.E. (2022). The growth of the digital retail services market in a down economy: problems and prospects, *Management Issues*, no. 3, pp. 77–88.

Introduction

The past 2020 has had a major impact on the macroeconomic development trends. As the issues of the national economy digitization are among the national priorities, the significance of introducing digital technologies into certain segments of the services sector is largely due to the specifics of these services.

Methods

The given research is based both on the findings available from studying various companies, and a number of scientific works on the digital services market in general [Usova N.V., Loginov M.P. 2020], the digital retail services market development under crisis and pandemic [Loginov M.P., Usova N.V. 2020a, 2020b], the regional digital re-

tail services market [Loginov M.P., Usova N.V., Nedorostkova E.E. 2020], the specifics of the e-commerce development in the Russian Federation [Kochieva A.K., Dalakova A.N. 2019; Petrichenko O.V., Timofeenko M.A. 2018; Skvortsova N.A., Chentsova K.G. 2020; Tsukanova O.A., Serikova A.A., Torosyan E.K. 2019; Cheklaukova E.L., Kazakov A.R. 2019], the digital trade development in the context of the digital economy [Gevorgyan L., 2017; Pile Ya.E., 2019] and other works.

In her article Pervushina A.V. says in particular, that 'The key e-commerce trends are associated both with the extensive development of distance selling, which will cover not only million-plus cities, but also smaller ones with less than 500 thousand residents, and with qualitative development: growth of purchases from mobile devices, the B2B segment

development, the online range expansion. The high market dynamics will alter the institutional environment: the number of the traditional retail businesses switching to the online retail format will be growing, the market of aggregators and marketplaces will be actively consolidated, the transformation and functional enhancement of logistics companies will continue.’ [Pervushina A.V., 2018 P.10] And the year 2020 witnessed such a transformation.

Results

The restrictions imposed in connection with the spread of the new Covid-19 infection significantly influenced the digital services market in general, and its digital retail services segment in particular.

First, a decreasing income level of enterprises and organizations, as well as bankruptcy in various fields of activity owing to low demand and lack of funding to carryout entrepreneurial activity. Thus, small businesses from various segments of the service sector going bankrupt made 35%.

Second, unemployment growth in response to staff redundancies either because of organization closure or due to staff optimization.

Third, the decline in the key macroeconomic indicators of the national economy.

Enterprises and organizations from various fields of activity had to review their work model and implement digital interaction tools both at corporate level and for their target audience. Most enterprises

faced lack of financial resources to pay wages and other obligatory payments, an increase in accounts receivable, a decrease in demand for goods and services and the following deterioration in financial performance.

It is particularly important for enterprises and organizations to meet customers' requirements and pursue the strategic vision of business development. It is now that digitization of business activity is becoming very important. Moreover, this is of primary importance in interaction with consumers, but here companies themselves, as business units, should be ready for digital changes.

Remarkably, if we look at the digital maturity of commerce in comparison with other industries, a very notable fact can be observed (Figure 1).

As can be seen from Figure 1, the digital maturity level of commerce in Russia is second only to the banking sector, but at the same time, both areas are rather closely interconnected and the development of one area stimulates the development of the other, which is very important in the context of increasing competition not only between countries at the global level, but also at the industry and corporate levels.

At the same time, the retail services market digitization is limited due to the social reluctance to actively use digital technologies in daily life. The low level of digital literacy and lack of trust to digital companies have become a destabilizing

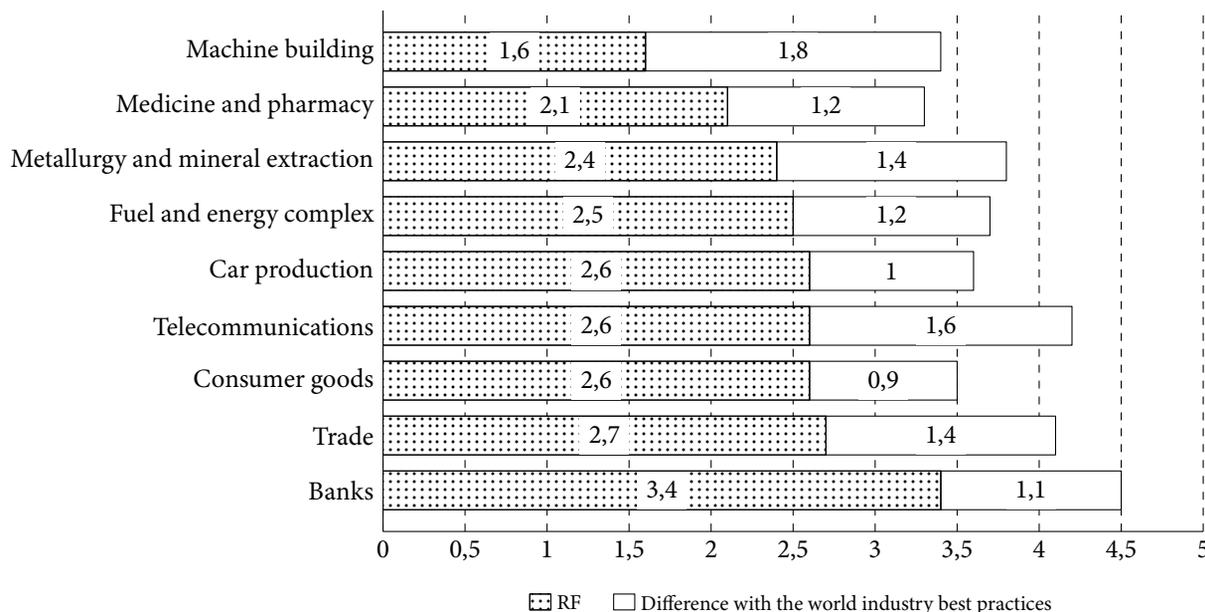


Figure 1 – Assessment of digital maturity level by industries for all sectors of activity

Source: SAP and ‘Deloitte’ Research: How to increase digital maturity— from strategy to implementation. URL: <https://news.sap.com> (accessed 27.03.2021).

Table 1 – 10 largest online stores in Russia

| Online store | Turnover, bn rubles | |
|--|---------------------|-------|
| | 2019 | 2020 |
| 1. Wildberries | 210.6 | 413.2 |
| 2. Ozon | 80.7 | 197 |
| 3. Citylink | 90.4 | 132.7 |
| 4. DNS | 53.7 | 116.7 |
| 5. М.Видео | 57.5 | 113.2 |
| 6. eldorado.ru | 27.58 | 53.7 |
| 7. Lamoda | 40 | 52.9 |
| 8. apteka.ru | 34.2 | 50 |
| 9. Aliexpress.ru | no data | 49 |
| 10. покупki.market.yandex.ru (In 2020 experts combined all the 'Beru' and 'Ya.market' sales into one store) | no data | 44 |

Source: 100 largest online stores 2020 from Data Insight. <https://e-pepper.ru/news/100-krupneyshikh-internet-magazinov-2020-ot-data-insight.html> (date of access 03.05.2021).

factor on the way to the digital services market development in general and retail in particular.

In addition, because of the crisis and restrictions, the population was forced to master digital technologies, particularly, to learn how to choose, order and pay for services without leaving home and, most likely, very many will not return to the previous service consumption format. After all, consumers are getting the opportunity to choose at any time and from any device with Internet access.

According to the SberIndex laboratory and the 'OFD Platform' IT company, the share of non-cash trade turnover in Russia reached 55.9% in VI quarter of 2020 and amounted to 54.1% over the entire 2020, which is 4.9 p.p. higher than the level of 2019 (49.2%) and one more all-time high¹.

As the Association of Internet Trade Companies² reports, in 2020 the national digital retail services market demonstrated a considerable growth compared to 2019. So, for example, the market turnover exceeded the 2019 indicators by 58.5% and reached 3.2 trillion rubles. Moreover, the trend is expected to continue and reach an indicator of 3.745 trillion rubles in 2021. It is also important to mention that the growth is characterized by the reorientation of the target audience to the local

market. Cross-border trade decreased from 29% in 2019 to 14% in 2020.

Also, the ranking results of the largest online stores in 2020 are of particular interest. Note that the authors of this rating do not distinguish between online stores and marketplaces.

As can be seen, judging by the 2020 results, marketplaces occupy the leading place as the most convenient and demanded platforms for consumers. Further, we are going to have a closer look at the performance of major marketplaces in the national retail digital services market.

Another important point is that the retail digital services market development is significantly affected by the level of digital technologies penetration.

Thus, according to Mediascope³ research company, in February-November 2020, the average of 78.1% of the population of the country over 12 years old used the Internet at least once a month, and on average, 71.1% of the RF population used the Internet over the day.

At the same time, depending on the age group, the digital technologies penetration level varies quite significantly. So, for example, almost 100% of the 12 to 24 age group used the Internet at least once a month. Also, the indicator value exceeded 90% among the population under 44. The indicator value for the 45 to 54 age group is 84.2%. Moreover, from those in the age group of 55 years and older, 49.7% went online.

Note that the mobile Internet is in greater demand, as indicated by the following data⁴:

- mobile devices to access the Internet are still used as the main ones by the RF population of all age groups. Besides, the average daily mobile Internet audience was 65.2% of the country population, and 27.1% used mobile devices to access the Internet at least once a month.

- the average daily exclusive mobile audience was 23.9% of the total RF population. And the largest share (over 30% of the population) of exclusive mobile users is observed in the 25 to 54 age group.

Also, among the digital technologies penetration trends in 2020 the following ones can be distinguished from a survey conducted by the Institute

¹The 'non-cash' cities and regions in Russia. Results of IV quarter and year 2020. URL: <https://sberindex.ru/ru/researches/reiting-beznalichnykh-gorodov-i-regionov-rossii-itogi-iv-kv-i-2020-g> (date of access 20.03.2021).

²The Russian online trade market in 2020. URL: <https://ict.moscow/research/rossiiskii-rynok-internet-torgovli-v-2020-godu/> (date of access 20.03.2021).

³Internet audience in Russia in 2020. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (date of access 20.03.2021).

⁴Internet audience in Russia in 2020. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (date of access 20.03.2021).

for Statistical Studies and Economics of Knowledge of the Higher School of Economics:

- 76% of the respondents now use digital tools more often to address everyday issues.
- 49% of respondents installed additional applications and programs.
- 34% of respondents mastered a new skill, and 48% are planning to do so in the near future.
- most typically, digitalized are information search, public services and entertainment content, as well as sale of goods and services. And it is important to note, that, although a high level of digital technology penetration is characteristic for these types of activities, they are still not completely transferred to digital space.

Furthermore, even considering the fact that over 70% of respondents purchased goods and services in the digital space, the traditional method of services consumption was not rejected.

The 2020 economic crisis served as a catalyst for marketplaces development. The largest marketplaces operating on the RF national market include AliExpress, Goods, Ozon, Wildberries, Yandex.Market. Each of which enjoys great demand and, in the conditions of crisis, has also undergone transformation considering the trends in the global and national economy.

According to the results of the 'Sellers on the Russian marketplaces' research⁶ the 2020 trends looked as following:

First, marketplaces have become the fastest growing online sales channel.

Second, for more than half of the sellers (55%) using marketplaces to sell goods, this is the main or the only selling channel.

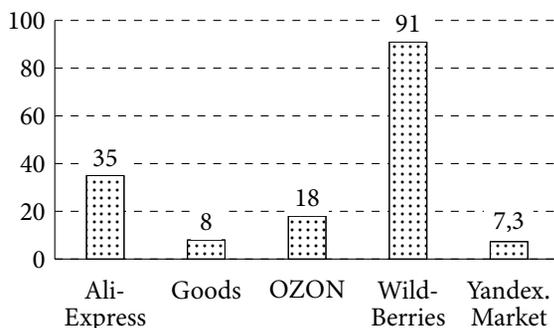


Figure 2 – The number of sellers in major marketplaces, 1000s
Compiled by: Sellers on the Russian marketplace https://datainsight.ru/sites/default/files/DataInsight_SellersOnMarketplaces2020.pdf (date of access 20.03.2021).

Third, the most popular sales channel is the own online store (41% of sellers). Almost half of marketplace sellers (45%) do not use online store or website for selling.

Fourth, the expectations which became the reasons to start selling on marketplaces:

- wider audience and growingsales (79%)
- selling own products in other regions (42%)
- increased product awareness (37%)
- digitalization (29%)
- reduction of product sales costs (20%)
- start of sales (18%)
- current trends following (13%)

Along with that, each of the functioning marketplaces has its own specifics. Consider the characteristics of key marketplaces in the national digital retail market.

There are 5 key marketplaces in the national market: AliExpress, Goods, OZON, WILDBERRIES and Yandex Market.

The demand for these marketplaces among both sellers and buyers on the national market of the Russian Federation is illustrated in Figures 2 and 3.

As can be seen, the leading positions are occupied by OZON, the Russian segment of AliExpress and WILDBERRIES, which sets the development trends of the national market. However, the pandemic has affected its activities.

In particular, in 2020 goods could be purchased only on advance payment conditions, although before the pandemic the postpaid method was used and customers could pay for the purchased goods upon receipt.

Now, let's consider the number of direct visits to the website (Figure 3).

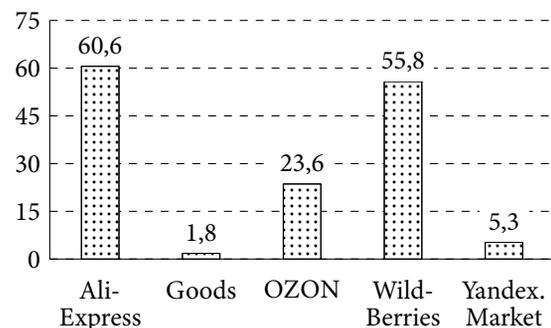


Figure 3 – Average monthly direct visits to the website, mlns

⁵Digital practices of the Russian population under self-isolation <https://issek.hse.ru/news/438496284.html> (date of access 20.03.2021).
⁶Sellers on the Russian marketplace. https://datainsight.ru/sites/default/files/DataInsight_SellersOnMarketplaces2020.pdf (date of access 20.03.2021).

Table 2 – Comparative characteristics of the key marketplaces operating on the national market of the Russian Federation

| Marketplace commission | Procedure for receiving money by sellers | Payment methods for customers |
|---|--|--|
| <i>AliExpress</i> | | |
| 5% or 8% depending on the category of goods | After the client has confirmed the receipt of the goods or after the buyer's protection period expired, the money is transferred to the seller's personal account and is available for withdrawal to the current account. On average, sellers with draw money 8 days after payment. | Bank cards, Google Pay, electronic money (Yandex.Money, QIWI, WebMoney), from a mobile account (MTS, MegaFon, Beeline, TELE2), Wire transfer, online banking (Tinkoff, VTB, Post Bank, MTS Bank and others), cash payment in terminals, payment by installments. |
| <i>Goods</i> | | |
| From 3% to 22% depending on the goods category + cash and settlement service (1,5%) | After receiving funds from the buyer, Goods.ru transfers the funds with commission fee deducted to the seller's account: weekly charges for the goods arrive on Tuesdays and Fridays; compensation for bonus rubles (if the buyer used the loyalty program tool) - on Wednesdays. | Installment with Halva card, Sovest' card, Tinkoff card, Home Credit Bank card, Russkii Standart Bank card. Cash to courier. By bank card online or to a courier. Bank card online or to a courier. |
| <i>OZON</i> | | |
| from 4% to 15% from 01.02.2021 depends on the category | 1. Payments arrive twice a month, on the 15th for sales from the 16th to the 31st, and on the 25th for sales from the 1st to the 15th of each month 2. Every day (in test mode) - the money is transferred to the seller's bank account the next day after the operations are done minus refunds and additional services provided over the day. | Bank cards (Halva, Sovest', Home Credit, Ozon.Card). Apple Pay, Google Pay, Yandex.Money, credit and installments from partner banks, Ozon installments, Faster Payment System, gift certificates. Ozon account. |
| <i>WILDBERRIES</i> | | |
| from 1% to 15% depends on the category of goods | Weekly, once every 7 days. | Bank cards, QR-code payment (FPS) |
| <i>Yandex Market</i> | | |
| 2% whatever the category of goods + acquiring (1%) | The buyer paid for the goods immediately upon ordering - the money will be transferred the next day. The buyer has chosen to pay upon receipt - the money will be transferred after the 'Delivered' status. The buyer used promotional codes - payment will be transferred to the seller's account by separate transactions: separately amount paid by the buyer, and separately - remuneration for the discount provided. | Bank card. Sberbank Spasibo bonuses. On credit. At the post office or courier - in cash. At pickup points and postamat stations - in cash or by card. Yandex.Plus points. |

Compiled by: Sellers on the Russian marketplaces. https://datainsight.ru/sites/default/files/DataInsight_SellersOnMarketplaces2020.pdf (date of access 20.03.2021).

Here we can observe a broadly similar picture if viewed from the perspective of consumer leaders, although there are certain differences. The most popular is AliExpress, while OZON and WILDBERRIES retain the top three positions and Goods marketplace is not that popular with consumers.

Out of the entire set of the key marketplaces under consideration, the leading product category in WILDBERRIES' traffic only is clothing, footwear and accessories. For the rest of the aggregate marketplaces, the leader is technical devices and electronics.

Further, we will consider the differences in payment methods, commissions and the procedure for receiving money by the seller (table 2).

Additionally, the development of the national digital retail services market in 2020 was under the considerable influence of the quality of logis-

tics services provision, which became particularly important in the context of self-isolation and the urgent need to reduce the contacts.

The DataInsight company has published the results of the 2020 e-commerce logistics services market research⁷:

- The e-commerce market growth was 44%. Moreover, the new coronavirus infection pandemic has had a significant impact on the development of this field. According to experts, if not for the pandemic, the growth would have made only 29%.

- The average growth in e-commerce from 2011 to 2019 was 28%. In 2019 it accelerated— mainly due to investments of large stores and marketplaces in advertising and infrastructure. According to Data Insight's estimates, the average growth of e-commerce in the period of 2019 to 2024 will make 33.2%.

⁷ Logistics for e-commerce 2020. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/Logistics_2020.pdf (date of access 20.03.2021).

– For the period from 2021 to 2024, further growth is predicted in terms of such indicators as the e-commerce market volume and its retail share. So, judging by the 2021 results, the market volume is expected to make about 3.3 trillion rubles (7.2 trillion rubles – in 2024), and the market share in retail trade will go up from 11% in 2021 to 19% in 2024.

– At the same time, the market growth is not expected to be as explosive as a result of the 2020 pandemic. The value of the indicator will be decreasing. Thus, in 2021 the market is expected to grow at 34%, and in 2024 – at 27% only.

– The number of online buyers has increased. The first three months of the quarantine restrictions alone brought in at least 10 million new buyers into online trade.

– Transition to remote work, which made it possible to move to the outskirts or small towns, has significantly contributed to the development of regional logistics.

– The increased security requirements have reduced the number of visits to conventional retail facilities, which has led to a substantial increase in demand for consumer goods, including food. So, in the first six months of 2020, the growth was 4.3 times. Moreover, the demand for non-contact delivery emerged.

– The growing relevance and need for business development on the Internet

– The trend towards unions and collaborations. For example, in April 2020, carsharing entered the delivery market (a 'Delimobil' and 'Pyaterochka' partnership) and in May 2020, the 'Pochta Rossii' took up the delivery of medicines. Another bright example is 'Wildberries' marketplace, which fulfilled the logistics of the offered goods using entirely their own resources. In 2020, the marketplace switched to a new model, in particular, giving suppliers an opportunity to sell goods from their own warehouses. Later, the marketplace began to cooperate with logistics companies and retailers regarding the delivery of orders. For example, 'Wildberries' signed an agreement with companies such as '5 Post', 'Sberlogistika', 'PickPoint' and 'Pochta Rossii'.

– Development of the network of pickpoints and postamats

– The pandemic has changed the Russian trading model and has significantly accelerated the digital transformation of retailers. Sales in all conventional segments decreased, and the greatest negative consequences were typical for the members of the market who did not use digital channels at all.

– Strengthening competition for online customers leads to the complication of the tools used. In particular, companies providing logistics services are becoming increasingly important. And the most attractive ones are those with a well-developed logistics network, both in terms of area coverage and the number of pickpoints or other order-issuing facilities in a particular settlement. According to Boxberry, more than 60% of online customers are regional buyers, and the leading regions considering the number of customers are St. Petersburg, Tatarstan, Krasnodar area and also Nizhniy Novgorod, Rostov, Samara, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions.

– Logistics companies, retailers and marketplaces are developing their networks. Thus, judging by the 2020 performance results almost all market participants expanded their networks by 2-3 times. The majority of the networks consist of their own and partner access points.

– 92% of the access points and parcel terminals are located in cities. So, Moscow has 12.8% access points and parcel terminals, St. Petersburg - 5%, Ekaterinburg - 1.8%, Nizhny Novgorod and Samara - 1.6% each, Novosibirsk and Rostov-on-Don - 1.5% each, Chelyabinsk and Krasnodar - 1.3% each and Kazan 1.2%.

As mentioned above, the digital retail services market development is closely related to the financial services digitalization. So according to SberIndex⁸ the share of spending in the digital space was 11.8% of the total volume making 19.5% of non-cash turnover. Moreover, a group of consumers who used electronic and digital retail services periodically before the pandemic demonstrated stable spending redistribution in favor of online purchasing. In turn, consumers who did not use digital services before the pandemic returned to their previous behavior pattern.

In the conditions of the pandemic, consumers preferred to purchase goods either from 'corner

⁸ Потребление после пандемии: онлайн-пользователи стали больше тратить в интернете, «консерваторы» остаются офлайн <https://sberindex.ru/ru/researches/potreblenie-posle-pandemii-onlain-polzovateli-stali-bolshe-tratit-v-internete-konservatory-ostayutsya-oflain> (дата обращения 20.03.2021)

stores' or online platforms. Malls and shopping centers are not in demand during the pandemic. Digitalization is a key factor in retail development, which makes it possible to create new business models and change the customers' needs and behavior.

Thus, in 2020, the following trends of the digital retail services development can be distinguished⁹.

First, online sales and popularity of marketplaces have been explosively growing. Moreover, this trend will continue in the future, due to the more favorable prices for goods in comparison to conventional stores and quite inexpensive or free delivery of the purchased goods.

Second, the strong growth of the e-commerce segment is illustrated by the exceeding share of respondents who prefer digital retail services as opposed to the traditional ones when buying New Year gifts. Here, one may talk about the growing demand for omnichannel trade, providing for interaction with the consumer at any time and on various platforms saving the interaction history.

Third, consumer habits transformation. If, before the COVID-19 pandemic, the representatives of millennials and generation Z were the main target audience for digital retail services, in 2020 other groups of the population also turned to digital services. Yet, the degree of involvement in the process of purchasing and consuming digital services varies.

Next, the structure of demand for various goods and services has changed. In particular, the leading positions take such categories as home, beauty and health goods (+ 151%), games (+ 129%), goods for pets (+ 115%). The demand for clothes and accessories has decreased because of self-isolation.

Last, the demand for mobile applications has also changed. For example, by the 2020 results, the demand for mobile applications was the following: food delivery 36%, social networks 33%, retail shopping 33%, podcasts and music 28%, finance, streaming video, and food / alcohol delivery - 27% each, games 25%, video conferencing 24%, news 22%, home workouts 13%, children training 11%, training for adults 9%, stress relief and productivity 7% each, and none of the above 16%.

Of particular interest are the results of the 'Consumer behavior in mobile applications 2020: Russia'¹⁰ research by Criteo. So, the most popular in terms of using the mobile applications during the Covid-19 pandemic were social networks (38%), food delivery (32%), retail shopping (28%), news (26%), streaming video (25%), podcast and music (24%), food / alcohol delivery (22%), video conferencing and games 20% each, home workouts (10%), children training (9%), adult training (8%), stress relief and productivity 6% each, none of the above (16%).

Additionally, during the 2020 pandemic, many paved the way to non-food (30%) and food (21%) online shopping. Buying goods in mobile applications and food ordering and delivery attract 21% respondents¹¹ each.

The results of the survey conducted in February 2020 by Raiffeisenbank¹² are also worth noting:

- Most often, the Russians buy from super- and hypermarkets or corner shops. 52% of respondents buy everyday goods online.

- Almost 50% of Russians have started more often to pay for purchases online. And most often they buy online clothes and shoes (65% respondents), household appliances (59%), cosmetics and hygiene items (56%), food (40%), childcare items and toys (39%), books, music and films (36%), home improvement goods (34%), DIY and craft goods (30%), software and games (22%).

- 94% of respondents use bank cards to pay for purchases. The popularity of online payment and bank cards is explained by the speed of transactions, as well as the possibility of receiving cash-back and bonuses.

- 28% of respondents also use wire transfer and contactless payment services.

- 16% of respondents also have digital cards to pay online or via NFC.

- Almost half of the respondents also use cash for their daily expenses. At the same time, the demand for cash has decreased. 62% of respondents note that they pay in cash out of habit, and 49% - because they were asked to pay this way in a store or transport.

⁹ Online consuming in 2020: trends and forecasts [electronic resource] // RETAIL.RU. To retailer and supplier. URL: <https://www.retail.ru/articles/onlayn-potreblenie-v-2020-godu-trendy-i-prognozy/> (date of access 09.01.2021)

¹⁰ Consumer behavior in mobile applications 2020: Russia [electronic resource] // The official website of the Criteo company URL: <https://www.criteo.com> (date of access 09.01.2021)

¹¹ Loyalty in self-isolation: how consumers discover new online stores [electronic resource] // The official website of the Criteo company URL: <https://www.criteo.com> (date of access 09.01.2021)

¹² Raiffeisenbank: the Russians are less often using cash to pay for purchases: Russia [electronic resource] // The official website of Raiffeisenbank URL: <https://www.raiffeisen.ru> (date of access 20.03.2021)

– 57% of respondents prefer to transfer money to each other by telephone or card number, 44% of respondents - using bank card details, 34% - via contactless payment services and 12% - by wire transfer to an e-wallet.

In general, 53% of users responded that they have discovered at least one type of online shopping, which they are going to use in the future.

It should be noted, that if earlier digital retail services were perceived as an additional format of interaction with the target audience, in the context of the crisis and pandemic, these services enjoyed the greatest demand and popularity among consumers.

Digital services in retail sector are gaining priority as a development area under crisis, because they contribute to business costs reduction and, at the same time, allow to further interact with the target audience.

The digital commerce development provides accessibility of goods and services for the end consumer, levels off territorial differences in terms of analogue services availability. For retailers, the most relevant is the transition to the Internet, which allows them not only to provide a certain sales volume, but also to increase their competitiveness level. Success in the market is no more directly dependent on the size of the company itself, and the costs of opening and operating a digital retail enterprise are considerably lower, which is also an incentive for the active development of this segment of the national digital services market.

Here, a number of factors can be identified that prevent digital retail services from a more rapid growth.

First, the product, considered as a potential purchase, cannot be touched. And this is an important aspect for certain potential clients.

Second, doubts about the quality of the goods purchased online.

Third, certain fears about who to contact in case of problems when purchasing goods online and difficulties associated with the return of goods.

Following the results of the research¹³ conducted by the 'Association of Electronic Communications' together with the 'National Research University of the Higher School of Economics' and Microsoft, in terms of the impact of the COVID-19 pandemic

on the national business expansion, the most demanded tools in Russia in the near future will be 'tools for online communications' (44% of respondents), 'tools for automated communication with clients' (9%). Also, the contribution of digital channels to the company's total revenues will also grow. In particular, by the end of 2021, the share from digital channels in the company's total revenues will increase, and the events of spring 2020 have become a catalyst for the digital transformation.

Interpretation

As can be seen from the above, the development of the digital retail services market has a number of positive aspects for consumers and the national economy.

First, the transition of competition from the analogue space to the digital one, which is illustrated by the dominance of individual online stores or marketplaces. Some of the bright examples are Amazon and Alibaba, which have transformed over the course of their existence and are the most demanded digital platforms at the global level.

Second, the digital retail services market development allows to customize and personalize offers for consumers, balancing the influence of the spatial aspect.

Third, the rise of innovative startups in retail field.

Next, the opportunity to improve the efficiency of business activity through the digital retail services provision. For instance, volume of costs for opening and operating a digital store is significantly lower than that of a conventional one.

Then, improving the competitiveness of national retailers.

Finally, improving the quality of life of the population owing to the round the clock availability of digital retail services. In addition, the availability of services is not affected by the materialization level of goods.

Although the pandemic and economic crisis have positively influenced the digital retail services development, in the authors' opinion, there are certain problems to be addressed in the near future.

First, the low level of established digital skills among consumers and digital technologies among sellers.

Secondly, the high differentiation of federal districts in terms of the level of digital retail services

¹³New highlights of digital transformation: how spring 2020 will affect the Russian business [electronic resource] // The official website of the Russian Association for electronic communications URL: <https://raec.ru> (date of access 09.01.2021)

development, which negatively affects national indicators.

Third, there is a fairly high level of public distrust to digital technologies and representatives of the retail industry in the Internet.

Next, lack of strategic documents aimed at developing and improving the digital retail services market. Regarding the fact that the digital segment of the national economy is a strategic development priority area, the development of these strategic documents is gaining importance and relevance both at national and regional levels. At the national level, key priorities should be identified and risks in the digital retail market revealed. In turn, at the regional level, the specifics of the territory itself and also, the development features of the digital retail services market should be considered in strategic documents. In particular, for some territories the emphasis on conventional trade is characteristic, for others the significant constraint to the digital segment development is the insufficient level of digital technologies penetration into the life of society.

Further improvements to the sales system and the digital retail services development will enable to reduce the spatial aspect influence, ensure the development of multi-format and the possibility of choice for the consumers. When providing traditional retail services the location of the seller,

the level and the quality of the service provided are key factors. Under the conditions of the coerced self-isolation and transition to the Internet, seller recognizability, quality of goods, payment and delivery terms are of particular importance. In turn for the seller, digital retail services provide an opportunity to keep their market share and maintain interaction with the target audience, but using digital technologies. Besides, manufactures and consumers can interact at various platforms (online stores, marketplaces).

The future is digital. It is the adaptation to new products and technological solutions, the ability to provide digital services, which determine the retailers' competitiveness level in digital economy.

In the coming few years, the following technologies will have a major impact on retail development: robotics, drones, 3D printing, virtual reality (VR), Internet of things (IoT), new client interfaces, cloud technologies, blockchain, augmented reality (AR) and artificial intelligence (AI).

The digital technologies globalization has already changed consumer needs and behavior patterns. In the conditions of the national economy digital transformation, these processes will intensify and will be expressed in the increased share of digital trade and a shift in emphasis from traditional retail facilities to digital ones.

REFERENCES

1. Kochieva A.K., Dalakova A.N. (2019). Specifics of the online trade development in Russia, *Economics of sustainable development*, no. 2 (38), pp. 54–57.
2. Loginov M.P., Usova N.V. (2020). The development of online commerce in the digital services market under crisis. In: Reports of the International scientific-practical conference "Socio-economic development of organizations and regions in the context of economy digitalization". Vitebsk, pp. 205–209.
3. Nikolaeva M.A., Kamolova D.S. (2017). Comparative characteristics of electronic and traditional retail trade, *Trade and economic journal*, vol. 4, no. 2, pp. 81–90.
4. Pervushina A.V. (2019). Institutional environment of the Russian e-commerce market development, *Bulletin of Humanitarian University*, no. 3 (26), pp. 6–11.
5. Petrichenko O.V., Timofeenko M.A. (2018). Prospects of the e-commerce development in Russia, *Synergy of Science*, no. 19, pp. 48–53.
6. Pile Ya.E. (2019). Digital economy: online trade growth points, *Economy: yesterday, today, tomorrow*, vol. 9, no. 2A, pp. 126–135.
7. Skvortsova N.A., Chentsova K.G. (2020). Development of the e-commerce system of trading companies, *Scientific Notes of OrelGIET*, vol. 33, no. 1, pp. 20–24.
8. Usova N.V., Loginov M.P. (2020). Formation and development of the digital services market potential, *e-FORUM*, vol. 11, no. 2.
9. Tsukanova O.A., Serikova A.A., Torosyan E.K. (2019). Analysis of the B2C e-commerce market development trends, *Journal of Legal and Economic Research*, no. 4, pp. 42–45.
10. Cheklaukova E.L., Kazakov A.R. (2019). E-commerce in Russia, *Bulletin of the Angarsk State Technical University*, no. 13, pp. 274–280.

11. Myslyakova Yu.G., Shamova E.A., Matushkina N.A., Zakharova V.V., Loginov M.P., Usova N.V. (2020). Economic genetics of the regions: codes of heredity and industrial development. Ekaterinburg: "AMB PUBLISHING" ; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 244 p.

12. Gevorgyan L. (2017). Big data in e-commerce, *Science Bulletin of Odessa National Economic University*, no. 6 (248), pp. 25–32.

13. Loginov M., Usova N., Nedorostkova E. (2020a). Developing digital retail services as a tool of ensuring consumer market sustainable development in the Sverdlovsk region. In: Proceedings

of the XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society» (Ekaterinburg, November 25-28, 2020) Ekaterinburg : Ural Institute of Management – Branch of RANEPА.

14. Loginov M., Usova N., Nedorostkova E. (2020b). The impact of the COVID-19 coronavirus pandemic on the national digital services market development (exemplified by the digital commerce segment). In: Usova N. (ed.) Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020) (Ekaterinburg, October 15–16, 2020). Atlantis Press, pp. 161–164. (Advances in Economics, Business and Management Research, vol. 486).

AUTHORS' INFORMATION:

Natalia V. Usova – Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); nata-ekb-777@yandex.ru.

Mikhail P. Loginov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); port-all@mail.ru.

Elvira E. Nedorostkova – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); elvira.nedorostkova@gmail.com.

РАЗВИТИЕ РЫНКА ЦИФРОВЫХ УСЛУГ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.В. Усова^а, М.П. Логинов^а, Э.Э. Недоросткова^а

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Активное развитие информационных технологий и переход к цифровой национальной экономике требуют от потребителей и бизнес-сообщества пересмотра своих моделей поведения. Прошедший 2020 год стал в данном случае катализатором внедрения цифровых технологий. Авторы продолжают исследование рынка цифровых услуг и его различных сегментов. В рамках данного исследования представляет интерес развитие рынка цифровых услуг розничной торговли в контексте кризисных явлений в национальной экономике в 2020 году, обусловленных пандемией новой коронавирусной инфекции Covid-19. Рынок услуг розничной торговли представляет собой перспективный и наиболее значимый сегмент рынка, встроенный в еженедельный цикл жизнедеятельности человека и предоставляющий товары на рынке В2С. Целью исследования является выявление трендов развития цифровых услуг розничной торговли в условиях кризиса и определение приоритетных направлений развития данного сегмента цифрового рынка в среднесрочной перспективе. Задачами исследования являются рассмотрение тенденций развития интернет-магазинов, выявление трендов востребованности маркетплейсов и мобильных приложений в условиях изменения модели поведения потребителя, а также определение перспективных направлений развития роз-

ничной торговли в условиях цифровой трансформации национальной экономики. Методологическую базу исследования составили анализ, группировка, сравнение. Вынужденное изменение модели поведения потребителя и введение ряда ограничений для предпринимателей привели к изменениям ландшафта рынка услуг розничной торговли в целом и переориентации на цифровой сегмент. Кроме того произошли изменения и в бизнес-сообществе. Ряд предприятий розничной торговли был вынужден уйти с рынка в виду невозможности осуществления своей деятельности в новых условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая услуга, кризис, рынок цифровых услуг, розничная торговля, маркетплейс, интернет-магазин.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Усова Н.В., Логинов М.П., Недоросткова Э.Э. Развитие рынка цифровых услуг розничной торговли в условиях кризиса: проблемы и перспективы // Вопросы управления. 2022. № 3. С. 77–88.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочиева А.К., Далакова А.Н. Особенности развития онлайн-торговли в России // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2 (38). С. 54–57.
2. Логинов М.П., Усова Н.В. Развитие онлайн-торговли на рынке цифровых услуг в условиях кризиса // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики : Материалы докладов Международной научно-практической конференции. Витебск, 2020. С. 205–209.
3. Николаева М.А., Камолова Д.С. Сравнительная характеристика электронной и традиционной розничной торговли // Торгово-экономический журнал. 2017. Т. 4. № 2. С. 81–90.
4. Первушина А.В. Институциональная среда развития российского рынка e-commerce // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3 (26). С. 6–11.
5. Петриченко О.В., Тимофеев М.А. Перспективы развития электронной коммерции в России // Синергия Наук. 2018. № 19. С. 48–53.
6. Пиле Я.Э. Цифровая экономика: точки роста интернет-торговли // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 2А. С. 126–135.
7. Скворцова Н.А., Ченцова К.Г. Развитие системы электронной коммерции торговых компаний // Научные Записки ОрелГИЭТ. 2020. № 1 (33). С. 20–24.
8. Усова Н.В., Логинов М.П. Формирование и развитие потенциала рынка цифровых услуг // e-FORUM. 2020. № 2 (11).
9. Цуканова О.А., Серикова А.А., Торосян Е.К. Анализ тенденций развития рынка B2C электронной коммерции // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 4. С. 42–45.
10. Чекалукова Е.А., Казаков А.Р. Электронная коммерция в России // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2019. № 13. С. 274–280.
11. Мыслякова Ю.Г., Шамова Е.А., Матушкина Н.А., Захарова В.В., Логинов М.П., Усова Н.В. Экономическая генетика регионов: коды наследственности и индустриальное развитие / Отв. ред. Ю. Г. Мыслякова ; Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург : ИЗДАТЕЛЬСТВО АМБ, 2020. 244 с.
12. Gevorgyan L. (2017). Big data in e-commerce, *Science Bulletin of Odessa National Economic University*, no. 6 (248), pp. 25–32.
13. Loginov M., Usova N., Nedorostkova E. (2020a). Developing digital retail services as a tool of ensuring consumer market sustainable development in the Sverdlovsk region. In: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society» (Ekaterinburg, November 25-28, 2020) Ekaterinburg : Ural Institute of Management – Branch of RANEPА.
14. Loginov M., Usova N., Nedorostkova E. (2020b). The impact of the COVID-19 coronavirus pandemic on the national digital services market development (exemplified by the digital commerce segment). In: Usova N. (ed.) Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020) (Ekaterinburg, October 15–16, 2020). Atlantis Press, pp. 161–164. (Advances in Economics, Business and Management Research, vol. 486).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Усова Наталья Витальевна – кандидат экономических наук, доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); nata-ekb-777@yandex.ru.

Логинов Михаил Павлович – доктор экономических наук, профессор; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); port-all@mail.ru.

Недоросткова Эльвира Эдуардовна – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); elvira.nedorostkova@gmail.com.

Информация для авторов

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) *аннотация с обязательным указанием названия статьи*

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) *ключевые слова и словосочетания*

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) *примечательный библиографический список.*

г) *сведения об авторах в следующей последовательности:*

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) *тематические рубрики:* ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет: 05.09.2022. Формат 60 × 84 1/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 11,50. Уч.-изд. л. 8,91. Тираж 999.
Цена свободная.

Отпечатано в Уральском институте управления – филиале РАНХиГС.
Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № ____.

